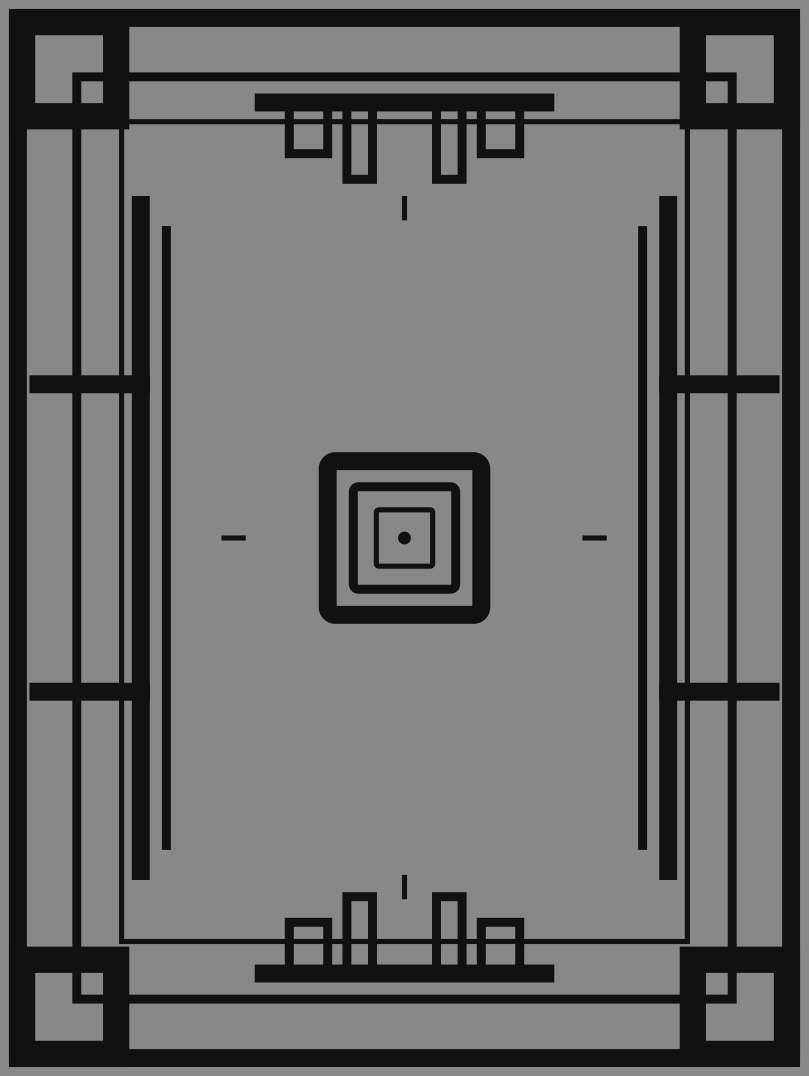


Трагедия о Гамлете, принце датском

Вильям Шекспир

Вильям Шекспир. Трагедия о Гамлете, принце датском
От переводчика
Трагедия о Гамлете, принце датском {1}
История сюжета
Время и место действия
"Гамлет" и театр
Текст
Деление на акты и сцены
Ремарки
Местоимение второго лица
КОММЕНТАРИИ
ПРИМЕЧАНИЯ

Вильям Шекспир. Трагедия о Гамлете, принце датском

Перевод М.М.Морозова
М.М.Морозов. Избранные статьи и переводы
М., ГИХЛ, 1954
OCR Бычков М.Н.

От переводчика

Настоящий перевод "Гамлета", сделанный прозой, отнюдь не претендует на художественность. Его единственной целью является отразить с наибольшей возможной точностью семантическую сторону подлинника. Известно, какое огромное значение имеют для режиссера и актеров, работающих над пьесой, смысловые оттенки исполняемого текста. Из этих, казалось бы, "второстепенных" деталей вырастают иногда целые образы. Для режиссеров и актеров прежде всего и предназначен настоящий перевод.

Сделанная нами работа окажется, возможно, полезной и нужной для переводчиков "Гамлета", в частности для переводчиков на национальные языки, поскольку подстрочник смыслового содержания поможет им разобраться в трудном английском тексте. Театроведческая молодежь, изучающая Шекспира, но не обязательно обладающая той значительной лингвистической эрудицией, которая требуется для чтения Шекспира в подлиннике, получит, мы надеемся, в этом подстрочнике нужный материал, на котором

легче будет строить работы исследовательского характера.

Примечания служат необходимым дополнением к переводу.

Точность всякого перевода, даже прозаического, относительна. Кроме того, в тексте "Гамлета", как известно, много темных мест, допускающих разные толкования. Автор перевода приносит свою глубокую благодарность проф. А. А. Смирнову за ряд ценных замечаний.

М. М.

Трагедия о Гамлете, принце датском {1}

Входят с разных сторон Бернардо и Франциско - двое часовых {2}.

Бернардо. Кто там?

Франциско. Нет, сами мне ответьте; остановитесь и откройте себя {3}.

Бернардо. Да здравствует король! {4}

Франциско. Бернардо?

Бернардо. Он.

Франциско. Вы пришли точно в свой час.

Бернардо. Только что пробило двенадцать. Ступайте спать, Франциско.

Франциско. Большое спасибо за смену: очень холодно, и мне не по себе {5}.

Бернардо. Все было тихо, пока вы были на посту?

Франциско. Мышь не шевельнулась {6}.

Бернардо. Ладно, доброй ночи. Если вы встретите Горацио и Марцелла, моих товарищей по страже, попросите их поторопиться {7}.

Входят Горацио и Марцелл.

Франциско. Кажется, я слышу их шаги. Стойте,

эй! Кто там?

Горацио. Друзья страны.

Марцелл. И вассалы короля Дании.

Франциско. Доброй вам ночи.

Марцелл. Прощайте, честный воин. Кто сменил вас?

Франциско. Бернардо встал на мое место. Доброй вам ночи.

Марцелл. Привет {8}, Бернардо!

Бернардо. Скажите, пожалуйста, и Горацио здесь?

Горацио. Я за него {9}.

Бернардо. Добро пожаловать, Горацио, добро пожаловать, добрый Марцелл.

Горацио. Ну что, это существо снова являлось сегодня ночью? {10}

Бернардо. Я ничего не видел.

Марцелл. Горацио говорит, что это лишь игра нашего воображения, и не хочет допустить, чтобы им овладела вера в ужасное явление, которое мы дважды видели. Я поэтому и уговорил его присоединиться к нам и провести на страже вместе с нами эту ночь, чтобы, если вновь явится видение, он смог убедиться в истине того, что видели наши глаза, и заговорить с ним.

Горацио. Вздор, вздор, оно не явится {11}.

Бернардо. Давайте сядем, и мы еще раз атакуем ваши уши, столь укрепленные против нашего рассказа о том, что мы видели в течение двух ночей.

Горацио. Хорошо, сядем и послушаем, что скажет об этом Бернардо.

Бернардо. Прошедшей ночью, когда вон та самая звезда, которая к западу от Полярной, продвинулась по своему пути и освещала часть небес, где она сейчас горит, Марцелл и я, когда колокол бил час...

Входит Призрак {12}.

Марцелл. Тише, замолчи! Смотри, вот оно снова идет!

Бернардо. По облику - точь-в-точь покойный король.

Марцелл. Ты - ученый, заговори с ним, Горацио {13}.

Бернардо. Разве оно не похоже на короля? Вглядись в него, Горацио.

Горацио. Необыкновенно похоже. Я поражен страхом и изумлением.

Бернардо. Оно хочет, чтобы с ним заговорили {14}.

Марцелл. Спроси его, Горацио.

Горацио. Кто ты, незаконно овладевший этим

временем ночи, а также прекрасным и воинственным обликом, в котором некогда выступал похороненный король Дании? Заклинаю тебя небом, говори!

Марцелл. Оно оскорбилось.

Бернардо. Смотрите, оно удаляется величественным шагом.

Горацио. Стой! Говори, говори! Я заклинаю тебя, говори!

Призрак уходит.

Марцелл. Оно ушло и не хочет отвечать.

Бернардо. Ну что, Горацио? Вы дрожите и побледнели. Разве это не побольше, чем игра воображения? Что вы думаете об этом?

Горацио. Как перед богом, я не поверил бы этому без чувственного и истинного свидетельства моих собственных глаз.

Марцелл. Разве оно не похоже на короля?

Горацио. Как ты на самого себя. Точно в таких же доспехах был он, когда сражался с честолюбивым королем Норвегии; так же точно нахмурился он однажды, когда, охваченный гневом, во время переговоров он вышвырнул на лед сидевших в санях поляков {15}. Это странно.

Марцелл. Вот так уже дважды и точно в этот же глухой час воинственным и величественным

шагом прошел он мимо нашего караула {16}.

Горацио. Я не знаю, что собственно думать об этом. Но в общем мнение мое таково, что это предвещает какое-то необыкновенное потрясение нашему государству.

Марцелл. Ну, старина, садись, и пусть скажет тот, кто знает, зачем это строгое и бдительное стояние на страже еженощно изнуряет подданных страны? Зачем ежедневно льют медные пушки и закупают за границей военное снаряжение? Зачем сгоняют кораблестроителей, чей тяжкий труд не отличает воскресения от будней? Что готовится такого, что потная спешка превращает ночь в сотрудницу дня? Кто может объяснить мне это?

Горацио. Это могу сделать я. По крайней мере так передают шепотом. Наш прежний король, чей образ только что явился нам, был, как вы знаете, вызван на поединок Фортинбрасом Норвежским, подзадоренным завистливой гордыней. В этом поединке наш доблестный Гамлет, - ибо таким почитала его эта сторона нашего исследованного мира {17}, - убил этого Фортинбраса. Последний, в силу скрепленного печатью соглашения, вполне соответствующего закону о поединках {18}, потерял вместе с жизнью все захваченные

им земли, которые перешли к победителю. Со своей стороны, нашим королем была поставлена в заклад соответствующая доля владений, которая перешла бы в наследственную собственность Фортинбраса, если бы он вышел победителем, - точно так же, как по этому же соглашению и содержанию указанной статьи его доля перешла к Гамлету. И вот, сэр, молодой Фортинбрас, человек горячего и еще не обработанного опытом нрава {19}, по окраинам Норвегии, в разных местах, набрал за пищу и пропитание {20} некоторое число беззаконных головорезов {21}, готовых на любое предприятие, требующее смелости {22}. А это предприятие заключается, как вполне ясно нашему правительству, в том, чтобы вернуть сильной рукой аз и навязанными условиями договора вышеуказанные земли {24}, потерянные его отцом. И в этом, насколько я понимаю, заключается главная причина наших приготовлений, причина нашего стояния на страже, а также спешки и суеты, охвативших всю страну.

Бернардо. Я думаю, что это именно так. Вполне возможно, что поэтому в час нашей стражи и появляется вооруженный вещий образ, столь схожий с королем, который был и есть причина этих войн.

Горацио. Это песчинка, которая тревожит око души {25}. В высоком и славном римском государстве, незадолго перед тем, как пал могущественный Юлий {26}, могилы остались без жильцов и одетые в саван мертвецы визжали и бормотали на улицах Рима. (И были также другие предзнаменования {27}), - как, например, звезды с огненными хвостами, кровавые росы, бледность солнца {28}; и влажная звезда, под влиянием которой находится царство Нептуна {29}, была больна затмением как будто в день Страшного суда. И совершенно такие же предзнаменования ужасных событий, подобные скороходам, которые всегда предшествуют грядущим судьбам {30}, и подобно прологу приближающегося зловещего события, небо и земля совместно показали нашей стране и нашим соотечественникам.

Возвращается Призрак.

Но тише, смотрите, вот оно снова идет! Я заступлю ему дорогу, хотя бы оно погубило меня. Стой, обманчивое видение! (Раскинув руки, он преграждает дорогу Призраку {31}.)Если ты можешь произнести звук и подать голос, заговори со мной. Если нужно совершить доброе дело, которое принесет тебе облегчение, а мне - милость неба, заговори со мной. Если ты посвящен в тайну

судеб твоей родины, которые, возможно, могут быть предотвращены, если заранее знать о них, - о, заговори! Или если ты при жизни скрыл во чреве земли насильственно добытые сокровища, в поисках которых, как говорят, вы, духи, часто блуждаете после смерти, -

Поет петух {32}.

скажи об этом. Стой и говори! Останови его, Марцелл!

Марцелл. Ударить его бердышем?

Горацио. Ударь, если оно не остановится.

Бернардо. Оно здесь!

Горацио. Оно здесь.

Призрак уходит.

Марцелл. Оно ушло! Мы не правы в отношении к нему, столь величественному, когда грозим ему насилием. Ибо оно неуязвимо, как воздух, и наши бесполезные удары превращаются в злостную насмешку над нами самими.

Бернардо. Оно собиралось заговорить, когда запел петух.

Горацио. И тогда оно вздрогнуло, как виноватое существо, услыхавшее ужасный призыв. Я слышал, что петух, утренний трубач {33}, своим высоким и звонким голосом пробуждает бога дня {34}, и когда раздается его предупреждение,

вышедший из назначенных ему границ блуждающий дух, находится ли он в море или в огне, на земле или в воздухе, спешит к своим пределам. Истину этого подтвердило данное явление.

Марцелл. Оно померкло при крике петуха. Некоторые говорят, что всегда, незадолго перед тем, когда празднуется рождество нашего спасителя, птица зари {35} поет всю ночь напролет. И тогда, как говорят, духи не смеют бродить на воле, благотворны ночи, планеты перестают оказывать дурное влияние, феи не насылают порчи, ведьмы теряют силу своих чар, - так свято и благостно это время.

Горацио. Я это слышал и отчасти этому верю. Но, посмотрите, утро, одетое в багряный плащ {56}, шагает по росе той высокой горы на востоке. Окончим стражу. Мой совет - сообщим, что мы видели сегодня ночью, молодому Гамлету. Ибо, клянусь жизнью, этот дух, который нем для нас, заговорит с ним. Согласны ли вы, чтобы мы ознакомили его с тем, что видели, как требует наша любовь к нему и велит наш долг?

Марцелл. Прошу, давайте так и сделаем. Я знаю, где нам всего удобнее повидаться с ним сегодня утром. (Уходит.)

Трубы. Входят: Клавдий, король Дании; короле-

ва Гертруда, члены Королевского
совета, Полоний и его сын Лаэрт, Гамлет и другие {37}.

Король. Хотя еще свежа память о смерти Гамлета, нашего дорогого брата, и нам пристало содержать сердца свои в скорби, а всему нашему королевству, нахмурившись, превратиться в единое горестное чело, однако здравый смысл вступил в борьбу с природой, и мы думаем о покойном с мудрой печалью, вместе с тем не забывая и о себе. Поэтому ту, которая некогда была нашей сестрой, ныне нашу королеву, царственную наследницу {38} этой воинственной страны, мы, так сказать, с поверженной радостью, смеясь одним глазом и роняя слезы другим {39}, с весельем на похоронах и похоронной песней на свадьбе, на равных чашах взвесив радость и скорбь, взяли себе в жены. Мы здесь не ставили препятствий вашей более совершенной мудрости, свободно сопутствовавшей {40} решению этого дела. Всем наша благодарность. Теперь вот о чем: как вы знаете, молодой Фортинбрас, либо низко оценивая наше достоинство, либо полагая, что благодаря смерти нашего дорогого брата наше государство разъединено и находится в распаде, поощряемый мечтой о своем превосходстве, стал

докучать нам посланиями, требуя возвращения земель, потерянных его отцом и перешедших законным образом к нашему доблестному брату. Довольно о нем. Теперь перейдем к нашим делам и к цели нашего собрания. Дело вот в чем: в этом письме мы пишем королю Норвегии, дяде молодого Фортинбраса, бессильному и прикованному к постели, который едва ли знает о намерениях своего племянника, прося его, - поскольку новобранцы, личный войсковой состав и все части войска молодого Фортинбраса состоят из его подданных, - остановить дальнейшие шаги своего племянника в этом деле. И вот мы посылаем вас, добрый Корнелий, и вас, Вольтиманд, передать привет старому королю Норвегии, ограничивая ваши полномочия в переговорах с королем тем, что изложено в этих подробных статьях. Прощайте, и пусть ваша поспешность докажет, что вы готовы исполнить свой долг.

Корнелий и Вольтиманд. В этом, как и во всем, мы покажем, что умеем исполнять свой долг.

Король. Мы в этом нисколько не сомневаемся. От всего сердца - прощайте.

Вольтиманд и Корнелий уходят.

Ну, а теперь скажите вы, Лаэрт, что нового у вас? Вы говорили нам о какой-то просьбе. В чем

она, Лаэрт? Если ваша просьба к королю Дании будет разумной, вы не потеряете слов напрасно. О чем хочешь ты попросить, Лаэрт {41}, что было бы не моим подарком тебе, а твоей просьбой? Голова не более родственна сердцу, рука не более услужлива рту, чем престол Дании твоему отцу. Чего ты хочешь, Лаэрт?

Лаэрт. Грозный повелитель мой {42}, прошу вашего милостивого позволения вернуться во Францию, откуда я охотно приехал в Данию, чтобы исполнить свой долг, присутствуя на вашей коронации. Теперь, когда этот долг исполнен, признаюсь, мои мысли и желания снова обращаются к Франции и склоняются перед вашим высокомилостивейшим позволением и разрешением.

Король. Вы получили позволение вашего отца? Что говорит Полоний?

Полоний. Он, мой повелитель, упорной просьбой не сразу вынудил у меня позволение, и я, наконец, приложил к его желанию печать своего с трудом данного согласия. Я прошу вас, разрешите ему ехать.

Король. В добрый час, Лаэрт! Располагай временем и используй его по своему желанию и для проявления лучших твоих достоинств! Ну, а

теперь, мой родственник Гамлет и мой сын...

Гамлет. Чуть побольше, чем родственник, и поменьше, чем сын {43}.

Король. Как, над вами все еще висят тучи?

Гамлет. Это не так, милорд: я под слишком ярким солнцем {44}.

Королева. Добрый Гамлет, сбрось свой ночной цвет и пусть твои глаза дружески взглянут на короля Дании. Не опускай постоянно век и не ищи во прахе твоего благородного отца. Ты ведь знаешь, что это обычно: все, что живет, должно умереть, пройдя через природу в вечность.

Гамлет. Да, госпожа, это обычно.

Королева. Если так, то почему же это кажется тебе столь особенным?

Гамлет. Кажется, госпожа? Нет, есть. Мне незнакомо слово "кажется". Ни мой чернильный плащ, добрая мать, ни надетые согласно обычаю торжественные черные одежды, ни подобные ветру глубокие вздохи, нет, ни обильная река, текущая из глаз, ни унылое выражение лица, вместе со всеми другими формами, выявлениями и образами печали, не могут истинно выразить меня. Они в самом деле только кажутся, ибо это - действия, которые человек может сыграть. Но во мне есть то, что превосходит показную видимость; они же

только украшения и одеяния скорби.

Король. Приятной и похвальной чертой вашей натуры, Гамлет, является то, что вы отдаете этот траурный долг вашему отцу. Но ведь вы знаете, что ваш отец потерял отца, а тот отец, которого потерял ваш, потерял своего отца. Оставшийся в живых обязан, по долгу сына, в течение некоторого срока предаваться траурной печали. Но упорствовать в сожалении - такое поведение является нечестивой строптивостью. Это недостойная мужчины печаль; она обнаруживает непокорную небесам волю, неукрепленное сердце, нетерпеливый дух, простой и необразованный ум. Зачем из упрямого противоречия принимать близко к сердцу то, что должно быть и что является столь же обычным, как обычна для наших чувств любая обыденная вещь? Фу! Это грех перед небом; грех перед усопшим; нелепый с точки зрения разума грех перед природой, обычной темой которой является смерть отцов и которая всегда, начиная от первого покойника и кончая тем, кто умер сегодня, восклицала: "Это должно быть так!" Мы просим вас, сбросьте с себя эту бесполезную печаль и думайте о нас как об отце. Ибо да ведает мир, что вы ближе всех к нашему трону и что я питаю к вам не меньшее чувство благородной

любви, чем та любовь, которую питает нежнейший отец к своему сыну. Что же касается вашего намерения вернуться обратно в школу в Виттенберг, это противно нашему желанию. И мы просим, упрашиваем вас {45} остаться здесь, на радость и утешение глазам нашим, как первый придворный, наш племянник и наш сын.

Королева. Пусть твоя мать не потеряет понапрасну своих просьб, Гамлет: прошу тебя, останься с нами, не езди в Виттенберг.

Гамлет. Я от души готов повиноваться вам, госпожа.

Король. Ну вот, это полный любви и прекрасный ответ, Будьте же в Дании, как мы сами. Госпожа, пойдемте. Ласковое и невынужденное согласие Гамлета улыбается моему сердцу. В честь этого всякий раз, когда датский король будет сегодня осушать веселый заздравный кубок, большая пушка заговорит с облаками и на королевскую здравицу откликнутся небеса, повторяя земной гром.

Трубы. Все, кроме Гамлета, уходят {48}.

Гамлет. О, если бы это слишком, слишком плотное тело {47} растаяло, растворилось и распустилось в росу! Если бы вечносущий не установил закона против самоубийства! О боже!

боже! Каким утомленным, избитым, плоским и бесплодным кажется мне все, что делается в этом мире! Фу! Фу! Это неполотый сад {48}, который растет в семя. Лишь то, что по природе своей отвратительно и грубо, владеет им. До этого дойти! Всего лишь два месяца, как умер. Нет, не так давно, и двух нет. Такой превосходный король, который был рядом с этим, как Аполлон рядом с сатиром; настолько любивший мою мать, что он не позволял небесным ветрам грубо касаться ее лица. Небо и земля! неужто должен я вспоминать? Ведь она вешалась на него, как будто ее жадность увеличивалась от пищи, которой она питалась. И, однако, через какой-нибудь месяц... Я не хочу думать об этом... Непостоянство - имя тебе, женщина!.. Через краткий месяц, прежде чем износились башмаки, в которых она шла за телом моего бедного отца, - вся в слезах, как Ниобея... Она, она... О боже!.. Зверь, который лишен способности мыслить, печалился бы больше... Вышла замуж за моего дядю, брата моего отца, который не более похож на моего отца, чем я на Геркулеса. Через месяц... Еще оставалась соль лживых слез в ее распухших глазах, а она уже вышла замуж. О злая торопливость - спешить с таким проворством в кровосмесительные простыни!

Это не приведет, не может привести к добру. Но разбейся, сердце, ибо я должен молчать!

Входят Горацио, Марцелл и Бернардо.

Горацио. Привет, милорд!

Гамлет. Я рад видеть вас здоровым... {49} Горацио - если глаза меня не обманывают!

Горацио. Он самый, милорд, и навек ваш добрый слуга!

Гамлет. Мой добрый друг, сэр. Я готов обменяться с вами этим именем. Но что привело вас из Виттенберга, Горацио? Марцелл! {50}

Марцелл. Добрый милорд.

Гамлет. Я очень рад вас видеть. (К Бернардо {51}.) Добрый день, сэр {52}. Но что, скажите по правде, привело вас из Виттенберга?

Горацио. Праздное настроение, добрый милорд.

Гамлет. Я не хотел бы это слышать и из уст вашего врага. Вы не должны оскорблять мой слух, уверяя меня в том, что направлено против вас. Я знаю, вы не склонны к праздности. Но какие у вас дела в Эльсиноре? Мы научим вас лихо пить до вашего отъезда.

Горацио. Милорд, я приехал на похороны вашего отца.

Гамлет. Прошу тебя, не издевайся надо мной,

собрат-студент {53}. Думаю, ты приехал на свадьбу моей матери.

Горацио. Действительно, милорд, она последовала очень быстро.

Гамлет. Расчет, расчет, Горацио! {54} Жаркое, оставшееся от поминального обеда, пошло в холодном виде на свадебные столы. Я бы предпочел встретить в раю своего злейшего врага, чем пережить тот день, Горацио! Мой отец! Мне кажется, я вижу моего отца!

Горацио. Где, милорд?

Гамлет. Оком души, Горацио.

Горацио. Я видел его однажды. Он был красавец-король, г

Гамлет. Он человеком был во всех отношениях. Подобного ему я больше не увижу.

Горацио. Милорд, мне кажется, я видел его вчера.

Гамлет. Видел? Кого?

Горацио. Милорд, короля, вашего отца.

Гамлет. Короля, моего отца?

Горацио. Умерьте на время ваше удивление, слушайте внимательно, пока я вам расскажу о чуде, которое могут засвидетельствовать эти два джентльмена.

Гамлет. Ради бога рассказывайте.

Горацио. Две ночи сряду эти два джентльмена, Марцелл и Бернардо, стоя на часах, в глухой пустыне полуночи имели следующую встречу. Фигура, похожая на вашего отца, в полном вооружении с ног до головы, появляется перед ними и торжественным шагом, медленно и величественно проходит мимо них. Трижды он прошел перед их смущенными и испуганно-изумленными глазами на расстоянии длины его жезла. А между тем они, почти превратившись от страха в студень, стоят, онемев, и не заговаривают с ним. Об этом они сообщили мне под страшной тайной. И в третью ночь я стал с ними на стражу, где, как они рассказывали, подтверждая каждое их слово и в отношении времени и внешнего образа, появилось видение. Я помню вашего отца. Эти руки не более похожи одна на другую.

Гамлет. Но где это было?

Марцелл. Милорд, на площадке, где мы несли караул.

Гамлет. Вы не заговорили с ним?

Горацио. Милорд, я заговорил, но оно не ответило. Все же один раз, как мне показалось, оно подняло голову и сделало движение, как будто собиралось заговорить. Но как раз в это мгновение громко запел утренний петух, и при этом звуке

оно поспешно убежало прочь и скрылось с глаз.

Гамлет. Это очень странно.

Горацио. Это так же истинно, высокочтимый милорд, как то, что я живу. И мы сочли своим долгом сообщить вам об этом.

Гамлет. Так, так, господа, но это смущает меня. Вы сегодня ночью несете караул?

Все трое. Да, милорд.

Гамлет. Вы говорите, он был вооружен?

Все трое. Вооружен, милорд.

Гамлет. С головы до ног?

Все трое. С головы до ног, милорд.

Гамлет. Значит, вы не видели лица?

Горацио. О нет, видели, милорд. Его забрало было поднято.

Гамлет. Он хмурился?

Горацио. Лицо скорее печальное, чем сердитое.

Гамлет. Бледное или румяное?

Горацио. Нет, очень бледное.

Гамлет. И он пристально смотрел на вас?

Горацио. Все время.

Гамлет. Жаль, что меня не было там.

Горацио. Вы бы очень изумились.

Гамлет. Весьма возможно, весьма возможно. Оно долго оставалось?

Горацио. Можно было, не торопясь, досчитать

до ста.

Марцелл и Бернардо. Дольше, дольше.

Горацио. Не в тот раз, когда я видел его.

Гамлет. Борода у него была с проседью? Не так ли?

Горацио. Такая же, как я видел у него при жизни: как серебристый соболь.

Гамлет. Я пойду на стражу сегодня ночью. Может быть, оно снова придет.

Горацио. Ручаюсь, что придет.

Гамлет. Если оно примет облик моего благородного отца, я поговорю с ним, хотя бы сам ад разверзся и приказал мне молчать. Прошу вас всех, если вы до сих пор скрывали то, что видели, молчите об этом и впредь и, что бы ни случилось сегодня ночью, храните все в уме, а не на языке. Я вознагражу вашу любовь. Итак, прощайте. Я навещу вас на площадке между одиннадцатью и двенадцатью.

Все. Примите наш долг, ваша милость.

Гамлет. Не долг, а любовь, как и вы мою. Прощайте.

Уходят все, кроме Гамлета.

Дух моего отца в оружии! Тут не все чисто. Я подозреваю подлую интригу. Скорее бы пришла ночь! А до тех пор - успокойся, моя душа. Гнусные

деяния, хотя бы их засыпала вся земля, восстанут перед глазами человеческими. (Уходит.)

Входят Лаэрт и Офелия, его сестра.

Лаэрт. Мои пожитки на корабле. Прощайте. И вот что, сестра: когда подует попутный ветер и представится удобный случай послать письмо, не спите и дайте мне знать о себе.

Офелия. Вы сомневаетесь в этом?

Лаэрт. Что же касается Гамлета и его легкомысленной благосклонности, считайте это модной галантностью и игрою крови, фиалкой, расцветшей в молодую пору ранней весенней природы, скороспелой, но недолговечной, сладостной, но непостоянной, минутным ароматом и развлечением - не более того.

Офелия. Не более того?

Лаэрт. Считайте, что не более. Ибо природа, развиваясь, растет не только в отношении крепости мышц и размеров тела. Но, когда ширится этот храм {55}, вместе с ним растет внутреннее священнодействие ума и души. Может быть, он и любит вас сейчас и его доброе желание не запятнано ни грязью, ни обманом. Но, помня об его высоком сане, вам следует остерегаться: он не хозяин своего желания, ибо он подчинен своему рождению. Он не властен, как простые смертные,

сам отрезать для себя лакомый кусок, так как от его выбора зависит безопасность и здоровье всего нашего государства, и поэтому свобода его выбора ограничена мнением и согласием тела, которому он голова {56}. Итак, если он говорит, что любит вас, с вашей стороны разумно лишь настолько верить ему, насколько он может, согласно своему сану и званию, исполнить то, что говорит. А исполнить он сможет только то, за что подадут свой голос наиболее влиятельные круги Дании; подумайте о том, какой ущерб может быть нанесен вашему честному имени, если вы будете слишком доверчиво внимать его песням, или если потеряете сердце, или если вы откроете свое целомудренное сокровище его несдержанным домогательствам. Бойтесь этого, Офелия, бойтесь этого, моя дорогая сестра, и держитесь в тылу вашего увлечения, вне опасных выстрелов желания. Самая осмотрительная девушка уже достаточно неосторожна, когда открывает свою красоту луне. Даже добродетель не избежит ударов клеветы. Червь точит детей весны {57} часто до того, как раскроются их бутоны; и на утренней и текущей юности заразная порча особенно опасна. Итак, будьте осторожны. Вернейший залог безопасности заключается в страхе. Юность

бунтует себе на гибель и без постороннего подстрекательства.

Офелия. Я сохраню это прекрасное наставленье стражем моего сердца. Но, добрый брат мой, не поступайте так, как поступают некоторые нечестивые пастыри, которые, указывая крутой и тернистый путь к небу, сами, подобно легкомысленным, беззаботным повесам, идут по усеянной весенними цветами тропе наслаждений и не считаются с собственной проповедью.

Лаэрт. За меня не бойтесь. Однако я замешкался. Но вот идет мой отец.

Входит Полоний {58}.

Двойное благословение - двойная благодать. Случай улыбнулся второму прощанию.

Полоний. Все еще здесь, Лаэрт! Стыдно! Скорее, скорее на корабль. Ветер сидит на плече вашего паруса {59}, вас ждут. Вот, прими мое благословение. И, смотри, запиши в памяти следующие правила. Не выбалтывай своих мыслей, а беспорядочные мысли не приводи в исполнение. Будь общителен, но не фамильярен. Друзей своих, дружбу которых ты испытал, прикрепи к душе стальными обручами. Но не мозоль ладони общением с каждым только что вылупившимся, неоперившимся приятелем. Остерегайся вмеши-

ваться в ссору. Но если ты принял в ней участие, доведи дело до конца, чтобы противник остерегался тебя. Открой ухо для всех, но говори с немногими. Слушай каждого, но храни про себя свое суждение. Покупай дорогую одежду, насколько позволит твой кошелек, но без излишних модных причуд: богато, но не пышно. Ибо одежда часто выражает человека. Во Франции люди высшего ранга и положения особенно разборчивы и благородны в этом отношении. Не занимай денег и не давай взаймы. Ибо, давая взаймы, часто теряешь и деньги и друга, а беря взаймы, притупляешь в себе чувство бережливости. Но вот что главное: будь верен самому себе, и отсюда необходимо последует, как ночь следует за днем, что ты никому не изменишь. Прощай. Да поможет благословение этим словам созреть в тебе!

Лаэрт. Милорд! Со всем смирением прощаюсь с вами.

Полоний. Время не терпит. Ступайте, ваши слуги ждут вас.

Лаэрт. Прощайте, Офелия, и помните хорошенько, то, что я сказал вам.

Офелия. Это останется запертым в памяти моей, и вы сами будете хранителем ключа.

Лаэрт. Прощайте. (Уходит.)

Полоний. О чем это, Офелия, он говорил с вами? {60}

Офелия. С вашего позволения - о принце Гамлете.

Полоний. Ага, это он хорошо придумал. Мне говорили, что за последнее время Гамлет часто виделся с вами наедине и что вы, со своей стороны, были очень милостивы и щедры на свидания. Если это так, как мне об этом говорили, - а говорили мне это в виде предостережения, - тогда я должен сказать вам, что вы не понимаете ясно, как подобает вести себя моей дочери и чего требует от вас честь. Что такое между вами? Выкладывайте правду!

Офелия. Он за последнее время, милорд, много раз давал мне свидетельства своего чувства.

Полоний. Чувства? Вздор! Вы рассуждаете, как неопытная девочка, не испытавшая еще таких опасных обстоятельств. И вы верите его "свидетельствам", как вы их называете?

Офелия. Я не знаю, милорд, что мне следует думать.

Полоний. Ладно, я вас научу. Думайте о себе, что вы - ребенок, потому что приняли эти свидетельства за чистую монету, между тем как они не полноценны. Цените себя подороже. Иначе, -

выражу мысль так, чтобы не нарушить дешевого каламбура, - это окажется свидетельством того, что вы остались в дурах {61}.

Офелия. Милорд, он настойчиво уверял меня в любви в самой честной манере.

Полоний. Да, это действительно можно назвать манерой {62}. Продолжайте, продолжайте.

Офелия. И подтвердил свои речи, милорд, почти всеми святыми небесными клятвами.

Полоний. Да, силки для вальдшнепов {63}. Я знаю сам: когда горит кровь, как щедро душа снабжает язык клятвами! Вы не должны, дочь моя, принимать за огонь эти вспышки, которые дают больше света, чем тепла, и которые гаснут как в душе, так и на языке, являясь лишь обещаниями в самый миг своего возникновения. Отныне, как и подобает девушке, будьте несколько скупее на свидания. Соглашайтесь на его мольбы не так легко, как будто он отдает приказ вступить в переговоры. Что же касается принца Гамлета, верьте ему лишь в том, что он молод и что ему дана большая свобода, чем может быть предоставлена вам. Одним словом, Офелия, не верьте его клятвам: ибо это посредники другого цвета, чем их одежды, это ходатаи по нечестивым делам, говорящие на языке священных и

благочестивых брачных обетов {64}, чтобы тем легче обмануть. И вот заключение: попросту говоря, я не хочу, чтобы отныне и впредь вы давали повод клевете, проведя хотя бы минутный досуг в беседе с принцем Гамлетом. Смотрите же, я вам приказываю. Ступайте к себе!

Офелия. Я повинуюсь, милорд. (Уходит.)

Входят Гамлет, Горацио и Марцелл.

Гамлет. Ветер кусает, пронизывая насквозь. Очень холодно.

Горацио. Резкий, холодный ветер.

Гамлет. Который теперь час?

Горацио. Думаю, что без малого двенадцать.

Марцелл. Нет, уже пробило.

Горацио. Разве? Я не слыхал. Значит; приближается время, когда бродит Призрак.

Трубы и пушечные выстрелы {65}.

Что это значит, милорд?

Гамлет. Король не спит сегодня ночью и пьет из кубка. Он бражничает, и буйно кружится шумная пляска {66}. И когда король осушает кубки с рейнским вином, литавры и труба возвещают о том, что он торжественно произносит заздравный тост.

Горацио. Это обычай?

Гамлет. Да, обычай. Но, по моему мнению, хотя

я и родился здесь и с рождения к этому привык, более почетно нарушать этот обычай, чем соблюдать его. За этот разгул, от которого тяжелеет голова, нас порицают и хулят другие народы и на востоке и на западе: они называют нас пьяницами и свинскими прозвищами грязнят молву о нас. И ведь в самом деле, это лишает наши деяния, даже самые совершенные, того, что составляет сущность доброго мнения о нас. Ведь так часто случается и с отдельными людьми: благодаря какому-нибудь природному порочному пятну, - например, в отношении незнатности рождения, в чем они не виноваты, поскольку природа не может выбирать происхождение, - или благодаря чрезмерно развитой черте характера, часто заставляющей действовать наперекор разуму {67}, или благодаря какой-нибудь привычке, которая слишком подчеркивает и этим портит приятное обхождение, - часто случается, что этих людей, несущих на себе, как я сказал, печать одного лишь недостатка, будь этот недостаток одеждой природы или звездою судьбы, даже если остальные их добродетели чисты, как небесная благодать, и настолько бесконечны, насколько может вместить человек, бывает, что этих людей порочит в общем мнении один частный изъян.

Мельчайшая частица зла уничтожает благородную сущность сомнения к позору человека {68}.

Входит Призрак.

Горацио. Смотрите, милорд, оно идет!

Гамлет. Ангелы, носители небесной благодати, защитите нас! Благостный ли ты дух, или проклятый демон, несешь ли ты с собой веяния неба, или вихри ада, злостны или милосердны твои намерения, твой образ возбуждает во мне столько вопросов {69}, что я заговорю с тобой. Я буду называть тебя Гамлетом, королем, отцом, царственным датчанином. О, отвечай мне! Не дай мне погибнуть в неведении! Скажи мне, почему твои погребенные и отпетые в церкви останки разорвали саван? Почему склеп, в котором мы видели тебя спокойно лежащим, раскрыл свои тяжелые мраморные челюсти, чтобы извергнуть тебя? Что может значить, что ты, безжизненный труп, закованный в сталь с ног до головы, бродишь среди бликов лунного света, наполняя ночь ужасом? И мы, куклы, в руках природы {70}, так страшно потрясены мыслями, которые наши души не могут охватить? Скажи, зачем это? Для чего? Что делать нам?

Призрак манит Гамлета {71}.

Горацио. Оно манит вас, чтобы вы пошли с ним,

как будто желая сообщить что-то вам одному.

Марцелл. Посмотрите, каким любезным движением оно зовет вас в более уединенное место. Но не ходите с ним.

Горацио. Ни за что!

Гамлет. Раз оно не хочет говорить здесь, я последую за ним.

Горацио. Не делайте этого, милорд.

Гамлет. Чего же мне бояться? Я жизнь свою ценю не дороже булавки. А что касается моей души, что может оно причинить ей, столь же бессмертной, как и оно? Оно снова манит меня. Я последую за ним.

Горацио. Что, если оно заманит вас в пучину, милорд, или на страшную вершину скалы, которая нависает над морем, перегнувшись над своим основанием, и примет там какой-нибудь другой ужасный облик, который лишит вас силы разума и приведет вас к безумию? Подумайте - ведь само это место, без всякой другой причины, способно вызвать отчаянную игру воображения в мозгу у каждого, кто устремит взгляд глубоко вниз к морю и услышит, как оно ревет внизу.

Гамлет. Оно продолжает манить меня. Иди! Я следую за тобой!

Марцелл. Вы не пойдете, милорд.

Гамлет. Прочь руки!

Горацио. Одумайтесь. Вы не пойдете.

Гамлет. Моя судьба зовет и сообщает каждой мелкой жилке в этом деле крепость мышц немейского льва. Оно все еще зовет меня. Пустите меня, господа! Клянусь небом, я превращу в призрак того, что будет удерживать меня. Говорю вам, прочь! Иди! Я следую за тобой!

Призрак и Гамлет уходят.

Горацио. Воображение делает его исступленным.

Марцелл. Последуем за ним. Неправильно повиноваться ему в этом.

Горацио. Пойдем. К чему все это приведет?

Марцелл. Что-то подгнило в датском государстве.

Горацио. Небо его направит.

Марцелл. Нет, последуем за Гамлетом {72}.

Уходят.

Входят Призрак и Гамлет {73}.

Гамлет. Куда хочешь ты вести меня? Говори. Я дальше не пойду.

Призрак. Внимай мне.

Гамлет. Я готов.

Призрак. Час почти настал, когда я должен буду отдать себя во власть серного и мучительного

пламени.

Гамлет. Увы, бедный дух!

Призрак. Не жалей меня, но серьезно выслушай то, что я тебе открою.

Гамлет. Говори, я готов слушать {74}.

Призрак. Точно так же будешь ты готов отомстить, когда узнаешь.

Гамлет. Что?

Призрак. Я дух твоего отца, обреченный на определенный срок бродить по ночам, а в течение дня вынужденный поститься в пламени {75}, пока не будут сожжены и очищены все гнусные преступления, совершенные мной в земной жизни. Если бы не было мне запрещено рассказывать о тайнах моей темницы, я мог бы поведать повесть, легчайшее слово которой перевернуло бы твою душу {76}, заморозило бы твою юную кровь, заставило бы твои глаза, подобно, звездам, выскочить из орбит; разделило бы твои причесанные волосы и подняло бы каждый отдельный волос дыбом, подобно иглам сердитого дикообраза {77}. Но разглашение того, что принадлежит вечности, не должно касаться ушей из плоти и крови. Слушай, слушай, о, слушай! Если ты когда-нибудь любил своего отца и он был тебе дорог...

Гамлет. О боже!

Призрак. Отомсти за его гнусное и противное природе убийство.

Гамлет. Убийство?

Призрак. Убийство гнуснейшее, каким является и в лучшем случае всякое убийство, но это убийство - гнуснейшее, необычное, противное природе.

Гамлет. Дай мне скорей узнать, чтобы я на крыльях, столь же быстрых, как размышление или любовные мечты, мог понестись к мести.

Призрак. Я вижу твою готовность. И ты был бы более вялым, чем жирный плевел, который в праздности гниет {78} на берегах Леты, если бы ты остался неподвижным в этом деле. Слушай, Гамлет. Пустили слух, что я, когда спал в саду, был ужален змеей. Так вся Дания гнусно обманута измышлением о причине моей смерти, Но знай ты, благородный юноша, что змея, которая смертельно ужалила твоего отца, теперь носит его корону.

Гамлет. О моя пророческая душа! Мой дядя?

Призрак. Да, это кровосмесительное, это прелюбодейное животное колдовством своего ума, своими предательскими подарками - о нечестивый ум и нечестивые дары, имеющие силу соблазнять! - склонил к своей постыдной похоти

согласие моей кажущейся столь добродетельной королевы. О Гамлет, какое это было падение! Отвернуться от меня, чья любовь была достойна тех обетов, которые я дал ей при вступлении в брак, и опуститься до ничтожества, природные качества которого были бедными по сравнению с моими! Но как добродетель никогда не ступит на путь греха, хотя бы сладострастие ухаживало за ней даже в небесном обличье, так похоть, хотя бы связанная узами с лучезарным ангелом, пресытится на небесном ложе и начнет пожирать отбросы. Но тише! Мне кажется, что я чую утренний ветерок. Я буду краток. Когда я спал в моем саду, как я это обычно делал среди дня, твой дядя, пользуясь этим безмятежным часом, прокрался в сад с соком проклятого тисового дерева в сосуде и в портики моих ушей влил вызывающий проказу состав, действие которого столь враждебно человеческой крови, что быстро, как ртуть, несется через созданные природой ворота и пути в человеческом теле и с внезапной силой свертывает и створаживает, подобно кислым каплям в молоке, жидкую и здоровую кровь. Так подействовал он и на мою кровь. И почти мгновенно струпья, словно древесной корой, - как у прокаженного, - покрыли гнусной и отвратительной коркой

мое гладкое тело. Так спящим был я рукой брата сразу лишен и жизни, и короны, и королевы; был подрезан в самом расцвете греха, без исповеди, без причащения, без соборования; не сведя счета, я был послан отдать отчет (ответственность) за все свои несовершенства. О, ужасно! О, ужасно! ужасно! Если есть в тебе природа, не примиряйся с этим. Не допусти, чтобы королевская постель Дании стала ложем разврата и проклятого кровосмешения. Но, каким бы путем ты ни выполнял это дело, не запятнай ни ума, ни души замыслом против твоей матери: предоставь ее небу и тем шипам, которые заключены в ее груди, - пусть они колют и жалят ее. Прощай же! Светляк показывает, что близко утро, и начинает убавлять свой ненужный огонек. Прощай, прощай, прощай! {79} Помни обо мне. (Уходит.)

Гамлет. О все воинство небес! О земля! Что еще? Или призвать еще и ад? Фу! Тише, тише, мое сердце! А вы, мои мышцы, не дряхлейте мгновенно, но держите меня прямо. Помнить о тебе? Да, добрый призрак, пока память занимает место в этом смятенном шаре! {80} Помнить о тебе? Да, из записной книжки {81} моей памяти я сотру все пошлые, бессмысленные записи, все изречения из книг, все образы, все впечатления прошлого,

начертанные юностью и наблюдением. И твой приказ будет жить один в книге моего мозга, не смешанный с более низкими предметами. Да, клянусь небом! О самая пагубная из женщин! О подлец, подлец, улыбающийся, проклятый подлец! Моя записная книжка... Надо записать, что можно улыбаться, улыбаться и быть подлецом. Во всяком случае я уверен, что это возможно в Дании. Ну, дядя, вы запечатлены здесь. А теперь - мой девиз. Этот девиз: "Прощай, прощай! Помни обо мне!" Я поклялся в этом.

Горацио и Марцелл (за сценой {82}): "Милорд! Милорд!"

Входят Горацио и Марцелл.

Марцелл. Принц Гамлет!

Горацио. Храни его небо!

Гамлет. Да будет так {83}.

Марцелл. Илло, хо-хо, милорд! {84}

Гамлет. Илло, хо-хо, малый! Сюда, птица, сюда!

Марцелл. Ну что, благородный принц?

Горацио. Какие новости, принц?

Гамлет. О, чудесные!

Горацио. Добрый принц, расскажите.

Гамлет. Нет, вы передадите другим.

Горацио. Я этого не сделаю, милорд, клянусь небом.

Марцелл. Я также, милорд.

Гамлет. Ну что вы скажете об этом? И могло ли об этом подумать сердце человека? Но вы сохраните молчание?

Горацио. |

} Клянемся небом, милорд.

Марцелл. |

Гамлет. Нет во всей Дании такого подлеца, который не был бы при этом отъявленным негодяем {85}.

Горацио. Не нужно, милорд, духа, вставшего из могилы, чтобы сказать нам об этом.

Гамлет. Да, это так: вы, конечно, правы. Итак, без Дальних слов, я считаю, что нам нужно пожать друг другу руки и разойтись: вы ступайте, куда вас поведут дела и желания, потому что у каждого есть дела и желания; что же касается моей бедной участи, - вот что: я пойду молиться.

Горацио. Это вихрь бессвязных слов, милорд.

Гамлет. От всего сердца сожалею, что они обижают вас, да, честное слово, от всего сердца.

Горацио. Тут нет обиды, милорд.

Гамлет. Есть, клянусь святым Патриком {86}, Горацио, и большая {87}. Что касается этого виденья, это - честный призрак {88}, позвольте уверить вас. Насчет же вашего желанья узнать

то, что было между нами, уж как-нибудь пересильте его. А теперь, добрые друзья, - так как вы друзья, ученые и воины, - исполните одну мою небольшую просьбу.

Горацио. В чем она, милорд? Мы ее исполним.

Гамлет. Никому не рассказывайте о том, что вы видели сегодня ночью.

Горацио. |

} Милорд, мы не расскажем.

Марцелл. |

Гамлет. Нет, вы поклянитесь.

Горацио. Клянусь, милорд, я не скажу.

Марцелл. Инне скажу, милорд, клянусь.

Гамлет. На моем мече.

Марцелл. Мы уже клялись, милорд.

Гамлет. На мече клянитесь, на мече.

Призрак (под сценой {89}). Клянитесь!

Гамлет. Ага, малый! И ты то же самое говоришь? Ты здесь, старина? {90} Ну, вы слышите, что говорит этот: парень в подземелье, клянитесь же.

Горацио. Объясните, в чем нам клясться, милорд.

Гамлет. Никогда не говорить о том, что вы видели, - клянитесь на мече.

Призрак (под сценой). Клянитесь!

Гамлет. Hic et ubique? {91} В таком случае пе-

рейдем на другое место. Идите сюда, господа, и снова положите руки на мой меч. Клянитесь на моем мече никогда не говорить о том, что вы слышали.

Призрак (под сценой). Клянитесь! {92}

Гамлет. Хорошо сказано, старый крот! Ты умеешь; так быстро рыть под землей? Достойный сапер! Еще раз перейдем на другое место, добрые друзья.

Горацио. О, день и ночь, как все это удивительно странно!

Гамлет. Поэтому и приветствуйте это, как странника {93}. На небе и земле есть больше вещей, Горацио, чем, снилось вашей философии {94}. Но подойдите. Еще раз, как вы уже клялись, поклянитесь, - и да сохранит вас за это милосердие божье; как бы странно и необычно я ни вел себя, - так как, возможно, в будущем я сочту нужным придать причудливый вид своему поведенью, - клянитесь, что, видя меня в такие минуты, вы, сложив вот так руки, или так покачав головой, или произнесением неясных слов, как, например, "да, да, мы знаем...", или "мы могли бы, если бы захотели...", или "если бы мы пожелали сказать...", или "есть люди, которые, если бы им было позволено...", или другим двусмысленным намеком

никогда не покажете, что вы что-то знаете обо мне; не делать этого, - и да помогут вам благодать и милосердие божие в трудный час, - клянитесь!

Призрак (за сценой). Клянитесь!

Гамлет. Успокойся, успокойся, смятенный дух! Итак, господа, со всей любовью я поручаю себя вам. И все то, что может сделать такой бедный человек, как Гамлет, чтобы выразить вам свою любовь и дружбу, будет сделано, если бог этого захочет. Идемте вместе в замок. И не переставайте держать пальцы на губах, прошу вас. Век вывихнут... О, проклятое несчастье, что я родился на свет, чтобы вправить его! Что ж, пойдемте, идемте вместе.

Уходят.

Входят Полоний и Рейнальдо {95}.

Полоний. Отдайте ему эти деньги и эти письма, Рейнальдо.

Рейнальдо. Хорошо, милорд.

Полоний. Вы поступите удивительно мудро, добрый Рейнальдо, если до встречи с ним наведете справки о его поведении.

Рейнальдо. Милорд, я так и намеревался поступить!

Полоний. Черт возьми, хорошо сказано, очень хорошо сказано. Вот что, сэр: расспросите снача-

ла, кто из датчан находится в Париже, как они живут, и кто именно, какие у кого средства, где они обитают, в какой компании проводят время, сколько тратят денег, и, выяснив окольными путями, что они знают моего сына, оставьте отдельные вопросы и подойдите к делу поближе. Притворитесь, что вы мало знаете его, например: "Я знаю его отца и Друзей, и его немного знаю". Вы понимаете, Рейнальдо?

Рейнальдо. Да, прекрасно понимаю, милорд.

Полоний. "И его немного знаю". "Но, - можете вы добавить, - я его плохо знаю. Но если он тот самый, которого я имею в виду, он необуздан, имеет такие-то и такие склонности". Возведите на него какие захотите небылицы. Но, черт возьми, не настолько гнусные, чтобы запятнать его честь. Остерегайтесь этого. Говорите, сэр, о тех беспутных, буйных, обычных грехах, которые являются заметными и хорошо известными спутниками юности и вольной жизни {96}.

Рейнальдо. Например, игра на деньги, милорд?

Полоний. Да, или о том, что он пьет вино, фехтует, сквернословит, ссорится, водится с проститутками, - вот это можете говорить.

Рейнальдо. Милорд, это запятнает его честь.

Полоний. Честное слово, нисколько. Ведь вы

сможете смягчить эти обвинения. Вы не должны возводить на него клеветы и говорить, что он открыто предается разврату. Не это имею я в виду. Говорите о его ошибках так осторожно, чтобы они казались пороками вольной жизни, вспышками огненной души, буйством еще необузданной крови {97}, - тем, что свойственно каждому.

Рейнальдо. Но, добрый милорд...

Полоний. Для чего вы будете все это делать?

Рейнальдо. Да, милорд, мне хотелось бы это знать.

Полоний. Черт возьми, сэр, вот к чему клонится моя речь. И я полагаю, что это вполне законный способ. Когда вы слегка запятнаете репутацию моего сына, как слегка грязнится предмет во время его отделки, - слушайте внимательно, - ваш собеседник, у которого вы захотите выпытать сведения, если он замечал за юношей, которого вы обвиняете, вышеуказанные преступления, прервет, будьте уверены, вашу речь следующим образом: "добрый сэр" или что-нибудь в этом роде, или "друг", или "джентльмен", - одним словом, в соответствии с обращением и наименованием, обычными для данного собеседника и данной страны...

Рейнальдо. Отлично, милорд.

Полоний. А затем он сделает вот что. Он сделает... Что я собирался сказать? Клянусь мессой, я собирался что-то сказать. На чем я остановился?

Рейнальдо. На "прервет вашу речь следующим образом", на "друг или что-нибудь в этом роде" и "джентльмен".

Полоний. На "прервет нашу речь следующим образом"? Да, черт возьми! Он прервет вас такими словами: "Я знаю этого джентльмена. Я видел его вчера", или "на днях", или "тогда-то" "в обществе того-то" или "того-то" или "как вы сами сказали, там-то он играл на деньги", "там-то застали его во время попойки", "там-то поссорился он, играя в теннис" {98}, или, возможно, "я видел, как он входил в такой-то торговый дом", иными словами - в публичный дом, или что-нибудь в этом роде. Ну вот, судите теперь: на приманку лжи ловится карп правды. Так-то мы, люди мудрые и дальновидные, обходами, пуская шар в цель не по прямой, а по косой линии {99}, кривыми путями доходим до прямых сведений. Следуя моему наставлению и совету, вы получите сведения о моем сыне. Вы поняли меня, не правда ли?

Рейнальдо. Понял, милорд.

Полоний. Господь да сохранит вас. Будьте здоровы.

Рейнальдо. Добрый милорд!

Полоний. Наблюдайте за его нравом втихомолку.

Рейнальдо. Исполню, милорд.

Полоний. И пусть продолжает свои занятия музыкой {100}.

Рейнальдо. Хорошо, милорд.

Полоний. Прощайте.

Рейнальдо уходит. Входит Офелия.

Что случилось, Офелия? Что такое?

Офелия. О милорд, милорд! Я так испугалась!

Полоний. Чего, помилуй бог?

Офелия. Милорд, когда я шила в моей горнице, принц Гамлет в расстегнутом камзоле, без шляпы, в грязных, спустившихся до самых щиколоток чулках без подвязок, бледный, как его рубашка, - при этом колени его стучали друг о дружку, - глядя с таким жалостным выражением, как будто его выпустили из ада, чтобы рассказать об ужасах, является передо мной.

Полоний. Сошел с ума от любви к тебе?

Офелия. Милорд, я не знаю, но, по правде говоря, боюсь, что это так.

Полоний. Что он сказал?

Офелия. Он взял меня за кисть руки и крепко держал меня. Затем он отступает на длину вы-

тянутой руки и, держа другую руку вот так над глазами, пристально рассматривает мое лицо, как будто собираясь рисовать его. Долго оставался он в таком положении. Наконец, он слегка потряс мне руку, трижды вот так кивнул головой и вздохнул так жалостно и глубоко, как будто этот вздох разбивал его тело и полагал предел его существованию. Затем он отпустил меня; повернув голову, он, казалось, без глаз находил дорогу; без их помощи он вышел из двери, все время устремляя их свет на меня.

Полоний. Скорей пойдем со мной. Я отыщу короля. Это настоящее исступление любви, которая благодаря своим бурным свойствам сама себя губит и побуждает волю человека к отчаянным поступкам, как и любая другая из существующих под небом и поражающих нашу природу страстей. Мне очень жаль. Может быть, за эти дни вы поговорили с ним сурово?

Офелия. Нет, мой добрый милорд. Но, следуя вашему приказу, я не принимала его писем и не позволяла ему приходить ко мне.

Полоний. От этого он и обезумел. Мне жаль, что я не судил о нем с большей осторожностью и разумностью. Я думал, что он только играет с тобой и готов погубить тебя {101}. Напрасно я был так

подозрителен! Клянусь небом, нашему возрасту так же свойственно хватать через край в наших мнениях, как обычно для более молодых людей не быть достаточно осторожными. Ну, пойдем же к королю. Об этом нужно сообщить. Если сохранить это в тайне, могут произойти более печальные последствия, чем если мы расскажем об этой любви. Пойдем.

Уходят.

Трубы. Входят король, королева, Розенкранц, Гильденстерн и свита.

Король. Привет, добрые Розенкранц и Гильденстерн. Помимо того, что нам очень хотелось повидать вас, необходимость воспользоваться вашими услугами заставила нас спешно послать за вами. Вы уже кое-что слыхали о превращении, которое произошло с Гамлетом. Это действительно можно назвать превращением, так как и внешне и внутренне он не похож на того, кем был. Что еще, помимо смерти его отца, увело его от понимания самого себя, я и придумать не могу. Я прошу вас обоих, поскольку вы росли вместе с ним со столь раннего возраста и близки ему и юностью и склонностями, любезно согласиться остаться на короткий срок при нашем дворе, чтобы в вашем обществе он втянулся в развлече-

ния и. чтобы вы при случае, насколько это будет возможно, разузнали, не мучает ли его что-то нам неизвестное, что, став известным, сможет подвергнуться нашему лечению.

Королева. Добрые джентльмены, он много говорил о вас, и я убеждена, что на свете нет двух других людей, к которым он был бы более расположен. Если вы пожелаете оказать нам любезность и проявите добрую волю, проведя с нами некоторое время, чтобы пойти навстречу нашей надежде и увенчать ее успехом, вы за ваше пребывание будете вознаграждены по-королевски.

Розенкранц. Оба ваши величества могли бы, в силу той державной власти, которую вы имеете над нами, выразить ваши грозные желания {102} скорее в виде повеления, чем просьбы.

Гильденстерн. Но мы оба повинуемся и отдаем себя с полным усердием, повергая от всей души услуги наши к вашим стопам, в ожидании ваших приказаний.

Король. Спасибо, Розенкранц и милый Гильденстерн.

Королева. Спасибо, Гильденстерн и милый Розенкранц. И я прошу вас немедленно посетить моего столь изменившегося сына. (К свите.) Ступайте кто-нибудь из вас и отведите этих

джентльменов туда, где находится Гамлет.

Гильденстерн. Да сделают небеса наше присутствие и наши дела приятными и полезными ему!

Королева. Аминь!

Уходят Розенкранц, Гильденстерн и несколько человек из свиты. Входит

Полоний.

Полоний. Мой добрый повелитель, из Норвегии вернулись послы с радостными вестями.

Король. Ты всегда был отцом добрых вестей.

Полоний. Правда, мой государь? Уверяю моего доброго повелителя, что долг мой, как и душа моя, принадлежат двоим: моему богу и моему милостивому королю. И я думаю, - или мой мозг уже не способен с той уверенностью, как бывало, охотиться по следам политической дичи, - что я нашел истинную причину безумия Гамлета.

Король. О, расскажи об этом! Я жажду об этом услышать.

Полоний. Сначала примите послов. Моя весть будет фруктами в конце большого пира {103}.

Король. Сам окажи им милость и веди их сюда.

Полоний уходит.

Он сказал мне, моя дорогая Гертруда, что открыл главную причину и источник недомогания

вашего сына.

Королева. Боюсь, что главная причина все та же: смерть его отца и наш слишком поспешный брак.

Король. Увидим. Мы испытаем его.

Входят Полоний, Вольтиманд и Корнелий.

Привет, добрые друзья мои! Скажите, Вольтиманд, что привезли вы от нашего брата, короля Норвегии?

Вольтиманд. Самый искренний ответ на ваши приветствия и пожелания. С первых же наших слов он послал приказ прекратить проводимый его племянником набор, который, как он полагал, проводился против короля Польши, но который, как он сам нашел по более внимательном расследовании, в действительности был направлен против вашего величества. Опечаленный тем, что его болезнь, возраст и немощность были использованы для обмана, он посылает приказы Фортинбрасу, которому тот, - говоря в двух словах, - повинуется, получает выговор от короля Норвегии и в заключение произносит перед своим дядей обет никогда больше не поднимать оружия против вашего величества. Тогда старый король Норвегии, преисполненный радости, назначает ему три тысячи крон ежегодного дохода

и дает ему поручение использовать набранных им солдат против короля Польши, вместе с просьбой, подробней изложенной здесь (подает письмо {104}), чтобы вы милостиво разрешили свободный пропуск через ваши владения его войску, отправляющемуся на это предприятие, при условии соблюдения безопасности жителей и сохранения порядка, как здесь изложено.

Король. Нам это по душе, и когда у нас будет более удобное время для размышления, мы это прочитаем, дадим ответ и подумаем об этом деле. А пока что благодарим вас за исправный труд. Ступайте и отдохните. Вечером мы попируем вместе. Добро пожаловать домой!

Вольтиманд и Корнелий уходят.

Полоний. Это дело счастливо закончилось. Мой повелитель и госпожа, рассуждать о том, чем должно быть королевское величество, что такое долг, почему день есть день, ночь - ночь, а время есть время, значило бы попусту тратить ночь, день и время. Поэтому, поскольку краткость является душой ума, а многоречивость - его телом и внешними прикрасами, я буду краток. Ваш благородный сын безумен; я называю это безумием, ибо, если определять, что такое истинное безумие, то в чем же заключается оно, как не в

том, чтобы быть безумным? Но не об этом речь.

Королева. Побольше дела и поменьше искусства.

Полоний. Госпожа, клянусь, речь моя безыскусственна. То, что он сошел с ума, - правда, правда, что это жаль, и жаль, что это правда. Дурацкий оборот! Расстанусь с ним, потому что не хочу прибегать к искусству. Итак, условимся на том, что он сумасшедший. А теперь нам остается найти причину этого аффекта, или, точнее говоря, причину этого дефекта, ибо этот дефект неизбежно оказывается дефектным. Вот что остается нам сделать и вот каков итог. Поразмыслите {105}. У меня есть дочь, - есть у меня, пока она моя, - которая из чувства долга и из повиновения - смотрите! - дала мне вот что. Итак, летайте выводы и стройте предположения. (Читает.) "Небесной, идолу моей души, наипрекраснейшей Офелии", - это плохое выражение, низкое выражение, "наипрекраснейшей" - низкое выражение. Но вы сейчас услышите. Вот: "...носить на прекрасной белой груди {106} эти..." и т. д.

Королева. Это она получила от Гамлета?

Полоний. Добрая госпожа, потерпите немного. Я передам все в точности. (Читает.) "Сомневайся в том, что звезды - огонь, сомневайся в том, что

солнце движется; сомневайся в том, что истина не есть ложь; но не сомневайся в моей любви. О дорогая Офелия, я плохо владею стихом. Я не владею искусством перекладывать мои вздохи в стихотворные размеры. Но что я люблю тебя от души, о, от всей души, верь этому. Прощай. Твой всегда, дражайшая госпожа, пока этот механизм принадлежит ему {107}, Гамлет". Вот это в покорности своей показала мне моя дочь. И кроме того, пересказала мне его признания и когда, где и как он объяснялся ей.

Король. Но как она приняла его любовь?

Полоний. Что вы думаете обо мне?

Король. Что вы человек правдивый и почтенный.

Полоний. Я был бы рад быть таким. Но что бы вы подумали, если бы я, следя за полетом этой горячей любви, - а ведь я заметил ее, должен вам признаться в этом, еще до того, как мне рассказала дочь, - что подумали бы вы или что подумала бы моя дорогая повелительница, ваша королева, если бы я стал передавать их любовные записки {108}, или заставил свое сердце ослепнуть и онеметь, или равнодушно взглянул на эту любовь, что бы вы подумали? Нет, я прямо взялся за дело и моей молодой сударыне сказал так: "Гамлет

- принц, он не твоей звезды. Этого не должно быть". А затем и предписал ей запереться на ключ от его посещений, не допускать его посыльных, не принимать его подарков. После чего она послушалась моих советов {109}, а он, отвергнутый, - говоря в двух словах, - впал в тоску, затем перестал есть, затем перестал спать, затем ослабел, затем впал в умственное расстройство и так по нисходящей впал в то безумие, которое им теперь владеет и сокрушает всех нас.

Король. Вы думаете, что это так?

Королева. Возможно, весьма вероятно.

Полоний. Бывало ли когда-нибудь, мне хочется знать, чтобы я определенно говорил "это так", а оказывалось по-иному?

Король. Я не припомню.

Полоний. Отнимите это от этого {110}, если окажется иначе. Когда обстоятельства мне благоприятствуют, я всегда найду, где скрыта правда, хотя бы она была скрыта в центре земли.

Король. Как бы нам это глубже расследовать?

Полоний. Вы знаете, иногда он четыре часа подряд гуляет здесь в передней {111}.

Королева. Да, это правда.

Полоний. Вот в такой момент я подпущу к нему мою дочь. Вы и я спрячемся за одним из аррасских

ковров {112} и станем наблюдать их встречу; если он ее не любит и не по этой причине сошел с ума, пусть больше не буду я помощником в управлении государством, а пусть лучше буду фермером или займусь извозным промыслом.

Король. Мы это испробуем.

Входит Гамлет, читая книгу.

Королева. Но посмотрите, как печально бедняжка идет и читает.

Полоний. Уходите, прошу вас, оба уходите. Я сейчас за него возьмусь. Прошу вас, оставьте меня одного.

Король и королева уходят.

Как поживает мой добрый принц Гамлет?

Гамлет. Хорошо, слава богу.

Полоний. Вы узнаете меня, милорд?

Гамлет. Отлично узнаю. Вы торговец рыбой {113}.

Полоний. Нет, что вы, милорд!

Гамлет. В таком случае я хотел бы, чтобы вы были таким же честным.

Полоний. Честным, милорд?

Гамлет. Да, сэр. Быть честным по нынешним временам значит быть единственным из десяти тысяч.

Полоний. Это очень верно, милорд.

Гамлет. Ибо, если и солнце разводит червей в дохлой собаке, будучи богом {114}, целующим падаль... {115} У вас есть дочь?

Полоний. Да, милорд.

Гамлет. Не пускайте ее гулять на солнце {116}. Зачатие благословенно, но только если это не касается вашей дочери. Глядите в оба, приятель.

Полоний (в сторону). Что вы скажете на это? Все возвращается к моей дочери. Однако он сначала не узнал меня, он сказал, что я торговец рыбой. Он далеко зашел. А ведь, по правде говоря, и я в юности доходил до крайних страданий в любви, почти до такого же состояния. Я снова с ним заговорю. Что вы читаете, милорд?

Гамлет. Слова, слова, слова.

Полоний. А в чем там дело, милорд?

Гамлет. Между кем? {117}

Полоний. Я хочу сказать - содержание того, что вы читаете, милорд.

Гамлет. Клевета, сэр. Каналья сатирик утверждает, что у стариков седые бороды, что лица их морщинисты, что из их глаз сочится густая смола и сливовый клей, что у них совершенно отсутствует ум и что у них слабые ляжки. Хотя всему этому, сэр, я верю полностью и от всей души, но, однако, считаю нечестным писать об этом. Ибо,

сэр, вы сами стали бы таким же старым, как я, если бы смогли, подобно раку, пятиться назад {118}.

Полоний. Хотя это и безумие, но в нем есть система. Не уйти ли вам со сквозняка, милорд?

Гамлет. В могилу?

Полоний (в сторону). Это действительно уйти со сквозняка! Как удачны подчас его ответы! Меткость, которую часто обретает безумие и которой не способен в той же мере владеть здоровый разум. Я оставлю его и изобрету способ устроить его неожиданную встречу с моей дочерью. Высокочтимый принц, покорнейше прошу разрешения удалиться.

Гамлет. Я не могу, сэр, дать вам ничего, с чем бы я расстался охотней: кроме моей жизни, кроме моей жизни, кроме моей жизни {119}.

Полоний. Желаю здравствовать, принц.

Гамлет. О эти многословные старые дурни!

Входят Розенкранц и Гильденстерн.

Полоний. Вы ищете принца Гамлета? Вот он.

Розенкранц. Да благословит вас бог, сэр!

Полоний уходит.

Гильденстерн. Высокочтимый принц!

Розенкранц. Дражайший принц!

Гамлет. Мои превосходные добрые друзья! Ну

как ты поживаешь, Гильденстерн? А, Розенкранц! Добрые ребята, как вы поживаете оба?

Розенкранц. Как незначительные дети земли.

Гильденстерн. Мы счастливы тем, что не слишком счастливы. Мы не верхняя пуговка на колпаке Фортуны {120}.

Гамлет. Но ведь и не подошвы ее башмаков?

Розенкранц. Ни то, ни другое, милорд.

Гамлет. Значит, вы живете около ее пояса или в центре ее милостей.

Гильденстерн. Честное слово, мы ее завсегдатаи.

Гамлет. Тайных частей Фортуны? А ведь верно; она распутница. Что нового?

Розенкранц. Ничего, милорд, кроме того, что мир стал честным.

Гамлет. Значит, близок Страшный суд. Но ваша новость неверна. Позвольте расспросить вас подробней. Чем, добрые мои друзья, провинились вы перед Фортуной, что она посылает вас сюда, в тюрьму?

Гильденстерн. В тюрьму, милорд?

Гамлет. Дания - тюрьма.

Розенкранц. В таком случае весь мир - тюрьма.

Гамлет. И отличная - со множеством казематов, камер и подземелий, среди которых Дания - одно

из худших.

Розенкранц. Мы так не думаем, милорд.

Гамлет. Ну, значит, для вас мир не тюрьма. Ибо нет ничего ни хорошего, ни плохого, то и другое создает мысль. Для меня мир - тюрьма.

Розенкранц. Значит, тюрьмой делает его ваше честолюбие: он слишком тесен для вашей души.

Гамлет. О боже мой, я мог бы быть заключенным в ореховую скорлупу и считать себя повелителем бесконечного пространства, если бы мне не снились дурные сны.

Гильденстерн. Вот эти-то сны и являются честолюбием. Ибо самая сущность честолюбивого человека - только тень сна.

Гамлет. Но ведь сон сам по себе только тень.

Розенкранц. Верно. По-моему, честолюбие создано из столь воздушной и легкой субстанции, что оно только тень тени.

Гамлет. В таком случае вещественными являются у нас нищие, а наши монархи и не в меру возвеличенные герои только тени нищих 121. Не пойти ли нам ко двору? Потому что, честное слово, я не в силах рассуждать.

Розенкранц. |

} Мы готовы служить вам.

Гильденстерн. |

Гамлет. Этого не нужно. Я не хочу равнять вас с остальными моими слугами, ибо, говоря по чести, прислуживают мне отвратительно {122}. Но, говоря по-дружески, скажите, что вы делаете в Эльсиноре?

Розенкранц. Мы хотели посетить вас, милорд, у нас не было другой цели.

Гамлет. Такой нищий, как я, даже беден благодарностью. И все же я благодарю вас, хотя моя благодарность, дорогие друзья, не стоит и полпенни. За вами не посылали? Это ваше собственное побуждение? Вы посетили меня по собственной воле? Ну, говорите со мной по совести. Ну, ну, да говорите же.

Гильденстерн. Что нам сказать, милорд?

Гамлет. Что хотите, лишь бы это относилось к делу. За вами посылали: во взглядах ваших есть что-то вроде признания, скрыть которое у вашей скромности не хватает умения. Я знаю: добрый король и королева посылали за вами.

Розенкранц. С какой целью, милорд?

Гамлет. Об этом-то вы мне и должны сказать. Но заклинаю вас правами нашего товарищества {123}, нашей молодостью, обязательствами нерушимой любви и еще более дорогим, чем стал бы заклинать вас более искусный человек, - прямо

и откровенно скажите мне, посылали за вами или нет?

Розенкранц (тихо Гильденстерну {124}). Что вы скажете?

Гамлет (в сторону). Ну, теперь вы у меня на примете. (Громко.) Если вы любите меня, не скрывайте ничего.

Гильденстерн. Милорд, за нами посылали.

Гамлет. Я сам скажу вам - зачем. Таким образом я предупрежу разоблачение вами тайны, и ни одного перышка не полиняет в данном вами королю и королеве обещании держать все это в секрете. С недавних пор, - почему, я сам не знаю, - я потерял всю свою веселость, бросил привычные занятия; и мне так тяжело, что это прекрасное строение, земля, кажется мне бесплодным мысом; этот превосходнейший балдахин, воздух, - взгляните, эта великолепная, висящая над нами твердь, этот величественный свод, выложенный золотым огнем, - кажется мне лишь скоплением гнусных и зловредных паров. Какое мастерское произведение - человек! Как благороден разумом! Как бесконечен способностями! По образу своему и движениям как выразителен и достоин восхищения! Как похож действиями на ангела! Как похож разумением на бога! Красота мира!

Образец всего живущего! Однако что для меня это существо, квинтэссенцией которого является прах? {125} Человек не радует меня, ни мужчины {126}, ни женщины, хотя, судя по вашим улыбкам, вы как будто хотите это сказать.

Розенкранц. Милорд, у меня ничего похожего не было в мыслях.

Гамлет. Почему же в таком случае вы засмеялись, когда я сказал: "Человек не радует меня".

Розенкранц. Я подумал, милорд, что если это так, то какой скудный прием получат у вас актеры. Мы их обогнали в пути. Они направляются сюда, чтобы предложить вам свои услуги.

Гамлет. Тот, кто играет короля, будет желанным гостем; его величество получит от меня должное. Странствующий рыцарь пустит в дело свой меч и кожаный щит. Влюбленный не будет вздыхать даром. Меланхолик утешится в конце роли. Комик заставит смеяться смешливых. Героиня будет вольно изливать свои чувства, пусть даже захромает белый стих. Что это за актеры?

Розенкранц. Как раз те самые, которые, бывало, доставляли вам такую радость, - столичные трагики.

Гамлет. Почему они странствуют? Оставаться на месте было для них выгодней в обоих отноше-

ниях: и для славы и в смысле дохода.

Розенкранц. Я думаю, что запрещение им играть в столице явилось результатом последней новинки {127}.

Гамлет. Они пользуются такой же репутацией, какой пользовались, когда я был в столице? Такой же у них успех?

Розенкранц. Нет, далеко не такой.

Гамлет. Каким же это образом? Разве они стали ржаветь?

Розенкранц. Нет, они стараются с прежним усердием. Но появился, сэр, выводок детей, маленьких соколят, которые кричат высокими голосами и которым за это неистово аплодируют, они теперь в моде и так шумно нападают на обыкновенные театры {128}, как они их называют, что многие, носящие шпаги, боятся гусиных перьев и не осмеливаются ходить туда {129}.

Гамлет. Как, разве это дети? Кто их содержит? Как платят им? Или они будут заниматься своим ремеслом только до тех пор, пока у них есть голос для пения? Не скажут ли они впоследствии, когда вырастут и станут обычными актерами, - а это весьма вероятно, если у них не будет лучших средств к существованию, - что авторы пьес причиняют им зло, натравливая их на взрослых

актеров, какими они сами будут впоследствии.

Розенкранц. Сказать правду, тут с обеих сторон было много шума. Люди нашей страны не считают грехом натравливать их друг на друга. Одно время публика не платила денег, чтобы смотреть пьесу, если в этой полемике автор и актеры не доходили до драки.

Гамлет. Неужели?

Гильденстерн. О, тут здорово ломали головы!

Гамлет. Что ж, мальчики одолевают?

Розенкранц. Да, одолевают, милорд, в том числе и Геркулеса с его ношей {130}.

Гамлет. Это не удивительно. Ибо мой дядя стал королем Дании, и те, кто строил ему гримасы, когда жив был мой отец, теперь платят двадцать, сорок, пятьдесят, сто дукатов за его портрет в миниатюре. Черт возьми, тут есть что-то сверхъестественное; если бы только философии удалось это выяснить!

Трубы за сценой.

Гильденстерн. Вот актеры.

Гамлет. Господа, добро пожаловать в Эльсинор! Ну, давайте же руки. Внешние признаки радушия - светскость и изысканная любезность. Разрешите обращаться с вами таким вот образом: иначе мое отношение с актерами, которое, уверяю вас,

скажется и на моем обхождении с ними, выльется в более радушный прием, чем тот, который я оказал вам. Добро пожаловать. Но мой дядя-отец и тетка-мать ошибаются.

Гильденстерн. В чем, дорогой принц?

Гамлет. Я безумен только при норд-норд-весте. Когда дует южный ветер, я умею отличать сокола от цапли {131}.

Входит Полоний.

Полоний. Приветствую вас, господа.

Гамлет. Слушайте, Гильденстерн. И вы тоже. На каждое ухо по слушателю. Этот большой ребенок, которого вы там видите, еще не вышел из пеленок.

Розенкранц. Возможно, он к ним вторично вернулся, ибо, как говорят, Ларик - вдвойне дитя.

Гамлет. Предсказываю, что он пришел, чтобы сообщить мне об актерах. Вот увидите. (Громко.) Вы правы, сэр. В понедельник утром. Так это в действительности и было.

Полоний. Милорд, могу сообщить вам новость.

Гамлет. Милорд, могу сообщить вам новость. Когда Росций {132} был актером в Риме...

Полоний. Сюда приехали актеры, милорд.

Гамлет. Вздор! Вздор!

Полоний. Честное слово...

Гамлет. "И каждый актер ехал на своем осле... {133}"

Полоний. Лучшие в мире актеры для трагедии, комедии, исторических пьес, пасторали, пьес пасторально-комических, историко-пасторальных, трагико-исторических, трагико-комико-историко-пасторальных, для пьес с соблюдением единств и для драматических поэм, не ограниченных правилами. Для них и Сенека не слишком мрачен, и Плавт не слишком легкомысленен. Как при исполнении написанных ролей, так и в импровизации они не имеют равных.

Гамлет. О Иеффай, судья израильский {134}, какое у тебя было сокровище!

Полоний. Какое же было у него сокровище, милорд?

Гамлет. Да как же -

Одна прекрасная дочь, единственная,

Которую он очень любил {135}.

Полоний (в сторону). Все о моей дочери.

Гамлет. Разве я не прав, старый Иеффай?

Полоний. Раз вы называете меня Иеффаем, милорд, то действительно у меня есть дочь, которую я очень люблю.

Гамлет. Нет, это из того не следует.

Полоний. Что же следует, милорд?

Гамлет. Да как же -

Как было суждено, об этом знает только бог.

А затем, как вы знаете, -

Случилось так, как и следовало ожидать...

Первый куплет этой благочестивой песенки {136} доскажет вам остальное. Но, смотрите, вот близится мое развлечение {137}.

Входят актеры {138}.

Добро пожаловать, господа, добро пожаловать. Я рад видеть вас здоровыми. Привет вам, добрые друзья. Ах, мой старый друг! Да ну, лицо твое украсилось бородой с тех пор, как я видел тебя в последний раз! Ты приехал, чтобы в Дании смеяться надо мной в бороду? Как, сударыня, молодая госпожа моя! Клянусь владычицей небесной, с тех пор как мы виделись в последний раз, вы на целый каблук {139} приблизились к небу. Молитесь богу, чтобы ваш голос не стал бы надтреснутым, как негодная к обращению золотая монета {140}. Господа, вам всем привет. Мы сейчас примемся за дело, что попадется нам на глаза. Мы сейчас послушаем монолог. Ну, покажите нам ваше мастерство. Ну, какой-нибудь страстный монолог.

Первый актер. Какой монолог, милорд?

Гамлет. Я слышал, как однажды ты читал мне монолог, который никогда не исполнялся на

сцене. А если и исполнялся, то не больше одного раза. Ибо пьеса, помнится, не понравилась толпе. Для обычных зрителей она явилась икрой {141}. Но это была, - как воспринял я и другие, чьи суждения в таких делах стоили больше моего, - прекрасная пьеса, с действием, хорошо распределенным по сценам, и написанная со скоростью и уменьем. Помню, говорили, что стихам не хватало острой приправы, чтобы придать им вкус, как не было и ничего такого в оборотах речи, что позволило бы обвинить автора в аффектации; называли это честным методом, столь же здоровым, сколь и приятным, в значительно большей степени красивым, чем изысканным. Я больше всего любил в этой пьесе один монолог: это рассказ Энея {142} Дидоне, в особенности то место, где он говорит о гибели Приама. Если он у вас в памяти, начните с этой вот строчки... Дайте вспомнить, дайте вспомнить...

"Свирепый Пирр {143}, подобно гирканскому зверю... {144}" Это не так... Это начинается с Пирра...

"Свирепый Пирр, чьи черные доспехи, черные, как его намерения, напоминали ночь, когда он лежал внутри зловещего коня, теперь раскрасил эту ужасную черную внешность еще более

мрачным геральдическим цветом: с ног до головы теперь он весь багровый {145}, чудовищно разрисованный кровью отцов, матерей, дочерей, сыновей, спекшихся в огне пылающих улиц, озаряющих жестоким и проклятым светом убийство своих владык {146}. Опаленный гневом и огнем, покрытый с ног до головы запекшейся кровью, глазами, подобными карбункулам, адский Пирр ищет древнего старца Приама". Ну, теперь продолжайте.

Полоний. Ей-богу, милорд, хорошо прочитано, с хорошими интонациями и хорошим чувством меры.

Первый актер. "И вот он находит его, тщетно пытающегося разить греков; его древний меч, непокорный его руке, бессильно падает, сопротивляясь приказанию. Имея перед собой неравного противника, Пирр устремляется на Приама. В бешенстве широко замахивается. Но от одного лишь ветра, поднятого его губительным мечом, падает обессиленный старик. Тогда лишившийся чувства Илион, как бы под этим ударом, склоняется пылающей главой к своему подножью и ужасным грохотом оглушает Пирра. Взгляните! Его меч, опускавшийся на белую, как молоко, голову почтенного Приама, казалось застрял в

воздухе. Так, подобно злодею, изображенному на картине, стоял Пирр и, словно безучастный к собственному намерению и цели, бездействовал. Но как часто бывает перед бурей - молчанье в небесах, тучи стоят неподвижно, безмолвны дерзкие ветры и земля внизу, как смерть, притихла, и вдруг ужасный гром раскалывает небо; так, после передышки, Пирр, побуждаемый местью, снова принимается за дело. Молоты циклопов ударяли по доспехам Марса, выковывая их и придавая им вечную крепость, с меньшей жесткостью, чем пал окровавленный меч Пирра на Приама. Стыдись, стыдись, распутница Фортуна! Боги, общим собором отнимите у нее власть. Сломайте все спицы и обод ее колеса и швырните круглую ступицу с небесной горы в преисподнюю!".

Полоний. Это слишком длинно.

Гамлет. Пошлем в цирюльню вместе с вашей бородой. Прошу тебя, продолжай. Ему нравятся только джиги и непристойные рассказы, все остальное нагоняет на него сон. Продолжай. Перейди к Гекубе.

Первый актер. "Но кто же, о, кто видел опозоренную царицу... {147}"

Гамлет. "Опозоренную царицу"?

Полоний. Это хорошо... "Опозоренная царица"

- хорошо.

Первый актер. "Как металась она, босая, угрожая пламени слепящим ей глаза потоком слез. Голова ее, на которой некогда возлежала диадема, повязана тряпкой; ее сухой, изнуренный деторождением стан {148}, вместо платья, закутан в одеяло, схваченное в минуту тревоги и страха. Тот, кто увидел бы это, ядовитым языком произносил бы изменнические речи против власти Фортуны... Но если бы узрели ее сами боги, когда она увидела, как злобно развлекался Пирр, разрезая своим мечом на мелкие куски тело ее мужа, внезапный взрыв ее вопля, - если только могут их трогать явления смертной жизни! - увлажнил бы горящие очи небес {149} и вызвал бы сострадание у богов".

Полоний. Посмотрите, он изменился в лице и слезы выступили у него на глазах! Прошу тебя, довольно.

Гамлет. Хорошо. Скоро я попрошу тебя дочитать остальное. Мой добрый милорд, не последите ли вы за тем, чтобы актеров хорошо устроили? Слышите, пусть с ними хорошо обращаются, ибо они - воплощение и краткая летопись нашего времени {150}. Лучше иметь скверную эпитафию после смерти, чем их дурной отзыв при жизни.

Полоний. Милорд, я обойдусь с ними по заслугам.

Гамлет. Нет, черт возьми, любезнейший, гораздо лучше! Если обращаться с каждым по заслугам, кто избежит порки? Обращайтесь с ними сообразно вашим собственным понятиям о чести и достоинстве. Чем меньше у них заслуг, тем ценнее будет ваша щедрость. Проводите их.

Полоний. Пойдемте, господа.

Гамлет. Ступайте за ним, друзья. Завтра мы услышим пьесу {151}.

Уходит Полоний и все актеры, кроме Первого.

Вот что, старый друг. Сможете вы сыграть "Убийство Гонзаго"? {152}

Первый актер. Да, милорд.

Гамлет. Вы сыграете его завтра вечером. Смогли бы вы, если понадобится, выучить монолог стихов в двенадцать - шестнадцать, который я напишу и включу в пьесу, - не правда ли?

Первый актер. Да, милорд.

Гамлет. Отлично. Ну, ступайте за тем лордом. Да смотрите, не издевайтесь над ним.

Первый актер уходит.

Дорогие мои друзья, я расстаюсь с вами до вечера. Добро пожаловать в Эльсинор.

Розенкранц. Добрый милорд!

Гамлет. Да, добро пожаловать, идите с богом!

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Теперь я один. Какой же я негодяй и низкий раб! Не чудовищно ли, что этот актер в вымысле, в мечте о страсти смог настолько подчинить душу собственному воображению, что под воздействием души осунулось его лицо, слезы выступили на глазах, безумие появилось в его облике, голос стал надломленным и все его поведение {153} стало соответствовать образам, созданным его воображением! И все это из-за ничего! Из-за Гекубы! Что ему Гекуба и что он Гекубе, чтобы плакать о ней? Что сделал бы он, если бы у него была такая же причина и такой же повод к страсти, как у меня? Он затопил бы сцену слезами, растерзал бы страшным монологом слух толпы, свел бы с ума виновных, ужаснул бы невинных, смутил бы неведущих, изумил бы слух и зрение. А я, тупое {154} и из нечистого металла сделанное ничтожество, томлюсь, как мечтатель, бесплодный в своем деле, и не могу ничего сказать в свое оправдание; не умею заступиться за короля, чьи владения и драгоценная жизнь были так подло похищены!" Разве я трус? Кому угодно назвать меня подлецом? Ударить по голове? Вырвать у меня бороду и дунуть мне ее в лицо? Дернуть ме-

ня за нос? Назвать меня лжецом и вбить мне это слово в самые легкие? Кто хочет это сделать? Ха! Черт возьми, я бы это проглотил. Ибо тут может быть только одно объяснение - у меня голубиная печень {155} и не хватает желчи, чтобы почувствовать горечь угнетения. Иначе я бы уже давно откормил всех коршунов поднебесья потрохами этого раба. Кровавый, блудливый негодяй! Не знающий угрызений совести, предательский, сластолюбивый, противоестественный негодяй! О, месть! Ах, какой же я осел! Как прекрасно, не правда ли, что я, сын убитого любимого отца, побуждаемый к мести раем и адом, облегчаю сердце словами, как проститутка, и начинаю ругаться, как шлюха, как судомойка! Фу, гадко! Фу! За дело, мозг мой! Гм... Я слышал, что виновные, находясь на спектакле, бывали настолько потрясены до глубины души искусством игры, что тут же признавались в своих злодеяниях {156}. Ибо убийство, хотя и нет у него языка, заговорит чудодейственным образом. Я поручу этим актерам сыграть перед моим дядей что-нибудь вроде убийства моего отца. Я буду следить за выражением его лица. Я исследую его {157}, пока не доберусь до живого места. Если он хотя бы вздрогнет, я буду знать, что мне делать. Быть мо-

жет, тот призрак, который я видел, - дьявол. Ведь дьявол властен принимать приятный облик. Да и возможно, пользуясь моей слабостью и меланхолией, - ведь он обладает большой властью над такими душами, - что он обманывает меня, чтобы погубить мою душу. Я найду основание более надежное, чем это. Пьеса - вот на что я поймаю совесть короля. (Уходит.)

Входят король, королева, Полоний, Офелия, Розенкранц и Гильденстерн, свита.

Король. Неужели вы не можете окольными вопросами выведать у него, почему он притворяется расстроенным, так резко нарушая свои мирные дни буйным и опасным безумием?

Розенкранц. Он сознается, что чувствует себя душевно расстроенным, но в чем причина - ни за что не хочет сказать.

Гильденстерн. Мы не находим, чтобы он легко поддавался исследованию; в хитром безумии он замыкается в себе каждый раз, когда мы стремимся привести его хоть к какому-нибудь признанию в том, что с ним действительно происходит.

Королева. Он хорошо вас принял?

Розенкранц. Как настоящий джентльмен.

Гильденстерн. Но заставляя себя быть любезным.

Розенкранц. Он сам был скуп на вопросы, но охотно отвечал на наши.

Королева. Вы же пробовали привлечь его к каким-нибудь развлечениям?

Розенкранц. Господа, случилось так, что мы обогнали на пути актеров. Мы рассказали ему о них, и в нем проявилось нечто вроде радости, когда он услыхал об этом. Актеры уже в замке, и, как я полагаю, они уже получили приказ сегодня вечером играть перед ним.

Полоний. Это правда. И он мне сказал, чтобы я просил ваши величества послушать и посмотреть пьесу.

Король, От всего сердца. Я очень рад, что он так настроен. Добрые господа, продолжайте и дальше поощрять его и направляйте его к таким развлечениям.

Розенкранц. Мы это исполним, милорд.

Уходят Розенкранц и Гильденстерн.

Король. Милая Гертруда, вы также нас оставьте. Ибо мы тайно послали за Гамлетом, чтобы он как бы случайно встретился здесь с Офелией. Ее отец и я, законные шпионы, спрячемся так, чтобы мы все увидели, хотя нас не будет видно, чтобы по их встрече определенно судить и по его поведению узнать, муки ли это любви или нечто другое, что

заставляет его так страдать.

Королева. Я повинуюсь вам. А что касается вас, Офелия, я желаю, чтобы ваша красота была счастливой причиной безумия Гамлета. Тогда я буду надеяться, что ваши достоинства снова вернут его на обычный путь к чести вас обоих.

Офелия. Госпожа, я этого желала бы.

Королева уходит.

Полоний. Офелия, прохаживайся вот здесь. Государь, прошу вас, давайте спрячемся. (Офелии.) Читайте эту книгу {158}. Вид такого занятия может подчеркнуть ваше одиночество. Нас часто за это можно упрекать, - и это не раз было доказано, - богомольным лицом и благочестивым действием мы можем обсахарить самого дьявола.

Король (в сторону {159}). О, это слишком верно! Какой острый удар наносят его слова моей совести! Щека проститутки, приукрашенная искусством подмалевки, не более уродлива по сравнению с тем, что ее украшает, чем мои дела по сравнению с моими раскрашенными словами {160}. О, тяжкое бремя!

Полоний. Я слышу его шаги. Отойдемте, милорд.

Король и Полоний прячутся. Входит Гамлет.

Гамлет. Быть или не быть, вот в чем вопрос

{161}. Благороднее ли молча терпеть {162} пращи и стрелы яростной судьбы, или поднять оружие против моря бедствий и в борьбе покончить с ними? Умереть - уснуть - не более того. И подумать только, что этим сном закончится боль сердца и тысяча жизненных ударов, являющихся уделом плоти, - ведь это конец, которого можно от всей души пожелать! Умереть. Уснуть. Уснуть, может быть видеть сны; да, вот в чем препятствие {163}. Ибо в этом смертном сне какие нам могут присниться сны, когда мы сбросим мертвый узел суеты земной? {164} Мысль об этом заставляет нас остановиться. Вот причина, которая вынуждает нас переносить бедствия столь долгой жизни. Ибо кто стал бы выносить бичи и насмешки жизни, несправедливости угнетателя, презрение гордеца, боль отвергнутой любви, проволочку в судах, наглость чиновников и удары, которые терпеливое достоинство получает от недостойных, если бы можно было самому произвести расчет простым кинжалом? Кто бы стал тащить на себе бремя, кряхтя и потея под тяжестью изнурительной жизни, если бы не страх чего-то после смерти - неоткрытая страна, из пределов которой не возвращается ни один путешественник, - не смущал бы нашу волю и не заставлял бы скорее

соглашаться переносить те бедствия, которые мы испытываем, чем спешить к другим, о которых мы ничего не знаем? Так сознание делает нас всех трусами; и так врожденный цвет решимости покрывается болезненно-бледным оттенком мысли, и предприятия большого размаха и значительности в силу этого поворачивают в сторону свое течение и теряют имя действия. Но тише! Прекрасная Офелия! Нимфа, в твоих молитвах да будут помянуты все мои грехи!

Офелия. Добрый милорд, как поживала ваша честь все эти дни?

Гамлет. Покорно благодарю вас: хорошо, хорошо, хорошо.

Офелия. Милорд, у меня есть от вас подарки, которые я давно хотела вернуть. Прошу вас, примите их сейчас.

Гамлет. Нет, я тут ни при чем. Я вам никогда ничего не дарил.

Офелия. Высокочтимый милорд, вы прекрасно знаете, что дарили. И вместе с подарками дарили слова столь благоуханные, что подарки становились еще дороже. Теперь, когда их аромат утрачен, возьмите их обратно. Ибо для благородной души богатые дары становятся бедными, когда дарящий оказывается нелюбящим. Вот,

возьмите, милорд.

Гамлет. Ха, ха, вы честны?

Офелия. Милорд?

Гамлет. Вы красивы?

Офелия. Что вы хотите сказать, милорд?

Гамлет. А то, что если вы честны и красивы, ваша честность не должна общаться с вашей красотой.

Офелия. С кем же и общаться красоте, милорд, как не с честностью?

Гамлет. Да, конечно. Ведь скорее власть красоты превратит честность в сводню, чем сила честности уподобит себе красоту. Это некогда звучало парадоксом, но теперь наш век это доказывает. Я вас любил когда-то.

Офелия. Да, милорд, вы заставили меня этому поверить.

Гамлет. Вы не должны были верить мне: ведь сколько ни прививай добродетель к нашему старому стволу, в нас остается примесь греха. Я вас не любил.

Офелия. Значит, я обманулась.

Гамлет. Иди в монастырь. Зачем тебе рожать грешников? Я достаточно честен. Однако я мог бы обвинить себя в таких вещах, что лучше бы моя мать меня не родила. Я очень горд, мстите-

лен, тщеславен. В моем распоряжении больше преступлений, чем мыслей, чтобы их обдумать, воображения, чтобы облечь их в плоть, и времени, чтобы их исполнить. К чему таким молодцам, как я, ползать между небом и землей? Мы все отъявленные подлецы. Никому из нас не верь. Ступай своим путем в монастырь. Где ваш отец?

Офелия. Дома, милорд.

Гамлет. Заприте его там, чтобы он валял дурака только у себя дома. Прощайте.

Офелия. О, помогите ему, благостные небеса!

Гамлет. Если ты выйдешь замуж, я дам тебе в приданое следующее проклятие: будь ты целомудренна, как лед, чиста, как снег, ты не избежишь клеветы. Ступай в монастырь, ступай. Прощай. Или, уж если ты непременно хочешь выйти замуж, выходи за дурака. Ибо мудрые люди достаточно хорошо знают, каких чудовищ {165} вы из них делаете. В монастырь иди! И поскорей. Прощай.

Офелия. Силы небесные, исцелите его!

Гамлет. Слыхал я и о вашей живописи: бог вам дал одно лицо, вы себе делаете другое; ваша походка смахивает то на джигу, то на иноходь; вы жеманно произносите слова, даете прозвища божьим созданиям и свое распутство выдаете

за наивность. Ну вас, я больше не хочу говорить об этом, это свело меня с ума. Я заявляю, что у нас больше не будет браков. Те, которые уже вступили в брак, будут жить все, кроме одного {166}, а другие пусть остаются в настоящем своем положении. В монастырь ступай!

Гамлет уходит.

Офелия. О, какой благородный ум повержен! Внешность придворного, язык ученого, меч воина; надежда и роза прекрасного государства, зеркало моды, образец изящества, тот, кому подражали все, умеющие наблюдать, так низко, низко пал! А я, самая печальная и несчастная из женщин, - я, которая впивала мед его сладкозвучных обетов, теперь вижу, как этот благородный и царственный ум стал подобен некогда сладкозвучным, а теперь треснутым колоколам, которые звучат нестройно и резко для слуха. Эта несравненная внешность, облик цветущей юности погублены безумием. О, как горько мне, видевшей то, что я видела, видеть то, что я вижу!

Выходят король и Полоний.

Король. Любовь? Чувства его направлены не в эту сторону. И то, что он говорил, хотя и было несколько бессвязным, не походило на безумие. Есть в его душе что-то, что высиживается его

меланхолией. И я боюсь, - что выводок окажется опасным; чтобы это предупредить, я поторопился принять следующее решение. Он немедленно отправится в Англию, чтобы потребовать невыплаченную нам дань. Возможно, новые моря и страны, а также разнообразные предметы изгонят из его сердца то, что в нем укоренилось, над чем постоянно бьется его мозг и что делает его непохожим на самого себя. Что вы думаете об этом?

Полоний. Это будет хорошо. И, однако, я полагаю, что причина и начало его печали - отвергнутая любовь. Ну что, Офелия? Вам не нужно рассказывать нам, что говорил принц Гамлет: мы все слышали, милорд, поступайте так, как вам будет угодно. Но если вы сочтете это нужным, пусть после окончания пьесы его мать-королева попросит его открыть ей наедине причину его печали. Пусть она поговорит с ним прямо. Я же, с вашего разрешения, устроюсь так, чтобы слышать весь их разговор. Если она не узнает причины, пошлите его в Англию или заточите его туда, куда сочтет нужным ваша мудрость.

Король. Да будет так. Безумие знатных людей не должно оставаться без присмотра.

Уходят.

Входят Гамлет и трое актеров {167}.

Гамлет. Читайте монолог, прошу вас, так, как я вам его читал: чтобы слова подтанцовывали на языке. Но если вы будете произносить всем ртом, как делают многие из вас, актеров, я предпочел бы, чтобы городской глашатай читал мои стихи. И не слишком пилите воздух рукою - вот так. Но ко всему подходите мягко; ибо в самом потоке, буре и, если можно так выразиться, в вихре страсти вы должны соблюсти умеренность, которая придаст всему плавность. О, меня оскорбляет до глубины души, когда я слышу, как здоровенный парень с париком на башке рвет страсть в клочья, в лохмотья, чтобы оглушить зрителей партера, которые в большинстве ничего не способны воспринять, кроме бессмысленных пантомим и шума. Я бы хотел, чтобы такого парня высекли за то, что он переиграл Термаганта и переиродил Ирода {168}. Прошу вас, избегайте этого.

Первый актер. За это, ваша честь, я ручаюсь.

Гамлет. Не будьте и слишком робкими. Пусть наставником вашим будет ваш собственный здравый смысл. Согласуйте действие со словом, слово с действием и особенно наблюдайте за тем, чтобы не преступать скромности природы. Ибо всякое преувеличение в этом смысле изменяет

назначению актерской игры, цель которой, с самого начала и теперь, была и есть - держать, так сказать, зеркало перед природой; показывать добродетели ее собственные черты, тому, что достойно презрения, - его собственный образ, и самому возрасту и телу века 169 - его внешность и отпечаток. И вот если тут хватить через край или недоделать, это - хотя бы и смеялись невежды - огорчит людей сведущих, мнение одного из которых должно быть для вас более веским, чем мнение целого театра, наполненного зрителями. О, я видел актеров и слыхал, как их хвалили и превозносили высоко, а между тем у них, да простит мне бог, и речь была не как у христиан, и походка была не как у христиан, и не как у язычников, и вообще не как у людей. Они пыжились и выли, и мне казалось, что какие-то поденщики природы создали людей, и притом создали их плохо: они так отвратительно подражали роду человеческому.

Первый актер. Надеюсь, мы у себя до некоторой степени это преобразовали.

Гамлет. О, преобразуйте это до конца. И пусть те, которые играют у вас комиков {170}, говорят только то, что для них написано. Ибо среди них есть такие, которые смеются сами, чтобы заста-

вить смеяться нескольких тупых зрителей, хотя как раз в это время и наступил важный момент пьесы. Это мерзко и доказывает, какое жалкое тщеславие у глупца, который к этому прибегает. Ступайте приготовьтесь.

Актеры уходят; входят Полоний, Розенкранц и Гильденстерн.

Ну что, милорд, желает ли король выслушать это произведение?

Полоний. И королева также, и как можно скорее.

Гамлет. Попросите актеров поторопиться.

Полоний уходит.

Не поможете ли вы оба их поторопить?

Розенкранц. |

} Охотно, милорд!

Гильденстерн. |

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Гамлет. Эй, хо, Горацио!

Входит Горацио {171}.

Горацио. Здесь, милый принц, к вашим услугам.

Гамлет. Горацио, ты самый справедливый из всех людей, с которыми мне приходилось общаться.

Горацио. О дорогой милорд...

Гамлет. Нет, не думай, что я льщу... Ведь на какую прибыль от тебя я могу надеяться, когда ты не имеешь иного дохода, чтобы кормиться и одеваться, кроме духовных сил? Зачем льстить беднякам? Нет, пусть сладкий язык подлизывается к глупой роскоши и пусть легко сгибаются колена там, где за лестью может последовать выгода. Ты слышишь? С тех пор, как моя душа стала хозяйкой своего выбора и научилась различать людей, она отметила тебя. Ибо ты человек, который, все выстрадав, как будто и не перенес страданий и который с одинаковой благодарностью принимал удары и награды судьбы. Благословенны те, у которых кровь и суждение так соединены, что они не являются флейтой в руках Фортуны, берущей ту ноту, которую захочет. Покажите мне человека, который не является рабом страстей, и я буду носить ею в недрах моего сердца, да, в сердце моего сердца, как я ношу тебя. Но довольно об этом. Сегодня вечером перед королем будет сыграна пьеса. Одна из сцен в этой пьесе близка к обстоятельствам смерти моего отца, о которых я тебе рассказал. Прошу тебя, во время этой сцены со всею силою наблюдательности следи за моим дядей. Если его скрытая вина не обнаружится во время одного

монолога, значит мы видели окаянного духа и мое воображение столь же грязно, как кузница Вулкана. Внимательно наблюдай за ним. И я вопьюсь глазами в его лицо, а затем мы вместе обсудим, каким он нам показался.

Горацио. Хорошо, милорд. Если он что-нибудь скроет от нас во время представления пьесы и уйдет неуличенным, я плачу за украденное.

Гамлет. Они идут сюда смотреть спектакль. Мне нужно притвориться беспечным {172}. Займите себе место {173}.

Трубы и литавры. Датский марш. Входят король, королева, Полоний, Офелия,

Розенкранц, Гильденстерн, свита и стража, несущая факелы {174}.

Король. Как поживает наш племянник Гамлет?

Гамлет. Превосходно, ей-богу; кормлюсь пищей хамелеона {175}: ем воздух, начиненный обещаниями. Этим не откормишь каплуна.

Король. Я не имею никакого отношения к этому ответу, Гамлет. Слова эти не мои.

Гамлет. А теперь и не мои {176}. (Полонию.) Милорд, вы говорите, что некогда выступали на сцене в университете?

Полоний. Да, выступал, милорд, и считался хорошим актером.

Гамлет. Что же вы играли?

Полоний. Я играл Юлия Цезаря. Меня убивали на Капитолии {177}. Брут убивал меня.

Гамлет. Было брутально с его стороны убивать такого капитального теленка. Да, готовы ли актеры?

Розенкранц. Готовы, милорд: они ждут вашего приказания.

Королева. Иди сюда, мой дорогой Гамлет, садись рядом со мной.

Гамлет. Нет, добрая мать, здесь есть металл попритягательней.

Полоний. Ого, вы слышите?

Гамлет. Сударыня, лечь мне вам на колени?

Офелия. Нет, милорд!

Гамлет. Я хочу сказать - положить голову вам на колени?

Офелия. Да, милорд.

Гамлет. А вы думаете, что я хотел сказать непристойность?

Офелия. Я ничего не думаю, милорд.

Гамлет. Прекрасная мысль - лежать между ног девушки.

Офелия. Что такое, милорд?

Гамлет. Ничего.

Офелия. Вы веселы, милорд.

Гамлет. Кто, я?

Офелия. Да, милорд.

Гамлет. О боже, я - несравненный сочинитель джиг {178}. Что и остается делать человеку, как не быть веселым? Вот посмотрите, как весело смотрит моя мать, а ведь двух часов не прошло, как умер мой отец.

Офелия. Нет, прошло уже дважды два месяца.

Гамлет. Так долго? Ну, значит, пусть черт носит траур, я буду щеголять в соболях. О небо! Два месяца, как умер, и еще не забыт? В таком случае можно надеяться, что память великого человека переживет его на полгода. Но, клянусь владычицей, он должен в таком случае строить церкви. Иначе о нем перестанут думать, как о коньке, эпитафия которого гласит: "Увы, увы, ах, позабыт конек!" {179}

Гобои {180}. Начинается пантомима. Входят король и королева, любовно обращаются друг с другом: королева обнимает короля, он - ее. Она становится на колени и жестами выражает свои чувства. Он поднимает ее с колен и склоняет голову ей на плечо, затем опускается на ложе из цветов. Она, видя, что он заснул, уходит. Тотчас же входит человек, снимает с него корону, целует ее, вливает яд в уши короля и уходит. Возвращается

королева. Она видит, что король мертв и жестами выражает отчаяние. Снова входит отравитель с двумя или тремя статистами и делает вид, что скорбит вместе с ней. Мертвое тело уносят. Отравитель добивается благосклонности королевы, поднося ей подарки. Сначала она как будто не соглашается, но, наконец, принимает его

любовь. Актеры уходят.

Офелия. Что это означает, милорд?

Гамлет. Черт возьми, это крадущееся преступление, иными словами - злодеяние.

Офелия. Вероятно, эта пантомима выражает содержание пьесы.

Входит Пролог.

Гамлет. Мы узнаем от этого малого: актеры не умеют хранить секреты, они рассказывают все.

Офелия. Он объяснит нам пантомиму?

Гамлет. Да, как и любую вещь, которую вы ему покажете. Вы только не стыдитесь показывать, а он уж не постыдится объяснить вам.

Офелия. Вы гадкий, вы гадкий. Я буду смотреть пьесу.

Пролог. Для нас и для нашей трагедии покорно моля о снисхождении, мы просим, чтобы вы слушали терпеливо.

Гамлет. Это пролог или надпись на кольце?

Офелия. Это кратко, милорд.

Гамлет. Как женская любовь.

Входят два актера: король и королева.

Король на сцене. Вот уже тридцать раз колесница Феба объехала вокруг соленые воды Нептуна и круглый Теллус {181} и тридцать дюжин лун, сияя заимствованным светом, двенадцатью тридцать раз совершили путь вокруг земли - с тех пор как любовь соединила священными узами наши сердца, а Гименей - наши руки.

Королева на сцене. Пусть солнце и луна заставят нас сосчитать еще столько же их путешествий, прежде чем придет конец нашей любви. Но - горе мне! - вы так больны в последнее время, так невеселы и непохожи на того, кем были раньше. Я не спокойна за вас. Но, хотя я и беспокоюсь, это не должно вас тревожить, мой господин! Ибо у женщины любовь и страх за любимого человека соответствуют друг другу: либо нет ни того, ни другого, либо велики и страх и любовь. Как сильна моя любовь, в этом вы убедились на деле. Какова моя любовь, такой и мой страх. А там, где велика любовь, малейшие сомнения превращаются в страх; где мелкие страхи становятся большими, большая растет там любовь.

Король на сцене. Клянусь, я должен буду по-

кинуть тебя, любовь моя, и уже скоро. Тело мое перестанет исполнять свое назначение. А ты останешься жить после меня в этом прекрасном мире в почете и любви, и возможно, столь же ласкового мужа.

Королева на сцене. О, не договаривай! Такая любовь была бы с моей стороны предательством. Да буду я проклята, если выйду замуж вторично! Пусть только та выходит замуж второй раз, которая убила первого мужа!

Гамлет. Полынь, полынь! {182}

Королева на сцене. Побуждениями ко второму браку являются низменные расчеты, а не любовь. Я вторично убиваю умершего мужа, если второй муж целует меня в постели.

Король на сцене. Я верю, что ты сейчас искренне думаешь то, что говоришь. Но мы часто не исполняем своих решений. Намерение лишь раб памяти: оно рождается полным сил, но оно недолговечно. Будучи недозрелым плодом, оно прочно держится на дереве; но, созрев, само падает на землю. И мы неизбежно забываем сделать то, что является нашим долгом перед нами же самими. То, что мы самим себе обещаем сделать в минуту страстного увлечения, перестает быть нашим намерением, едва проходит

страсть. Крайность печали, так же как и радости, мешает им воплотиться в действие и губит их. Где особенно веселится радость или скорбит печаль, там печаль переходит в радость, радость в печаль - благодаря малейшей случайности. Этот мир не вечен, и не удивительно, что даже наша любовь меняется вместе с нашей судьбой. Ибо это еще неразрешенный вопрос: любовь ли правит судьбой, или судьба любовью. Когда впадает в ничтожество знатный человек, его покидают его любимцы. Повезет бедняку, и враги его становятся его друзьями. И поскольку любовь зависит от судьбы, постольку у человека, который не нуждается, никогда не будет недостатка в друзьях. А тот, кто в нужде захочет испытать ложного друга, тотчас же обнаружит в нем врага. Но чтобы кончить тем, с чего я начал: наши желания и судьбы настолько не соответствуют друг другу, что наши намерения постоянно рушатся. Наши мысли принадлежат нам, но выполнение их нам не принадлежит. Так и ты думаешь сейчас, что не выйдешь замуж вторично, но эти мысли умрут вместе с твоим первым мужем.

Королева на сцене. Да не даст мне земля пищи, небо - света. Да будут запретны мне веселье и отдых днем и ночью! Да превратятся для меня

вера и надежда в отчаяние! Да будет у меня не больше радостей, чем у затворника в темнице! Пусть любое мое стремление к счастью будет разрушено всеми теми препятствиями, от которых бледнеет лицо радости! И пусть навсегда преследует меня неудача, если, овдовев однажды, я вновь сделаюсь женой!

Гамлет. Что, если она нарушит клятву?

Король на сцене. Это страшная клятва. Любимая, оставь меня на время; чувства мои становятся смутными, я охотно укоротил бы свой длинный день.

Королева на сцене. Да убаюкает сон твой мозг (король засыпает) и да не разлучит нас несчастье! (Уходит.)

Гамлет. Госпожа, как вам нравится эта пьеса?

Королева. Мне кажется, что эта леди слишком много обещает.

Гамлет. О, но она сдержит слово!

Король. Вы знаете содержание пьесы? В ней нет ничего оскорбительного?

Гамлет. Нет, нет, они ведь только шутят, отравляют в шутку. Тут нет и тени чего-нибудь оскорбительного {183}.

Король. Как называется пьеса?

Гамлет. Мышеловка. Черт возьми, в каком

смысле? В иносказательном. Эта пьеса изображает убийство. которое произошло в Вене {184}. Имя государя - Гонзаго, а жены его - Баптиста. Вы сейчас увидите. Это коварное произведение. Но что из этого? Ваше величество, как и мы, чисты душою, и нас это не касается. Пусть вздрагивает от боли кляча, если у нее спина в ссадинах, наш загривок цел {185}.

Входит Луциан.

Это некий Луциан, племянник короля.

Офелия. Вы прекрасно заменяете хор, милорд.

Гамлет. Я бы мог служить посредником между вами и вашим любовником, если бы мог быть зрителем этой кукольной комедии.

Офелия. Вы остры, милорд, вы остры.

Гамлет. Вам пришлось бы постонать, чтобы притупить мое острие.

Офелия. Час от часу не легче {186}.

Гамлет. Так и вашим мужьям час от часу не легче. Начинай, убийца! Черт возьми, перестань корчить проклятые рожи и начинай! Ну - "Каркающий ворон взывает к мести" {187}.

Луциан. Мысли черны, крепки руки, надежен яд, благоприятно время. Оно является моим сообщником, так как сейчас нет никого вокруг. Смесь гнусная, составленная из трав, собранных

в полночь, трижды проклятая Гекатой, трижды отравленная, немедленно прояви свою натуральную магию и ужасные свойства, чтобы похитить здоровую жизнь! (Вливает яд в ухо спящего.)

Гамлет. Он отравляет его в саду, чтобы завладеть его саном. Его имя - Гонзаго. Эта повесть сохранилась и написана на весьма изысканном итальянском языке. Сейчас вы увидите, как убийца добивается любви жены Гонзаго.

Офелия. Король встает.

Гамлет. Что, испугался искусственного огня?

Королева. Как вы себя чувствуете, милорд?

Полоний. Прекратите представление!

Король. Посветите мне. Идем!

Все. Огней, огней, огней! {188}

Уходят все, кроме Гамлета и Горацио.

Гамлет. "Пусть плачет раненый олень, невредимый играет; одним суждено бодрствовать, другим - спать: на этом движется мир". Разве эта декламация, сэр, и лес перьев на голове - если судьба станет ко мне враждебна, как турок, - да две провансальские розы {189} на башмаках с вырезами не обеспечат мне цельного пая {190} в актерской своре, сэр?

Горацио. Половину пая.

Гамлет. Нет, цельный пай. "Ибо ты должен

знать, дорогой Дамон, что это королевство лишилось самого Юпитера, и теперь здесь царствует настоящий, настоящий... павлин" {191}.

Горацио. Вы могли бы и срифмовать.

Гамлет. О добрый Горацио, я готов биться об заклад на тысячу фунтов, что призрак говорил правду. Ты заметил?

Горацио. Прекрасно заметил, милорд.

Гамлет. Когда заговорил об отравлении?

Горацио. Я очень внимательно следил за ним.

Гамлет. Ха-ха! Эй, музыка! Эй, флейтисты! "Ибо если королю не нравится комедия, ну, значит, повидимому, она ему, черт возьми, не нравится". Эй, музыка!

Входят Розенкранц и Гильденстерн.

Гильденстерн. Добрейший принц, удостойте выслушать одно слово.

Гамлет. Сэр, целую повесть.

Гильденстерн. Король, сэр...

Гамлет. Да, сэр, что с ним такое?

Гильденстерн. Он удалился к себе в очень тяжелом состоянии.

Гамлет. От вина, сэр?

Гильденстерн. Нет, милорд, скорее от желчи.

Гамлет. С вашей стороны было бы более мудро сообщить об этом врачу. Ибо, если я примусь

прочищать его, это, возможно, вызовет у него еще худшее разлитие желчи.

Гильденстерн. Добрый милорд, введите свою речь в какие-нибудь рамки и не отклоняйтесь так дико от моего дела.

Гамлет. Смиряюсь, сэр. Повествуйте.

Гильденстерн. Королева, ваша мать, в крайнем душевном огорчении послала меня к вам.

Гамлет. Милости просим.

Гильденстерн. Нет, добрый милорд, эта любезность здесь не к месту. Если вам угодно дать мне здравый ответ, я выполню приказ вашей матери. Если же нет, то ваше разрешение мне удалиться и мой уход будут концом моего дела.

Гамлет. Сэр, я не могу.

Гильденстерн. Чего, милорд?

Гамлет. Дать вам здравый ответ. Мой ум болен. Но, сэр, тот ответ, который я в состоянии вам дать, будет к вашим услугам. Или, как вы говорите, к услугам моей матери. Поэтому довольно, пора к делу. Моя мать, говорите вы...

Розенкранц. Вот что она говорит: поведение ваше повергло ее в недоумение и изумление.

Гамлет. О, удивительный сын, который может так изумлять свою мать! Но разве за этим материнским изумлением не следует по пятам еще

чего-нибудь? Сообщите.

Розенкранц. Она желает переговорить с вами у себя в комнате, прежде чем вы ляжете спать.

Гамлет. Мы повинуемся, будь она хоть десять раз нашей матерью. У вас еще есть к нам дело?

Розенкранц. Милорд, вы некогда любили меня.

Гамлет. И все еще люблю. (Показывая на свои руки {192}.) Клянусь этими ворами и грабителями.

Розенкранц. Добрый милорд, в чем причина вашего расстройства? Вы сами лишаете себя свободы, не делясь своей печалью с другом.

Гамлет. Сэр, я не продвигаюсь вперед.

Розенкранц. Как это возможно, когда сам король провозгласил вас наследником датского престола!

Гамлет. Да, сэр, но "пока растет трава... {193}" Пословица эта немного заплесневела.

Входят актеры с флейтами.

А, флейты! Дайте мне одну. Два слова с вами наедине. Что это вы заходите мне в тыл по ветру, как будто хотите загнать меня в западню?

Гильденстерн. О милорд, если я слишком смел в исполнении моего долга, то это потому, что любовь моя безыскусственна.

Гамлет. Я что-то этого не понимаю. Не сыграете

ли вы на этой флейте?

Гильденстерн. Милорд, я не умею.

Гамлет. Прошу вас.

Гильденстерн. Поверьте мне, я не умею.

Гамлет. Умоляю вас.

Гильденстерн. Я к ней и прикоснуться не умею, милорд.

Гамлет. Это так же просто, как лгать. Перебирайте эти отверстия вашими пальцами, дуйте в нее, и она заговорит красноречивой музыкой. Посмотрите, вот это - клапаны.

Гильденстерн. Но я не знаю, как управлять ими, чтобы добиться гармонии. Я не обладаю этим умением.

Гамлет. Ну, подумайте только, какой недостойной вещью считаете вы меня! Вам хочется играть на мне: вам кажется, что вы знаете мою слабую сторону; вам хочется вырвать сердце моей тайны; вам хочется исследовать все мои ноты от самой нижней до верхней. В этом маленьком инструменте много музыки и у него прекрасный голос. Однако вы не способны заставить его заговорить. Черт возьми, неужели вы думаете, что на мне легче играть, чем на флейте? Называйте меня каким угодно инструментом; вы можете расстроить меня, но вы не можете играть на мне!

Входит Полоний.

Да благословит вас бог, сэр!

Полоний. Милорд, королева желает говорить с вами немедленно.

Гамлет. Видите то облако, похожее на верблюда?

Полоний. Клянусь мессой, в самом деле похоже на верблюда.

Гамлет. Мне кажется, что оно похоже на ласку.

Полоний. У него спина, как у ласки.

Гамлет. Или как у кита?

Полоний. Очень похоже на кита.

Гамлет. Ну, в таком случае я сейчас пойду к моей матери. (В сторону {194}.) Они дурачат меня до предела моих сил. (Вслух.) Я приду сейчас.

Полоний. Я так и скажу. (Уходит.)

Гамлет. Легко сказать "сейчас". Оставьте меня, друзья.

Уходят все, кроме Гамлета.

Теперь настало колдовское время ночи, когда кладбища разверзают пасти и когда сам ад дышит заразой на этот мир. Теперь я мог бы пить горячую кровь и совершить такие горькие дела, на которые с трепетом взглянул бы день. Спокойнее! Иду к матери. О сердце, не изменяй своей природе. Пусть никогда душа Нерона {195} не

вселится в эту непоколебимую грудь!.. Пусть буду я жесток, но не поступлю против природы. В моих словах, обращенных к ней, будут кинжалы, но я не употреблю кинжала. Пусть в этом мой язык и моя душа лицемерят друг перед другом: как бы я ни порицал ее на словах, - не скрепляй, моя душа, этих слов своим согласием! (Уходит.)

Входят король, Розенкранц и Гильденстерн.

Король. Я не люблю его, и для нас не безопасно давать волю его безумию. Поэтому снаряжайтесь в путь. Я тотчас же велю приготовить ваши полномочия, и он отправится в Англию вместе с вами. Интересы государства не позволяют, чтобы ежечасно его безумные поступки грозили нам близкой опасностью.

Гильденстерн. Мы снарядимся в путь. Священным и благочестным является страх за многих и многих людей, жизнь и пропитание которых зависят от вашего величества.

Розенкранц. Отдельная, частная жизнь обязана всей силой и оружием ума беречь себя от невзгод; тем более тот дух, от благополучия которого зависят и на благополучии которого зиждутся жизни многих. Кончина короля не происходит одиноко, но, как водоворот, увлекает все, что находится вокруг. Это огромное колесо, установленное на

вершине высочайшей горы, к гигантским спицам которого подогнан и прикреплен десяток тысяч более мелких вещей. И когда это колесо падает, все то мелкое, что связано с ним и ему подчинено, следует за ним в его шумном крушении. Король никогда не вздыхал один, но вздох его всегда вызывал всеобщий стон.

Король. Готовьтесь, прошу вас, к этому срочному путешествию. Мы закуем в оковы этот страх, который сейчас пользуется излишней свободой.

Розенкранц. |

} Мы поспешим.

Гильденстерн. |

Уходят Розенкранц и Гильденстерн. Входит Полоний.

Полоний. Милорд, он собирается идти в комнату своей матери. Я спрячусь за аррасским ковром, чтобы услыхать все, что произойдет. Ручаюсь, что она образумит его своими укорами. Как вы сказали, - и это было мудро сказано, - нужно, чтобы кто-нибудь, помимо матери, - поскольку природа создает матерей пристрастными, - подслушал этот разговор из какого-нибудь удобного места. Прощайте, мой повелитель. Я зайду к вам прежде, чем вы ляжете спать, и расскажу вам то, что узнаю.

Король. Благодарю вас, дорогой милорд.

Полоний уходит.

О, преступление мое гнусно, оно смердит к небу. На нем лежит первоначальное, древнейшее проклятие - убийство брата. Я не могу молиться, хотя и стремлюсь к этому всей остротой воли. Стальное намерение оказывается побежденным более сильным преступлением, и, как человек, обязанный исполнить двойное дело, я стою в нерешительности, не зная, с чего начать, и не приступаю к делу. Если бы эта проклятая рука была еще гуще покрыта кровью брата, разве не нашлось бы достаточно дождя в благостных небесах, чтобы омыть ее и сделать белой, как снег? К чему милосердие божие, как не для того, чтобы не отворачиваться от преступлений? И что в молитве, как не двойная сила, спасающая нас от падения или прощающая нас, если мы уже пали? Я подыму взоры ввысь. Мой грех - в прошлом. Но - увы! - какая молитва может мне помочь? "Прости мне подлое убийство?" Это невозможно, потому что я все еще владею всем тем, во имя чего совершил убийство: моей короной, моим собственным честолюбием и моей королевой. Может ли быть прощен тот, кто сохраняет плоды преступления? В загрязненных потоках этого мира позлащенная

рука преступления может отстранить правосудие, и мы часто видим, как неправедная добыча подкупает закон. Но не так в небесах. Там нет обмана, там поступок предстает в истинной своей природе, и там мы должны до конца сознаться в своих грехах. Что же мне делать? Что остается? Испытать, что может сделать раскаяние? Чего оно не может? Однако что же может оно сделать, когда не можешь раскаяться? О несчастное состояние! О сердце, черное, как смерть! О душа, как пойманная клеем птица, которая, чем больше силится освободиться, тем больше вязнет. Помогите, ангелы! Попробуем! Согнитесь, упрямые колени, а ты, сердце со стальными жилами, стань мягким, как мышцы новорожденного младенца! Быть может, все еще будет хорошо! (Становится на колени {196}.)

Входит Гамлет.

Гамлет. Сейчас я мог бы легко сделать это, - сейчас, когда он молится. И сейчас я это сделаю. И он отправится на небеса, и так я буду отомщен? Это следует тщательно обдумать. Злодей убивает моего отца. И в ответ на это я, его единственный сын, посылаю этого самого злодея на небо. Ведь это награда, а не месть! Мой отец был убит в нечестивом состоянии, с желудком, полным пищи,

со всеми своими грехами, расцветшими пышно и сочно, как месяц май, и кто, кроме неба, знает, как он сейчас отчитывается за свои грехи! Если судить по условиям нашей жизни и по нашему рассуждению, ему должно быть сейчас тяжело. И разве я буду отомщен, если убью этого, когда он очищает свою душу и подготовлен для перехода в другой мир? Нет. В ножны, мой меч, изведай более страшный удар: когда он спит пьяный, или когда предается гневу, или когда погружен в кровосмесительное наслаждение в своей постели; когда он играет на деньги, ругается или занимается другим каким-нибудь делом, в котором нет и намека на спасение души; тогда сшиби его, чтобы он забрыкал пятками в небо и чтобы душа его стала такой же проклятой и черной, как ад, куда она отправится. Моя мать ждет меня. Это лекарство лишь продлевает дни твоей болезни. (Уходит.)

Входят королева и Полоний.

Полоний. Он сейчас придет. Смотрите же, внушите ему хорошенько. Скажите ему, что его проказы чересчур необузданы и невозможно их дольше терпеть и что ваша милость заступалась за него и защищала его от гнева короля. Я притаюсь вот здесь. Прошу вас, говорите с ним прямо.

Гамлет (за сценой). Матушка, матушка, матушка!

Королева. Положитесь на меня, не беспокойтесь. Скройтесь, я слышу его шаги.

Полоний прячется за ковер. Входит Гамлет.

Гамлет. Ну, матушка, что случилось?

Королева. Гамлет, ты оскорбил твоего отца.

Гамлет. Матушка, вы оскорбили моего отца.

Королева. Ну, довольно, вы отвечаете праздным языком.

Гамлет. Ну, довольно, вы спрашиваете злым языком.

Королева. Что это значит, Гамлет?

Гамлет. Что еще скажете?

Королева. Вы забыли, кто я?

Гамлет. Нет, клянусь распятием, не забыл. Вы - королева, жена брата вашего мужа, а также - хотел бы я, чтобы этого не было! - вы - моя мать.

Королева. Нет, если так, я пошлю к вам тех, кто умеет говорить.

Гамлет. Ну-ну, садитесь. Вы не тронетесь с места. Вы не уйдете, пока я не поставлю перед вами зеркало, в котором вы увидите самую сокровенную часть вашей души.

Королева. Что ты хочешь сделать? Ты не убьешь меня? На помощь, на помощь, хо!

Полоний (за ковром). Эй, хо! На помощь, на помощь, на помощь!

Гамлет (обнажая меч). Что такое? Крыса? (Пронзает мечом аррасский ковер.) Мертва, ставлю дукат, что мертва!

Полоний (за ковром). О, я убит!

Королева. О, горе, что ты сделал!

Гамлет. Нет, я сам не знаю. Это король?

Королева. О, какой опрометчивый и кровавый поступок!

Гамлет. Кровавый поступок? Почти столь же дурной, добрая матушка, как убить короля и выйти замуж за его брата.

Королева. Убить короля?

Гамлет. Да, госпожа, я так сказал. (Приподымает ковер и видит Полония.) Ты, несчастный, безрассудный, сующийся в чужие дела глупец, прощай! Я принял тебя за более важное лицо. Прими свою судьбу. Ты видишь: опасно вмешиваться в чужие дела. Перестаньте ломать руки, успокойтесь, садитесь и дайте мне выжать все из вашего сердца. Ибо так поступлю я, если ваше сердце сделано из проницаемого вещества; если оно не затвердело, как медь, от проклятой привычки и не стало недоступным для чувств.

Королева. Что совершила я такого, что ты

смеешь обвинять меня, громко и грубо болтая языком?

Гамлет. Такой поступок, который грязнит изящество и румянец скромности; дает добродетели имя лицемерия; снимает розу с прекрасного чела невинной любви и сажает на нем язву {197}; делает брачные обеты столь же лживыми, как клятвы игроков в кости. О, такой поступок, благодаря которому брачный союз лишается души и который превращает сладчайшую веру в бога в набор слов. Лицо небес пылает от стыда. Да, эта прочная и состоящая из разных составов масса {198} с лицом печальным {199}, как в день Страшного суда, больна при одной мысли об этом поступке.

Королева. О, горе мне, какой же поступок, который так громко ревет и гремит при первом же о нем упоминании?

Гамлет. Взгляните сюда, на этот портрет и на этот, на изображение двух братьев. Посмотрите, каким изяществом отмечено это чело. Кудри Аполлона, чело самого Юпитера, взор Марса, созданный, чтобы угрожать и приказывать. Осанка, подобная вестнику Меркурию, только что опустившемуся на вершину горы, целующей небо. Кажется, что на это сочетание качеств и на этот облик каждый из богов поставил свою пе-

чать, чтобы удостоверить, что это действительно был человек. Он был вашим мужем. Ну, а теперь посмотрите, что за этим последовало. Вот ваш муж, подобный пораженному спорыньей колосу, погубившему своего здорового брата. Где у вас глаза? Как могли вы перестать питаться на этой прекрасной горе, чтобы жиреть на этом болоте? Ха! Где у вас глаза? Вы не можете назвать это любовью, потому что в вашем возрасте огонь в крови смирился, стал покорным и подчиняется суждению. А какое суждение может предпочесть вот этого этому? У вас ведь есть чувства, иначе вы не могли бы двигаться. Но эти чувства парализованы. Ибо не может до такой степени заблуждаться безумие и чувство подпадать под власть неистовства, чтобы не сохранять хотя бы некоторую долю способности делать выбор и не видеть здесь различия. Какой это дьявол так обманул вас, играя в жмурки? Глаза без ощущения, ощущение без зрения, уши без рук и глаз, обоняние без всех других чувств или даже болезненная часть одного из чувств не могли бы так заблуждаться! О стыд, где твой румянец? Мятежный ад, если ты так бунтуешь в костях матроны, пусть тогда для пылкой юности добродетель будет воском и растает в собственном

огне. Не называйте же постыдным, когда бушует неукротимый пыл, раз столь же бурно пылает и мороз и зрелый разум становится сводником похотливого желания {200}.

Королева. О Гамлет, замолчи! Ты повернул мне глаза внутрь души, и я вижу там такие черные, плотно въевшиеся пятна, которые не меняют своего цвета.

Гамлет. Нет, слушайте: жить в зловонном поту засаленной постели, загрязненной развратом, милуясь и лаская к отвратительному хлеву...

Королева. О, не говори больше! Эти слова, как кинжалы, вонзаются мне в уши. Больше не говори, милый Гамлет!

Гамлет. Убийца и подлец! Раб, который не стоит и двухсотой части вашего первого мужа. Воплощение шутовства и порока среди королей {201}. Вор, похитивший государственную власть, укравший с полки драгоценную корону и спрятавший ее в карман!

Королева. Довольно!

Гамлет. Король в шутовской одежде из лоскутьев и заплат.

Входит Призрак {202}.

Спасите меня, витайте надо мной, осеняя меня крыльями, небесные хранители! Чего хочет от

меня ваш благостный образ?

Королева. Увы, он безумен!

Гамлет. Или вы пришли, чтобы упрекать вашего медлительного сына, который пропускает время, позволяет страсти остыть и не исполняет вашего строгого приказания? О, говорите!

Призрак. Не забывай: мое посещение должно заострить твое притупившееся намерение. Но взгляни, твоя мать охвачена изумлением. О, встань между ней и ее борющейся душой. Воображение особенно сильно у тех, кто слаб телом. Заговори с ней, Гамлет!

Гамлет. Что с вами, госпожа?

Королева. Увы, что с вами? Вы устремили взор в пустоту и ведете беседу с бесплотным воздухом. Из ваших глаз дико взирает ваша душа. И подобно спавшим солдатам, разбуженным тревогой, ваши лежавшие волосы, как будто в них есть жизнь, поднялись и стали дыбом. О милый сын, пролей прохладную сдержанность на жаркий пламень твоего безумия. На что вы смотрите?

Гамлет. На него, на него! Посмотрите, как он бледен. Его печальный образ и сама причина его печали, если бы они обратились с проповедью к камням, пробудили бы в них чувство. Не глядите на меня, чтобы этим вызывающим жалость

взглядом не смягчить моего сурового намерения. Ведь тогда поблекнет то, что я должен сделать, и я, быть может, пролью слезы вместо крови.

Королева. Кому вы это говорите?

Гамлет. Разве вы там ничего не видите?

Королева. Ничего. Хотя я вижу все, что есть.

Гамлет. И вы ничего не слыхали?

Королева. Ничего, кроме наших собственных слов.

Гамлет. Ах, посмотрите туда! Посмотрите, как оно крадется прочь! Отец мой, в той же одежде, как и при жизни. Посмотрите, вот он уходит, вот сейчас, уходит в дверь!

Призрак уходит.

Королева. Это создание вашего мозга: исступление чувств искусно в создании бесплотных образов.

Гамлет. Исступление чувств! Мой пульс, как и ваш, умеренно соблюдает ритм и создает здоровую музыку. Я говорил не в безумии. Испытайте меня, и вы убедитесь, что я все могу пересказать, тогда как сумасшедший человек перепрыгивает с предмета на предмет. Матушка, ради бога, не прикладывайте к душе снадобья самообмана, будто во мне говорит не совершенный вами грех, а безумие. Это только покроет язву тонкой ко-

жей, а гнусная порча, подрывая все внутри, будет незримо распространять заразу. Исповедуйтесь перед небом. Покайтесь в прошлом, остерегайтесь будущего. Не удобряйте плевелов, чтобы они не росли еще гуще. Простите мне мою добродетель. Ибо в наши жирные, отъевшиеся времена добродетели приходится пробить поощрения у порока, - да, ей приходится склоняться перед ним и выпрашивать его позволения, когда она хочет принести ему пользу.

Королева. О Гамлет, ты расколол мое сердце пополам!

Гамлет. О, отбросьте его худшую часть и живите более чистой жизнью с другой его половиной. Доброй ночи. Но не ложитесь в постель моего дяди. Примите вид добродетели, если в вас нет ее. Чудовище-привычка, которое пожирает всякое чувство, этот дьявол, руководящий нашим поведением, является и ангелом, так как привычка также делает честные и хорошие поступки столь же для нас легкими, как удобная одежда. Воздержитесь сегодня ночью, и это сделает для вас более легким воздержание в следующий раз. А дальше будет еще легче. Ибо привычка в состоянии изменить печать природы и либо приютить дьявола {203}, либо выбросить его с удивительной силой.

Еще раз: доброй ночи. И когда вам захочется, чтобы вас благословили, я попрошу благословения у вас. Что же касается этого вельможи (указывает на Полония), я раскаиваюсь. Но так захотело небо - наказать меня через него, а его через меня и сделать меня бичом и слугой своим. Я уберу его и сумею ответить за его смерть. Итак, еще раз - доброй ночи. Я должен быть жестоким только для того, чтобы быть добрым. Так начинается злое, но худшее еще впереди. Еще одно слово, добрая госпожа.

Королева. Что должна я делать?

Гамлет. Только не то, что я сейчас попрошу вас делать; пусть пухлый король соблазнит вас опять лечь с ним в постель; пусть он похотливо ущипнет вашу щеку, назовет вас своей мышкой; пусть он в награду за грязные поцелуи или за то, что щупает вашу шею своими проклятыми пальцами, заставит вас открыть ему, что на деле я не безумен, а только притворяюсь безумным. Было бы хорошо, если бы вы ему об этом сообщили. Ведь разве будет королева, прекрасная, скромная, мудрая, скрывать столь важную тайну от жабы, летучей мыши, кота? Зачем скрывать? Нет, наперекор рассудку и соблюдению тайны, раскройте корзину на крыше дома, выпустите птиц и, по-

добно знаменитой обезьяне {204}, заползите ради опыта в корзину и сломайте себе шею.

Королева. Будь уверен: если слова создаются дыханием, а дыханье - жизнью, во мне нет жизни, чтобы рассказать то, что ты сказал мне.

Гамлет. Я должен ехать в Англию. Вы об этом знаете?

Королева. Увы! Я совсем позабыла. Так решено.

Гамлет. Письма скреплены печатью. И два моих школьных товарища {205}, которым я доверяю, как зубастым гадюкам, везут приказ. Они расчищают мне дорогу в западню и заманивают меня в нее. Пусть делают свое дело. Весело заставить сапера взорваться на собственной мине. И как бы ни было трудно, я проведу подкоп на один ярд глубже них и взорву их так, что они взлетах к луне. О, какое наслаждение, когда два хитрых замысла встречаются прямо лицом к лицу. (Указывает на Полония.) Этот человек ускорит мои сборы в Англию. Я сложу эти потроха в соседней комнате. Матушка, доброй ночи. Этот государственный советник теперь тих, молчалив и серьезен, а при жизни он был глупым, болтливым плутом. Ну, сэр, пора закончить с вами. Доброй ночи, матушка.

Уходят. Гамлет уносит Полония.

Входят король, королева, Розенкранц и Гильденстерн.

Король. В этих стонах, в этих глубоких вздохах есть причина, которую вы должны объяснить. Нам подобает знать ее. Где ваш сын?

Королева. Оставьте нас здесь одних ненадолго.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Ах, добрый супруг мой, что я видела сегодня ночью!

Король. Что такое, Гертруда? Как Гамлет?

Королева. Безумен, как море и ветер, когда они борются за могущество. Услыхав, как что-то шевелится за аррасским ковром, в безудержном припадке он выхватывает шпагу, кричит: "Крыса, крыса!" - и под влиянием больного воображения убивает невидимого ему доброго старика.

Король. О, тяжкий поступок! Так было бы и с нами, будь мы там. То, что он на свободе, является угрозой для всех: для вас самих, для нас, для каждого. Увы, как теперь объяснить этот кровавый поступок? Его припишут нам. Нам следовало быть более осмотрительными и сдержать, обуздать и удалить от общения с людьми этого безумного человека. Но так велика была наша любовь, что мы не хотели отдать себе отчет в том, как следовало поступить, и, подобно больному

дурной болезнью, храня ее от огласки, позволяли ей питаться соком жизни. Куда он пошел?

Королева. Понес тело убитого им, над которым само его безумие, подобно золотой руде среди других низких металлов, показывает свою чистоту: он плачет о том, что сделано.

Король. О Гертруда, пойдем! Солнце не успеет коснуться гор, как мы отправим его отсюда на корабле. Этому подлому убийству мы должны, используя могущество нашего сана и наше искусство, оказать поддержку и найти ему оправдание. Хо, Гильденстерн!

Входят Розенкранц и Гильденстерн.

Друзья, ступайте возьмите кого-нибудь еще в помощь. Гамлет в безумии убил Полония и уволок его из комнаты своей матери. Пойдите отыщите Гамлета, поговорите с ним откровенно и отнесите тело в часовню. Прошу вас, поторопитесь.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Пойдем, Гертруда. Мы созовем наших мудрейших друзей. Пусть они узнают и то, что мы намереваемся сделать, и то, что так несвоевременно произошло. Шепот о случившемся, который мчит прямой наводкой к цели свой отравленный снаряд по диаметру земли, как пушечный выстрел, еще, быть может, пронесется мимо нашего имени

и поразит лишь неуязвимый воздух. О, пойдем! Моя душа полна смущения и страха.

Уходят.

Входит Гамлет.

Гамлет. Спрятан в надежном месте.

Розенкранц. |

} (за сценой). Гамлет! Принц Гамлет!

Гильденстерн. |

Гамлет. Тише, что за шум? Кто зовет Гамлета? О, вот они идут!

Входят Розенкранц и Гильденстерн.

Розенкранц. Что вы сделали, милорд, с мертвым телом?

Гамлет. Смешал его с прахом, которому он сродни.

Розенкранц. Скажите нам, где оно находится, чтобы мы могли взять его оттуда и отнести в часовню.

Гамлет. Не верьте этому.

Розенкранц. Не верить чему?

Гамлет. Что я сумею соблюсти вашу тайну, но не свою собственную. К тому же отвечать на вопросы губки! Как отвечать на такие вопросы сыну короля?

Розенкранц. Вы принимаете меня за губку, милорд?

Гамлет. Да, сэр, за губку, которая впитывает благоволения короля, дарованные им награды и власть. Вот такие чиновники оказывают под конец королю наилучшую услугу; он держит их, как обезьяна {206}, за щекой: сразу кладет их в рот, но не торопится глотать. Когда ему понадобится то, что вы собрали, ему стоит только выжать вас, и, как губка, вы снова станете сухим!

Розенкранц. Я не понимаю вас, милорд.

Гамлет. Я этому рад: хитрая речь спит в глупом ухе {207}.

Розенкранц. Милорд, вы должны сказать нам, где находится тело, и отправиться вместе с нами к королю.

Гамлет. Тело при короле, но король не при теле {208}. Король - это вещь.

Гильденстерн. Вещь, милорд?

Гамлет. Ничтожная. Отведите меня к нему. Прячься, лиса, все гонитесь за нею! {209}

Уходят.

Входит король со свитой.

Король. Я послал искать его, а также найти тело. Как опасно, что этот человек находится на свободе! Однако мы не должны применять к нему строгости закона: он любим бессмысленной толпой, которая любит не суждением, а глазами.

А где дело обстоит так, там судят лишь о тяжести наказания преступника, а не о тяжести преступления. Чтобы все прошло ровно и гладко, эта внезапная отправка его должна казаться обдуманным решением. Болезни, ставшие крайне опасными, излечиваются крайними средствами или не излечиваются совсем.

Входит Розенкранц.

Ну как, что случилось?

Розенкранц. Где спрятано мертвое тело, милорд, этого мы не можем выведать у него.

Король. Но где он?

Розенкранц. За дверью, милорд. Он находится под стражей в ожидании вашего решения.

Король. Введите его и поставьте перед нами.

Розенкранц. Хо, Гильденстерн! Введите милорда.

Входят Гамлет и Гильденстерн.

Король. Ну, Гамлет, где же Полоний?

Гамлет. За ужином.

Король. За ужином? Где?

Гамлет. Не там, где он ест, но там, где его едят. Некое собрание политических червей принялось за него. Червь в отношении питания - единственный в своем роде император. Мы откармливаем других тварей, чтобы самим откормиться, и от-

кармливаем себя для червей. Жирный король и худой нищий - лишь разнообразные яства, два блюда, но для одного стола: таков конец.

Король. Увы, увы!

Гамлет. Можно удить на червя, который ел короля, и есть рыбу, которая питалась этим червем.

Король. Что ты хочешь сказать этим?

Гамлет. Я хочу лишь показать вам, как король может совершить шествие по кишкам нищего.

Король. Где Полоний?

Гамлет. На небе. Пошлите туда, чтобы убедиться в этом. Если ваш посол не найдет его там, поищите его сами в другом месте {210}. Но если вы не найдете его в течение месяца, вы почувствуете его запах, когда будете подыматься по лестнице в переднюю.

Король. Ступайте и найдите его там.

Гамлет. Он будет дожидаться вашего прихода.

Несколько человек из свиты уходят.

Король. Гамлет, ради личной твоей безопасности, - которая настолько же дорога для нас, насколько глубоко прискорбно то, что ты сделал, - твой поступок отсылает тебя отсюда с быстротой огня. Поэтому снарядись в путь. Корабль готов, и дует попутный ветер. Твои спутники ждут тебя,

и все готово для отъезда в Англию.

Гамлет. В Англию?

Король. Да, Гамлет.

Гамлет. Хорошо.

Король. Ты бы понял, как это хорошо, если бы ты знал наши намерения.

Гамлет. Я вижу херувима, который видит их {211}. Ну, ладно. В Англию! Прощайте, дорогая матушка.

Король. Твой любящий отец, Гамлет.

Гамлет. Нет - мать: отец и мать - муж и жена, муж и жена - единая плоть, а потому - прощайте, матушка. Ну, пора, в Англию!

Король. Следуйте за ним по пятам. Побудите его поскорей взойти на корабль. Не медлите: я хочу, чтобы он сегодня же отправился отсюда. Ступайте! Все остальное, что касается этого дела, решено и закончено. Прошу вас, поторопитесь.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Король Англии, если ты хоть сколько-нибудь ценишь мою любовь, - ведь моя великая власть может заставить тебя почувствовать ее, недаром еще свеж и красен рубец от датского меча, и ведь ты сам добровольным благоговением оказываешь нам покорность, - не пренебреги нашим королевским предписанием, которое в письмах,

относящихся к этому делу, прямо обязывает предать Гамлета немедленно смерти. Сделай это, король Англии! Ибо мысль о нем бушует в моей крови, как горячка, и ты должен излечить меня. Пока я не узнаю, что это сделано, - какие бы ни были у меня удачи, у меня никогда не будет радости. (Уходит).

По сцене проходит Фортинбрас с войском {212}.

Фортинбрас. Ступайте, капитан, приветствуйте от меня датского короля. Скажите ему, что Фортинбрас просит обещанного разрешения на проход войска через его королевство. Вы знаете, где вам встретиться с нами. Если его величество хочет чего-нибудь от нас, мы готовы засвидетельствовать наше почтение в его присутствии. Известите его об этом.

Капитан. Исполню, милорд.

Фортинбрас (солдатам). Не торопясь, продолжайте путь.

Фортинбрас и солдаты уходят. Входят Гамлет, Розенкранц, Гильденстерн и

другие.

Гамлет. Добрый сэр, чье это войско?

Капитан. Норвежское, сэр.

Гамлет. Куда оно направляется, сэр, прошу вас,

скажите?

Капитан. Против одной из частей Польши.

Гамлет. Кто командует им, сэр?

Капитан. Племянник старого короля Норвегии, Фортинбрас.

Гамлет. Выступает ли оно против всей Польши, или против одной из ее пограничных областей?

Капитан. Говоря по правде и без прикрас, мы отправляемся завоевывать маленький клочок земли, который не может дать никакой прибыли, кроме своего названия. Я бы не заплатил пяти дукатов, да, пяти, чтобы арендовать его для обработки. И он не принес бы большего ни королю Норвегии, ни королю Польши, если бы продать его за наличные деньги.

Гамлет. Что ж, в таком случае король Польши не будет его оборонять.

Капитан. Будет: на нем уже находятся гарнизоны.

Гамлет. Две тысячи душ и двадцать тысяч дукатов будут истрачены не по причине этого мелкого спора! {213} Это гнойник, вызванный чрезмерным богатством и мирной жизнью, который прорывается внутрь и с внешней стороны не обнаруживает причины смерти человека. Покорно благодарю вас, сэр.

Капитан. Да сохранит вас бог, сэр. (Уходит.)

Розенкранц. Вы разрешите продолжать путь, милорд?

Гамлет. Я вас сейчас догоню. Ступайте вперед.

Все, кроме Гамлета, уходят.

Все обстоятельства свидетельствуют против меня и пришпоривают мою медлительную месть! Что же такое человек, если главным товаром и рынком его жизни являются лишь сон и еда? - Зверь, не более того. Конечно, тот, кто создал нас с таким обширным разумом, со способностью предвидеть и вспоминать, дал нам эту способность и божественный разум не для того, чтобы они плесневели от бездействия. Забывчивость ли это, как у зверя, или трусливая мелочность при слишком точном размышлении о результате события, - мысль, которая, если разделить ее на четыре части, содержит лишь одну часть мудрости и три части трусости, - не знаю, для чего я живу, повторяя: "Это нужно сделать", тогда как у меня есть причина, воля, сила и средства, чтобы сделать это. Примеры, столь же грубо наглядные, как земля, побуждают меня: например, эта армия, такая многочисленная и сильная, под водительством изящного и нежного принца, дух которого, подвигнутый божественным честолюбием, сме-

ется над неведомым исходом дела, отдавая все то, что смертно и преходяще, на волю судьбы, смерти и опасности ради выеденного яйца {214}. Истинное величие состоит в том, чтобы не действовать без великой причины; но, когда дело идет о чести, достойно величия искать повод к ссоре даже в мелочи {215}. Как же это я стою в бездействии, когда у меня убит отец, опозорена мать, когда у меня волнуются и ум и кровь, как же я позволю делу спать? А ведь тут же, к моему стыду, я вижу, как смерть грозит двадцати тысячам людей, которые ради прихоти и пустой славы идут в могилу, будто в постель, сражаются за клочок земли, где даже для сражения не хватает пространства и где не уместить могил, чтобы похоронить убитых. О, отныне да будут мысли мои кровавыми или пусть они потеряют всякую цену! (Уходит.)

Входят королева, Горацио и придворный {216}.

Королева. Я не хочу говорить с ней.

Придворный. Она ко всем пристает и, конечно, не в своем уме. Она достойна сострадания.

Королева. Что ей нужно?

Придворный. Она не перестает говорить об отце, говорит, что слышала, что на свете много хитростей, бормочет, бьет себя в грудь и сердится по пустякам. Речь ее невнятна и наполовину

бессмысленна. Эта речь сама по себе ничто, но ее бессвязность поощряет слушающих делать выводы: стремясь к этому, они наполняют слова содержанием соответственно собственным мыслям. Она подмигивает, кивает головой, жестикулирует, и действительно можно подумать, что во всем этом скрыта какая-то мысль: хотя и неясная, но очень печальная.

Королева. Хорошо бы поговорить с ней, так как она может посеять опасные предположения в злобных умах. Пусть она войдет сюда.

Придворный уходит.

Входит придворный с Офелией.

Офелия. Где прекрасная королева Дании?

Королева. Что с вами, Офелия?

Офелия (поет). "Как мне отличить верного возлюбленного от других? По шляпе, украшенной ракушками, посоху и сандалиям" {217}.

Королева. Увы, милая леди, что значит эта песня?

Офелия. Что вы сказали? Нет, прошу вас, послушайте. (Поет.) "Он умер, его нет, леди, он умер, его нет. У его изголовья - зеленый дерн, у ног его - камень".

Королева. Нет, прошу вас, Офелия...

Офелия. Прошу, вас, слушайте. (Поет.) "Бел его

саван, как горный снег..."

Входит король.

Королева. Увы, посмотрите на это, милорд.

Офелия (поет). "Он был покрыт душистыми цветами; но они не были брошены в его могилу {218}, не были орошены слезами, потоками верной любви..."

Королева. Как вы себя чувствуете, прекрасная леди?

Офелия. Хорошо, да благословит вас бог. Говорят, сова была дочерью булочника {219}. Боже мой, мы знаем, что мы такое, но не знаем, чем мы можем стать. Да благословит бог вашу трапезу!

Король. Она думает об отце.

Офелия. Прошу вас, об этом ни слова. Но когда вас спросят, что все это значит, скажите следующее (поет): "Завтра день святого Валентина {220}. Ранним утром я, девушка, стою у вашего окна, чтобы стать вашей Валентиной. И вот он встал, и накинул одежду, и открыл дверь комнаты. И впустил девушку, которая уже не девушкой вышла оттуда".

Король. Прекрасная Офелия!

Офелия. Вот и конец без дальних слов (поет): "Клянусь Иисусом и святым милосердием, - увы и фу, как стыдно! - молодые люди делают это,

если уж соберутся. Клянусь богом, они достойны порицания. Она говорит: "До того, как ты повалил меня, ты обещал жениться на мне". Он отвечает: "Я бы. так и поступил, клянусь вот тем солнцем, если бы ты не пришла в мою постель".

Король. Как давно находится она в таком состоянии?

Офелия. Я надеюсь, что все кончится хорошо. Мы должны быть терпеливы; но я не могу не плакать, когда подумаю, что его положили в холодную землю. Мой брат узнает, что его положили в холодную землю. Мой брат узнает об этом. Итак, благодарю вас за добрый совет. Подайте мою карету. Доброй ночи, леди; доброй ночи, милые леди. Доброй ночи, доброй ночи. (Уходит.)

Король. Следуйте за ней по пятам. Внимательно следите за ней, прошу вас. О, это яд глубокого горя. Причиной всему смерть ее отца. О Гертруда, Гертруда! Когда приходят печали, они появляются не одинокими разведчиками, но целыми батальонами. Сначала - убийство ее отца; затем - отъезд вашего сына, который является виновником своего справедливого удаления от двора; затем - народ, чьи мысли и пересуды, касающиеся смерти доброго Полония, подобны мутным, илистым и вредоносным водам. Мы поступили необду-

манно, похоронив его тайком. А затем - бедная Офелия, в разладе с самой собой и здравым суждением, без которого мы лишь изображения людей или просто звери. И, наконец, - беда, равная всем остальным: ее брат тайно вернулся из Франции, он в недоумении, ходит мрачный, как туча, и "не имеет недостатка в шептунах, которые отравляют его слух гнусными рассказами о смерти его отца. И как раз те, у которых нет точных данных, не останавливаются перед тем, чтобы обвинить нас, передать слухи из уст в уста. О моя дорогая Гертруда! Это, подобно убийственному снаряду, наносит мне множество смертельных ран.

Шум за сценой.

Королева. Ах, что это за шум?

Король. Где мои швейцарцы? {221} Пусть они охраняют дверь.

Входит придворный.

Придворный. Спасайтесь, милорд! Океан, вышедший из берегов, не пожирает равнину с такой неистовой скоростью, с какой молодой Лаэрт, во главе мятежной толпы, опрокидывает нашу стражу. Чернь называет его государем. И словно мир только что начал существовать или позабыта старина и неведом обычай, придающие словам законную силу и крепость, - они кричат: "Мы

избираем Лаэрта. Пусть он будет королем!" Их шапки, рукоплескания и крики долетают до облаков: "Пусть королем будет Лаэрт, король Лаэрт!"

Королева. Как весело лают они, гоняясь по ложному следу! Не в ту сторону устремились вы, неверные датские псы!

Шум за сценой.

Король. Они взломали дверь.

Входит Лаэрт, за ним датчане.

Лаэрт. Где король? Господа, стойте за дверью.

Датчане. Нет, мы войдем.

Лаэрт. Прошу вас, предоставьте мне возможность действовать самому.

Датчане. Хорошо, хорошо. (Уходят за дверь.)

Лаэрт. Благодарю вас. Охраняйте дверь. О ты, гнусный король, отдай мне моего отца.

Королева. Спокойно, добрый Лаэрт!

Лаэрт. Если во мне найдется хоть одна спокойная капля крови, она объявит меня незаконным сыном, отца моего - рогоносцем и заклеймит незапятнанное чело моей матери между бровей, вот прямо тут, клеймом шлюхи.

Король. В чем причина, Лаэрт, что поднятый тобой мятеж так похож на мятеж гигантов? {222} Отпусти его, Гертруда. Не бойся нас. Божественная сила ограждает короля, и предательство

способно лишь мельком взглянуть на свою цель, но не в состоянии поступить по своей воле. Скажи мне, Лаэрт, чем ты так взволнован? Отпусти его, Гертруда. Ну, говори.

Лаэрт. Где мой отец?

Король. Умер.

Королева. Но не он убил его.

Король. Пусть он спрашивает все до конца.

Лаэрт. Как он умер? Я не допущу, чтобы меня обманывали. К черту долг верности монарху! К черным дьяволам принесенную клятву! Совесть и благодать - в самую глубину ада! Я не боюсь погибели души. И открыто заявляю, что ни во что не ставлю ни этот, ни загробный мир, - пусть будет, что будет, - лишь бы достойно отомстить за моего отца.

Король. Что же вас в этом остановит?

Лаэрт. Моя воля, но не весь мир. А что касается путей к осуществлению мести, я буду действовать так ловко, что даже с малыми средствами дело пойдет далеко.

Король. Добрый Лаэрт, раз вы хотите узнать всю правду о смерти вашего дорогого отца, неужели месть велит вам обрушиться на всех без разбора - и на друга, и на врага, и на того, кто выиграл от смерти вашего отца, и на того, кто проиграл?

Лаэрт. Я буду мстить только его врагам.

Король. Значит, вы хотите узнать, кто они?

Лаэрт. Его верным друзьям я вот так, широко открою объятия и, подобно доброму, жертвующему своей жизнью пеликану, накормлю их собственной кровью.

Король. Ну, теперь вы говорите, как добрый сын и истинный джентльмен. То, что я не виновен в смерти вашего отца и горюю о ней, станет для вас столь же ясным, как дневной свет для ваших глаз.

Датчане (за сценой). Пусть она войдет.

Лаэрт. Что такое? Что это за шум?

Входит Офелия.

О, жар скорби, иссуши мой мозг! Слезы, в семь раз солоней обычных, сожгите чувство зрения в моих глазах. Клянусь небом, за твое безумие будет воздана тяжелая расплата, пока наша чаша весов не перевесит. О роза моя! Милая девушка, добрая сестра, нежная Офелия! О небеса! Неужели возможно, чтобы ум юной девушки мог так же быстро угаснуть, как жизнь старика? Любовь к родителям изощрена и в своей изощренности посылает саму себя, как драгоценный дар, следом за предметом любви {223}.

Офелия (поет). "Его несли с открытым лицом на

погребальных носилках. Хэй, нон нонни, нонни, хэй, нонни! И в могилу его обильным дождем падали слезы..." Прощай, мой голубь!

Лаэрт. Если бы ты была в своем уме и убеждала, что необходимо отомстить, ты не могла бы с большей силой воодушевить на месть.

Офелия. "Пойте - даун-э-даун. И позовите его... Э-даун-э..." Ах, как хорошо подходит жужжание прялки к этой песне {224}. Это - обманщик, сенешал замка, похитивший дочь своего господина.

Лаэрт. В этом отсутствии смысла есть свой смысл.

Офелия. Вот розмарин {225}. Это на память. Прошу тебя, любимый, помни. А вот - анютины глазки, это чтобы ты думал.

Лаэрт. Мудрость - в безумии: ее мысли связаны с воспоминаниями.

Офелия. Вот вам укроп и водосбор. Вот вам рута. И для меня тоже. Ее также называют благодатной воскресной травкой. Ах, каждый носит ее по-своему {226}, а? Вот маргаритка. Я дала бы вам фиалки, но они все увяли, когда умер мой отец. Говорят, он умер хорошей смертью. (Поет.) "Славный милый Робин - вся радость моя".

Лаэрт. Печальные мысли, горе, страданье, самый ад она превращает в прелесть и красоту.

Офелия (поет). "Неужели он больше не придет? Неужели он больше не придет? Нет, нет, он умер, ложись же на смертное ложе, он больше никогда не придет. Его борода была бела как снег и как лен была его голова. Он умер, он умер, и мы стонем: да помилует бог ему душу!" И души всех христиан, молю об этом господа. Господь с вами. (Уходит.)

Лаэрт. Видишь ли ты это, о боже?

Король. Лаэрт, я должен вмешаться в ваше горе. Не лишайте меня этого права. Ступайте выберите кого хотите из ваших мудрейших друзей: пусть они выслушают все и станут судьями между вами и мной. Если они найдут, что прямо или косвенно мы замешаны в этом деле, мы отдадим вам в качестве удовлетворения наше королевство, нашу корону, нашу жизнь и все то, что мы называем своим. Но если они этого не найдут, согласитесь доверить нам ваше терпение, и мы будем вместе с вами трудиться, чтобы вернуть спокойствие вашей душе.

Лаэрт. Пусть будет так. Причина его смерти, тайные похороны, отсутствие доспехов, меча и герба над его прахом, а также полагающихся знатному лицу обрядов и пышных церемоний вопиют во всеуслышание к небесам и земле, чтобы я расследовал это дело.

Король. Так вы и поступите. И пусть там, где будет открыто преступление, падет мощный топор. Прошу вас, следуйте за мной.

Уходят.

Входят Горацио и слуга.

Горацио. Что это за люди, которые хотят говорить со мной?

Слуга. Матросы, сэр. Они говорят, что у них для вас есть письма.

Горацио. Пусть войдут.

Слуга уходит.

Я не знаю, из какой части света может мне быть прислано приветствие, если не от принца Гамлета.

Входят матросы {227}.

Первый матрос. Да благословит вас бог, сэр.

Горацио. Да благословит он и тебя.

Первый матрос. Он так и сделает, сэр, если захочет. Тут есть письмо для вас, сэр. Оно от посла, который уехал в Англию. Если только ваше имя Горацио, как мне об этом сообщили.

Горацио (читает). "Горацио, когда ты просмотришь письмо, устрой этим малым доступ к королю: у них есть письма для него. Не успели мы пробыть и двух дней в море, как хорошо вооруженный пиратский корабль погнался за нами.

Так как оказалось, что мы плывем слишком медленно, нам поневоле пришлось быть храбрыми и, когда мы сцепились, я перескочил на борт их корабля. В то же мгновение они отошли от нашего; корабля, и я один оказался их пленником. Они обошлись со мной, как великодушные воры. Но они знали, что делали, и я теперь должен оказать им услугу. Пусть, король получит письма, которые я посылаю. И спеши ко мне с такой скоростью, как если бы ты бежал от смерти. Мне нужно шепнуть тебе на ухо слова, от которых ты онемеешь. И все же они слишком легки для дела такого калибра. Розенкранц и Гильденстерн продолжают путь в Англию. О них я должен много рассказать тебе. Прощай. Тот, который, как ты знаешь, принадлежит тебе: Гамлет". Пойдемте, я устрою так, чтобы ваши письма попали по назначению. Я сделаю это как можно скорей, чтобы вы могли проводить меня к тому, от кого вы их привезли. (Уходит.)

Входят король и Лаэрт.

Король. Ну, теперь ваша совесть должна скрепить печатью мое оправдание и вы должны поместить меня в вашем сердце как друга. Ведь вы слышали, и слышали разумным ухом, что тот, который убил вашего благородного отца,

замышлял и против моей жизни.

Лаэрт. Кажется, это действительно так. Но скажите мне, почему вы не преследовали его за эти дела, столь преступные и тяжелые по своей природе? Ведь к этому вас побуждали чувство безопасности, осмотрительность, вообще все.

Король. О, тут были две особые причины! Может быть, они покажутся вам неосновательными, но для меня они имеют большую силу. Королева, мать его, живет им и не насмотрится на него. А что касается меня, - достоинство ли это мое, или моя беда, - она так крепко связана с моей жизнью и душой, что, подобно тому, как звезда движется только в своей сфере, так и мое движение зависит от нее. Другой причиной, почему я не могу действовать открыто, является та великая любовь, которую питают к нему простые люди. Они покрывают все его недостатки своей любовью, подобно тому источнику, который превращает дерево в камень, обращают самые его пороки в достоинства. Так что стрелы мои, слишком легкие для такого сильного ветра, возвратились бы к моему луку и не попали бы в цель.

Лаэрт. Итак, я потерял благородного отца, сестра моя доведена до отчаянного состояния. А ведь если восхвалять ее такую, какая она была прежде,

ее достоинства по своему совершенству стояли на вершине нашего века, не уступая никому. Но месть моя свершится.

Король. Не тревожьтесь об этом, спите спокойно! Не думайте, что мы сделаны из вялого и безжизненного вещества и допустим, чтобы у нас борода тряслась от страха, считая это приятным времяпровождением. Вы вскоре кое-что услышите. Я любил вашего отца и люблю самого себя. И поэтому, надеюсь, вы не будете сомневаться...

Входит придворный.

Что такое? Что случилось?

Придворный. Письма, милорд, от Гамлета: это - вашему величеству, это - королеве.

Король. От Гамлета! Кто их привез?

Придворный. Матросы, милорд, - так мне сказали. Я их не видел. Эти письма дал мне Клавдио. Он получил их от того, кто их привез.

Король. Лаэрт, я вам их прочитаю. (Придворному.) Оставьте нас.

Придворный уходит.

"Высокий и могущественный! Узнайте, что меня высадили нагим на берегу вашего королевства. Завтра я буду просить разрешения предстать перед ваши королевские очи. И тогда, испросив на то ваше согласие, я расскажу обстоятельства

моего внезапного и странного возвращения. Гамлет". Что это значит? А остальные вернулись? Или это обман, а не правда?

Лаэрт. Вы узнаете руку?

Король. Это почерк Гамлета. "Нагим"! И в приписке он еще говорит "один". Вы можете мне что-нибудь посоветовать?

Лаэрт. Я не знаю, что и думать, милорд. Но пусть приезжает! Болезнь моего сердца согревается мыслью, что я доживу до того, чтобы сказать ему в лицо: "Так сделал ты!" {228}

Король. Раз это так, Лаэрт, - но как же это могло случиться? И все-таки ведь это случилось! - будете ли вы повиноваться мне?

Лаэрт. Да, милорд, но только, если вы не будете побуждать меня к примирению.

Король. К твоему собственному миру и покою. Если он сейчас вернется, прервав свое путешествие, и если он решит больше не предпринимать его, я буду подстрекать его на дело, замысел которого созрел у меня и которое, как бы он ни поступил, приведет его к гибели. Его смерть не подымет и ветерка осуждения, и даже мать его оправдает подстроенное нами дело, назвав его несчастным случаем.

Лаэрт. Милорд, я готов повиноваться. И тем

охотнее, если вы устроите так, что исполнителем дела буду я.

Король. Отлично. О вас много говорили с тех пор, как вы уехали, также и в присутствии Гамлета, благодаря одному вашему качеству, которым вы, как говорят, блистаете. Вся совокупность ваших достоинств не возбуждала в Гамлете такой зависти, как то, что, с моей точки зрения, является наименее существенным.

Лаэрт. Что это за достоинство, милорд?

Король. Оно как лента, украшающая шляпу юноши. И все же оно не лишено пользы: ибо юности не менее к лицу легкий и небрежный наряд, который она носит, чем зрелому возрасту опушенные соболем одежды, способствующие здоровью и придающие важность. Тому назад два месяца здесь был один джентльмен из Нормандии. Я видал французов и бывал на войне против них. Они хорошо ездят верхом. Но возле этого щеголя было колдовство: он врос в седло и заставлял своего коня проделывать такие шутки, как будто он составлял одно тело с красивым животным. Он превзошел все, что я мог представить себе, и я намного уступаю ему в уменье принимать разные обличил и строить уловки.

Лаэрт. Нормандец, не так ли?

Король. Нормандец.

Лаэрт. Клянусь жизнью, Ламор.

Король. Он самый.

Лаэрт. Я хорошо его знаю. Он - краса и слава всей страны.

Король. Он говорил о вас и восхвалял ваше искусство и мастерство в фехтовании, в особенности на рапирах. Он даже воскликнул, что стоило бы поглядеть на состязание, если бы нашелся для вас достойный соперник. Он клялся, что фехтовальщики его народа ни быстротой движений, ни парированием ударов, ни глазомером не могут сравниться с вами. Сэр, этот рассказ так отравил Гамлета завистью, что он перестал что-либо делать и только желал и просил, чтобы вы скорее приехали и сразились с ним.

Лаэрт. Ну, и что из этого, милорд?

Король. Лаэрт, ваш отец был дорог вам? Или вы Подобны лишь изображению печали на картине, лицу без сердца?

Лаэрт. Почему вы это спрашиваете?

Король. Я не думаю, что вы не любили вашего отца, но я знаю, что любовь рождается во времени, и я видел на убедительных примерах, что время охлаждает ее искру и огонь. В самом пламени любви имеется нагар на фитиле, который

уменьшает пламя. И ничто не пребывает вечно в том же добром качестве, ибо благо, становясь пресыщением, умирает от собственного избытка. То, что мы хотим сделать, мы должны делать тогда, когда этого хотим. Ибо "хотим" изменяется и подвержено стольким же охлаждениям и отсрочкам, сколько есть на свете языков, рук, случайностей, и тогда "должны" становиться подобным мучительному вздоху расточителя. Но коснемся самого чувствительного места язвы. Гамлет возвращается. Что готовы вы предпринять, чтобы показать себя сыном своего отца на деле, не только на словах?

Лаэрт. Перерезать ему горло в церкви.

Король. Действительно, не должно быть такого места, которое давало бы убежище убийству. У мести не должно быть границ. Но, добрый Лаэрт, если вы хотите это сделать, не выходите из своей комнаты. Когда Гамлет вернется, он узнает, что вы здесь. Мы подошлем к нему людей, которые будут восхвалять ваши совершенства и вдвойне приукрасят ту славу, которую создал вам этот француз. И, наконец, мы сведем вас и побьемся об заклад. Он, по своей беспечности, великодушию, не будет внимательно рассматривать рапир. Итак, легко, с небольшой ловкостью рук вы смо-

жете выбрать непритупленную рапиру и в этом состязании рассчитаться с ним за вашего отца.

Лаэрт. Я так и сделаю. И с этой целью я смажу свою рапиру. Я купил у знахаря снадобье столь смертельное, что если только окунуть в него нож и ранить этим ножом до крови, не найдется такой искусно приготовленной припарки, составленной из всех трав, имеющих целебную силу под луной {229}, которая смогла бы спасти человека от смерти, даже если он только оцарапан. Я трону острие моей рапиры этой отравой, так что, если я хотя бы слегка его задену, это станет смертью.

Король. Обдумаем все хорошенько. Взвесим, когда и какими средствами нам удобнее всего осуществить наш замысел. Если он может потерпеть неудачу и благодаря плохому исполнению наше намерение станет явным, лучше совсем не пробовать. Поэтому к нашему замыслу нужно прибавить второй, который выдержит, если первый лопнет при испытании. Постойте! Дайте мне подумать. Мы устроим торжественный поединок между вами, двумя искусными фехтовальщиками. Нашел! Когда во время поединка вам обоим станет жарко и захочется утолить жажду, - нападайте яростней, чтобы добиться этого, - и когда он попросит пить, у меня будет наготове кубок.

И если он только пригубит его) - пусть даже посчастливится ему избежать вашего ядовитого удара, - наш замысел осуществится. Но, постойте, что за шум?

Входит королева.

Что случилось, милая королева?

Королева. Одна печаль следует по пятам за другой, так быстро идут они чередою. Ваша сестра утонула, Лаэрт.

Лаэрт. Утонула? О, где?

Королева. Над ручьем наискось растет ива, которая отражает свои листья в зеркальном потоке. Туда пришла она с причудливыми гирляндами из листков, крапивы, маргариток и тех длинных пурпурных цветов, которым откровенные на язык пастухи дают грубое название, а наши холодные девушки называют пальцами мертвецов. Когда она взбиралась на иву, чтобы повесить на свисающие ветви сплетенные ею венки из цветов и трав, завистливый сучок подломился и вместе со своими трофеями из цветов она упала в плачущий ручей. Широко раскинулась ее одежда" и некоторое время держала ее на воде, как русалку, и в это время она пела отрывки старых песен, как человек, не сознающий своей беды, или как существо, рожденное в водяной стихии

и свыкшееся с ней. Но это могло продолжаться недолго: пока ее одежда не отяжелела от воды и не потащила несчастную от мелодичной песни к тенистой смерти.

Лаэрт. Увы, значит она утонула?

Королева. Утонула, утонула!

Лаэрт. И без того слишком много для тебя воды, бедная Офелия, и потому я удержусь от слез. И все же мы не можем без этого обойтись: природа соблюдает свой обычай, чтобы говорило чувство стыда. Когда я пролью слезы, я перестану вести себя, как женщина. Прощайте, милорд. У меня на языке пламенная речь, которая готова вспыхнуть, но эти глупые слезы гасят ее. (Уходит.)

Король. Пойдем за ним, Гертруда. Какого труда мне стоило успокоить его бешеный гнев! Теперь, боюсь, смерть Офелии снова возбудит его. Поэтому последуем за ним.

Уходят.

Входят два комика-простака {230}.

Первый. Нужно ли хоронить по христианскому обычаю ту, которая добровольно искала спасения души?

Второй. Да. И поэтому немедленно копай ей могилу. Следователь разбирал ее дело и присудил ей христианское погребение.

Первый. Как же это возможно, если только она не утопилась при самозащите?

Второй. Так уж решено следователем.

Первый. Тут, значит, "se offendendo" {231}. Иначе не может быть. Ведь вот в чем вся штука: если я топлюсь преднамеренно, тут, значит, есть деяние. А у деяния имеются три раздела: а именно - действовать, делать и совершать. Итак, она утопилась преднамеренно.

Второй. Нет, послушай, друг могильщик...

Первый. Постой, дай сказать. Вот вода. А вот стоит человек. Хорошо. Если человек идет к воде и топится, значит, хочет он этого или не хочет, он сам идет. Заметь это. Но если вода идет к нему и топит его, это значит, что он не топится. Итак, тот, кто не виноват в своей собственной смерти, не сокращает своей собственной жизни.

Второй. Это что же - закон?

Первый. Ну да! Тот самый закон, по которому ведут следствие.

Второй. Хочешь знать правду? Не будь она дворянкой, ее бы не похоронили по христианскому обряду.

Первый. Вот это ты верно сказал. Жаль, что знатные люди имеют в этом мире право топиться и вешаться, - чего не имеют такие же, как они,

христиане... Ну, дай заступ. Нет более старинных дворян, чем садовники, копатели канав и могильщики. Они продолжают профессию Адама.

Второй. Разве он был дворянином?

Первый. Он был первым, у которого был герб {232}.

Второй. Да что ты, у него не было герба.

Первый. Как, разве ты язычник? Как понимаешь ты писание? В писании сказано: Адам обрабатывал землю. А как же он мог обрабатывать землю без рук? Я тебе задам другой вопрос. Если ты мне не дашь правильного ответа, тогда признай себя...

Второй. Валяй!

Первый. Кто строит крепче каменщика, корабельщика и плотника?

Второй. Тот, кто строит виселицы. Ибо это сооружение переживает тысячу своих обитателей.

Первый. Мне нравится твое остроумие, честное слово. Виселица здесь хорошо подходит. Но почему она хорошо подходит? Она хорошо подходит для тех, кто дурно поступает, а ты дурно поступаешь, говоря, что виселица построена крепче церкви. Итак, виселица хорошо подходит для тебя. Ну, еще попробуй.

Второй. Кто строит крепче каменщика, кора-

бельщика и плотника?

Первый. Да, ответь мне на это и передохни.

Второй. Черт возьми, я могу ответить.

Первый. Ну?

Второй. Ей-богу, не могу.

Входят Гамлет и Горацио.

Первый. Не ломай себе головы, ибо глупый осел не пойдет быстрей, как его ни бей. А когда тебе в следующий раз зададут этот вопрос, отвечай: могильщик. Дома, которые он строит, стоят до Страшного суда. Ступай сходи к Иохану {233} и принеси мне кувшин вина.

Второй комик уходит.

(Поет.) "В юности, когда я любил, любил, мне казалось очень сладким сокращать - ох! - время заба-а-а-вой, - ох! {234} - мне казалось, что не-е-ету ниче-е-го лучшего".

Гамлет. Неужели этот малый не чувствует того, что делает: он поет, копая могилу?

Горацио. Привычка развила в нем это легкое отношение.

Гамлет. Да, это так: рука, мало знакомая с трудом, обладает более изощренной чувствительностью.

Первый комик (поет). "Но старость подошла ко мне крадущимся шагом, забрала меня в когти

и довезла до берега, как будто я никогда не был молодым". (Выбрасывает череп.)

Гамлет. У этого черепа был язык, и он мог петь. Этот плут швырнул его на землю, как будто та челюсть, которой Каин совершил первое убийство! Это, может быть, башка политика, которой теперь играет этот осел, а некогда он обманывал самого бога, - разве не может быть?

Горацио. Возможно, милорд.

Гамлет. Или придворного, который, быть может, говорил: "Доброе утро, любезнейший милорд! Как поживаешь, добрый милорд?" А этот, может быть, милорд такой-то, который хвалил коня милорда такого-то. Когда хотел его выпросить, - ведь это возможно?

Горацио. Да, милорд.

Гамлет. Ну, конечно, так. А теперь он принадлежит миледи Червоточине и заступ могильщика бьет его по морде. Это удивительное превращение; если бы только мы умели его наблюдать! Неужели стоило воспитывать эти кости лишь для того, чтобы играть ими в кегли? Мои кости ноют при одной мысли об этом.

Первый комик (поет). "Кирка и заступ, заступ, а также саван, - ох! - вырытая в глине яма подходит для такого гостя". (Выбрасывает череп.)

Гамлет. Вот еще череп. Почему ему не быть черепом юриста? Где теперь его казуистика, увертки, казусы, толкования владельческих прав и все его проделки? Почему он терпит, чтобы грубый парень бил его по башке грязным заступом, и не скажет ему, что он совершает преступление действием? Гм... А этот малый мог быть в свое время крупным скупщиком земли и знатоком актов по закладу земельной собственности, расписок в получении денег, неустоек, двойных поручительств и возмещений убытков. Неужели в том только и состоит итог собранных им неустоек и возмещение всех его возмещений, что исключительная голова его полна исключительной грязи? Неужели его поручители не хотят больше поручиться за приобретенную в двойных сделках землю, кроме той, которая по размерам не больше, чем акт о сделке. Самые документы о переходе земли в его собственность едва ли уместятся в этом ящике. И неужели даже его наследник не получит больше, а?

Горацио. Ни на йоту больше, милорд.

Гамлет. Ведь пергамент делают из овечьей кожи?

Горацио. Да, милорд, а также из телячьей кожи.

Гамлет. Овцы и телята те, кто ищет в этом обеспечения. Я поговорю с этим малым. Чья это могила, парень?

Первый комик. Моя, сэр. (Поет.) "Ох, вырытая в глине яма подходит для такого гостя".

Гамлет. Да, я думаю, что она твоя, раз ты находишься в ней {235}.

Первый комик. Вы находитесь не в ней, а поэтому она не ваша. Что касается меня, - я не вру, находясь в ней, и все-таки она моя.

Гамлет. Ты врешь, находясь в ней и говоря, что она твоя; она для мертвых, а не для живых, поэтому ты врешь.

Первый комик. Это живая ложь, сэр: она снова перейдет с меня на вас.

Гамлет. Для кого ты роешь эту могилу?

Первый комик. Не для мужчины, сэр.

Гамлет. Для какой женщины в таком случае?

Первый комик. И не для женщины.

Гамлет. Кто же будет похоронен в ней?

Первый комик. Та, что была женщиной, сэр. Но, мир душе ее, - она уже умерла.

Гамлет. Как уверен в себе этот малый! Нам приходится точно выбирать слова, иначе нас погубит двусмыслица. Клянусь богом, Горацио, я замечаю это за последние три года: наше время стало до

того острым, что носок башмака крестьянина приблизился к пятке придворного и натирает на ней ссадину. Как давно ты работаешь могильщиком?

Первый комик. Из всех дней в году я взялся за это дело как раз в тот день, когда наш покойный король Гамлет победил Фортинбраса.

Гамлет. А когда это было?

Первый комик. Разве вы не знаете? Да это скажет каждый дурак. Это было в тот самый день, когда родился молодой Гамлет. Тот самый, который сошел с ума и которого послали в Англию.

Гамлет. Но почему же его послали в Англию?

Первый комик. Да потому, что он сошел с ума. Он там выздоровеет. А если и нет, то там это неважно.

Гамлет. Почему?

Первый комик. Там этого не заметят. Там все такие же сумасшедшие, как и он.

Гамлет. А как же он сошел с ума?

Первый комик. Говорят, очень странным образом.

Гамлет. Как это "странным образом"?

Первый комик. Да так, потеряв рассудок.

Гамлет. На какой почве?

Первый комик. Как на какой? На здешней, на

датской. Я служу здесь могильщиком, подмастерьем и мастером тридцать лет.

Гамлет. Как долго может пролежать человек в земле, прежде чем сгниет?

Первый комик. Да если он не сгнил еще до смерти, - а теперь у нас много сифилитических мертвецов, которым трудно дотянуть и до погребенья, - человек может пролежать в земле лет восемь или девять. Дубильщик пролежит девять лет.

Гамлет. Почему же он пролежит больше всех?

Первый комик. Да как же, сэр, его кожа настолько продубилась от его ремесла, что она долгое время не пропускает воды. А вода - сильно действующий разложитель этих паршивых трупов. Вот череп: этот череп пролежал в земле двадцать три года.

Гамлет. Чей он?

Первый комик. Паршивого сумасшедшего парня. Как вы думаете, чей?

Гамлет. Нет, не знаю.

Первый комик. Чтоб чума его пробрала, сумасшедшего плута! Он однажды вылил мне на голову бутылку рейнского вина. Этот череп, сэр, принадлежал Йорику, королевскому шуту.

Гамлет. Этот?

Первый комик. Этот самый.

Гамлет. Дай посмотреть. (Берет череп.) Увы, бедный Йорик! Я знал его, Горацио. Этот малый был бесконечно изобретателен в шутках, он обладал превосходной фантазией. Он носил меня на спине тысячу раз. А теперь, как претит это моему воображению! Меня мутит, когда я гляжу на него. Здесь были губы, которые я целовал так часто. Где теперь твои шутки? Твои прыжки? Твои песни? Твои вспышки веселости, от которых, бывало, все сидевшие за столом заливались от хохота. Разве не осталось ни одной шутки, чтобы поиздеваться над собственным оскалом? Что же, совсем приуныл? Ступай в комнату знатной дамы {236} и скажи ей, пусть покроет лицо краской толщиной в дюйм, - все равно она будет такой. Пусть она посмеется над этим. Прошу тебя, Горацио, скажи мне одну вещь.

Горацио. Что такое, милорд?

Гамлет. Думаешь ли ты, что у Александра был такой же вид в земле?

Горацио. Точно такой.

Гамлет. И от него так же пахло? Фу! (Кладет череп {237}.)

Горацио. Точно так же, милорд.

Гамлет. На какое низкое употребление мы мо-

жем пойти, Горацио! Почему бы воображению не проследить за прахом Александра, пока он не окажется затычкой в бочке?

Горацио. Рассматривать дело так, значило бы рассматривать его уж слишком подробно.

Гамлет. Нисколько, честное слово! Почему бы не проследить за ним, не преувеличивая и следуя вероятности, примерно так: Александр умер, Александра похоронили, Александр превратился в прах; прах - земля, из земли мы делаем замазку; почему бы из той замазки, в которую он превратился, не сделать затычки для пивной бочки?

"Властительный Цезарь, мертвый и превратившийся в глину, может заткнуть дыру, чтобы не было сквозняка. Ах, подумать только, что та самая земля, которая держала весь мир в страхе, чинит стену от зимней стужи!" Но, тише, тише! Отойдем в сторону. Сюда идет король.

Входит священник {238}, за ним несут гроб с телом Офелии; входят король,

королева, Лаэрт и свита.

Королева, придворные... Кого это они провожают в могилу? И с такими сокращенными обрядами {239}. Это означает, что тот, кого они провожают в могилу, отчаянной рукой лишил себя жизни. Это кто-нибудь из знатных. Спрячемся

и будем наблюдать.

Лаэрт. Какие еще будут обряды?

Гамлет. Это Лаэрт, весьма благородный юноша. Наблюдай!

Лаэрт. Какие еще будут обряды?

Священник. Мы исполнили все те обряды на ее похоронах, какие разрешает церковный устав. Смерть ее сомнительна. Если бы верховный приказ {240} не оказался сильнее церковных правил, она лежала бы в неосвященной земле до трубы Страшного суда; вместо благородных молитв ее забросали бы черепками, кремнями, камешками {241}. Но, как полагается при погребении девушки, нам разрешили украсить церковь гирляндами и бросать в ее могилу цветы, а также похоронить ее с колокольным звоном на кладбище.

Лаэрт. Больше не будет обрядов?

Священник. Нет, не будет. Мы осквернили бы погребальную службу, если бы пропели над ней Реквием и другие молитвы о вечном покое, как над теми, кто почил в мире.

Лаэрт. Опустите ее в землю. И пусть из ее прекрасного и неосквернённого тела вырастут весной фиалки. Говорю тебе, подлый поп: моя сестра будет ангелом и будет прислуживать богу, когда ты будешь выть в аду.

Гамлет. Как! Прекрасная Офелия!

Королева. Сладостное сладостной. (Бросает цветы в могилу.) Прощай! Я надеялась, что ты будешь женой моего Гамлета. Я думала, что постелю тебе брачное ложе, сладостная девушка, а не посыплю цветами твою могилу.

Лаэрт. О тройное горе! Пади трижды десять раз на проклятую голову того, чей злостный поступок лишил тебя твоего ясного ума. Подождите засыпать землей, дайте еще раз ее обнять. (Прыгает в могилу.) Теперь громоздите прах на живых и мертвых, пока эта долина не превратится в гору, которая будет выше Пелиона и поднебесной главы синего Олимпа.

Гамлет (выступает вперед). Кто это, чье горе так громогласно? И чья печальная речь зачаровывает блуждающие звезды и заставляет их остановиться, как пораженных изумлением слушателей? Я здесь, Гамлет, король Дании {242}. (Прыгает в могилу {243}.)

Лаэрт. Пусть дьявол возьмет твою душу!

Гамлет. Ты плохо молишься. Прошу тебя, убери пальцы с моего горла. Хотя я и не подвержен вспышкам внезапного гнева, однако во мне есть нечто опасное, чего тебе благоразумнее остерегаться. Прочь руки!

Король. Разнимите их!

Королева. Гамлет! Гамлет!

Все. Господа...

Горацио. Добрый милорд, успокойтесь!

Их разнимают, и они выходят из могилы.

Гамлет. Ну что ж, я готов сражаться с ним за это, пока у меня будут двигаться веки.

Королева. О сын мой, за что сражаться?

Гамлет. Я любил Офелию. Сорок тысяч братьев, соединив всю свою любовь, не могли бы составить сумму моей любви! Что готов ты сделать ради нее?

Король. Ах, он безумен, Лаэрт!

Королева. Во имя любви божьей, пощадите его!

Гамлет. Черт возьми, покажи мне, что ты сделаешь! Будешь плакать? Будешь сражаться? Будешь поститься? Будешь терзать себя? Будешь пить уксус, съешь крокодила? {244} Все это могу сделать и я. Ты пришел сюда, чтобы выть? Чтобы бросить мне вызов, прыгнуть в ее могилу? Похорони себя живьем вместе с ней, я сделаю то же самое. И раз ты болтаешь о горах, пусть засыплют нас миллионами акров земли, пока наш могильный холм не опалит своей главы о пламенную сферу небес и пока по сравнению с ним Осса не покажется бородавкой. Если ты хочешь говорить напыщенно,

я сделаю это не хуже тебя.

Королева. Все это только от безумия. Вот так некоторое время он находился во власти припадка. А затем, терпеливый, как голубка, пока вылупливается из яиц пара ее покрытых золотистым пушком птенцов, он сидит, поникнув, в молчании.

Гамлет. Послушайте, сэр. В чем причина, что вы так обходитесь со мной? Я всегда любил вас... Но все это ни к чему: что бы ни делал сам Геркулес, по-своему будет мяукать кошка, и каждая собака дождется своего дня {245}. (Уходит.)

Король. Прошу вас, добрый Горацио, присмотрите за ним. (Горацио уходит. Король обращается тихо к Лаэрту.) Найдите в себе силу потерпеть и вспомните тот разговор, который мы вели прошлой ночью. Мы тотчас же пустим дело в ход... (Королеве.) Добрая Гертруда, пошлите кого-нибудь присматривать за вашим сыном. Над этой могилой будет воздвигнут живой памятник {246}. Вскоре мы доживем до спокойного времени. А до тех пор будем действовать терпеливо. (Уходит.)

Входят Гамлет и Горацио.

Гамлет. Довольно об этом... Теперь о другом. Вы помните все обстоятельства?

Горацио. Помню ли я, милорд?

Гамлет. Сэр, в сердце моем происходит борьба, которая не давала мне спать. Мне казалось, что мне хуже, чем мятежным матросам в кандалах. Стремительно, - благословенна стремительность, и да будет известно, что необдуманность иногда оказывает нам услугу там, где терпят неудачу наши глубокие замыслы, и это должно убедить нас в том, что есть Провидение, которое выполняет наши намерения, как бы небрежно мы их сами ни осуществляли...

Горацио. Это несомненно.

Гамлет. Стремительно вышел я из своей каюты, накинул плащ моряка и в темноте ощупью нашел дорогу к ним. Я сделал то, что хотел: выкрал у них пакет с письмом, а затем вернулся в свою каюту. И здесь я решился, - так как страх заставил меня позабыть все приличия, - распечатать высокое послание. И в нем нашел я, Горацио, - о царственная подлость! - точный приказ, уснащенный всевозможными доводами, касающимися благосостояния Дании и Англии, и с изображением меня в виде - о ужас! - чудовищного пугала, незамедлительно по прочтении, нет, не дав даже времени, чтобы наточить топор, отрубить мне голову.

Горацио. Возможно ли?

Гамлет. Вот этот приказ. Прочти его на досуге. Но хочешь послушать, как я затем поступил?

Горацио. Прошу вас.

Гамлет. Итак, опутанный сетями подлостей, не успел я обратиться с предлогом к моему мозгу, как он начал свою игру. Я сел сочинил новый приказ, написал его красивым почерком. Я некогда считал, как считают наши сановники, вульгарным иметь хороший почерк и много трудился над тем, чтобы разучиться писать красиво {247}. Но теперь, сэр, хороший почерк оказал мне верную услугу {248}. Хочешь узнать, что я написал?

Горацио. Да, добрый милорд.

Гамлет. Серьезную и убедительную просьбу короля, поскольку король Англии является его верным данником, поскольку между ними, как пальма, должна процветать любовь и поскольку мир должен вечно носить свой венок из колосьев пшеницы и является запятой между их взаимными дружескими чувствами, - и тут следовали еще многие тяжеловесные сравнения {249}, - чтобы король Англии, прочитав это письмо, без дальнейших размышлений предал носителей письма немедленной смерти, не дав им времени для исповеди.

Горацио. Как было запечатано письмо?

Гамлет. И в этом помогло небо. У меня в кошельке был принадлежавший моему отцу перстень с печатью, являющейся слепком с печати Датского королевства. Я сложил свое письмо так, как было сложено письмо короля, подписал его, поставил печать, благополучно положил письмо на место, так что они и не заподозрили подмены. Затем на следующий день произошла схватка на море, а о дальнейших событиях ты уже знаешь.

Горацио. Итак, Гильденстерн и Розенкранц на пути к гибели.

Гамлет. Ну что ж, им самим нравилось их занятие {250}. Их гибель не касается моей совести. Она является следствием того, что они сами впутались в это дело. Опасно, когда ничтожный человек оказывается между разъяренными клинками двух нападающих друг на друга противников.

Горацио. Нет, что же это за король!

Гамлет. Как ты думаешь, разве теперь я не должен рассчитаться с тем, кто убил моего короля и осквернил мою мать, встал преградой между моими надеждами и моим избранием на престол, закинул удочку, чтобы поймать меня и лишить жизни, и действовал с таким коварством - разве по совести не справедливо, чтобы я рассчитался с ним этой рукой? И разве не достойно проклятия

позволять этой язве нашей природы продолжать свое злое дело?

Горацио. Он скоро получит из Англии сообщение о том, чем там все кончилось.

Гамлет. Да, скоро. Но промежуток времени принадлежит мне. А жизнь человеческую можно прекратить словом "раз". Но мне очень жаль, добрый Горацио, что я забылся с Лаэртом. Ибо в моем горе я вижу картину его горя. Я постараюсь заслужить его расположение. Но то, что он бравировал своим горем, привело меня в неистовое бешенство.

Горацио. Тише! Кто идет сюда?

Входит Озрик.

Озрик. Приветствую вашу милость с возвращением в Данию.

Гамлет. Покорно благодарю вас, сэр. (К Горацио.) Ты знаешь этого речного комара? {251}

Горацио. Нет, добрый милорд.

Гамлет. Твое счастье, ибо даже знать его - порок. Ему принадлежит много земли, и притом плодородной. Когда животное становится господином животных, его кормушку ставят за королевский стол {252}. Это - глупая птица, но, как я сказал тебе, ей принадлежат обширные земли.

Озрик. Сладостный принц, если бы ваша ми-

лость располагала досугом, я сообщил бы вам кое-что от имени его величества.

Гамлет. Я выслушаю это, сэр, с самым напряженным вниманием. Посадите ваш колпак на место, он сделан для головы...

Озрик. Благодарю вашу милость, - очень жарко.

Гамлет. Нет, уверяю вас, очень холодно, дует северный ветер.

Озрик. В самом деле, довольно холодно, милорд.

Гамлет. И, однако, здесь очень душно и жарко для моей комплекции.

Озрик. Исключительно, милорд... Очень душно, так сказать... Не могу изъяснить, как жарко. Но, милорд, его величество приказало мне сообщить, что поставило большой заклад на вашу победу. Сэр, дело в том, что...

Гамлет. Прошу вас, не забывайте же...

Озрик. Нет, мой добрый милорд. Мне так, честное слово, удобнее {253}. Сэр, недавно ко двору прибыл Лаэрт. Поверьте, это совершеннейший джентльмен, полный превосходнейших качеств, очень мягкого обхождения и великолепной внешности. Говоря о нем с должным чувством, он - образец и точный список изящества, ибо

вы найдете в нем полноту любого из тех качеств, которые только пожелает увидеть в нем джентльмен.

Гамлет. Сэр, его качества ничего не утрачивают в вашем описании. Хотя, я уверен, составление инвентарного списка всех его достоинств поставило бы в тупик арифметику памяти {254}, все же при этом мысль не качается из стороны в сторону, несмотря на то, что он быстро идет на всех парусах. Воздавая ему справедливую хвалу, я считаю, что у него большая душа и что качества его столь драгоценны и редки, что, говоря правду о нем, равный ему может быть лишь зеркалом, а остальные, желающие подражать ему, могут быть лишь его бледной тенью, не более.

Озрик. Ваша милость безупречно говорит о нем.

Гамлет. Но к чему весь этот разговор, сэр? Зачем окутываем мы имя этого джентльмена нашим грубым дыханием?

Озрик. Сэр!

Горацио. Неужели невозможно изъясняться на более понятном языке? Сделайте это, сэр, в самом деле!

Гамлет. Что вы имели в виду, назвав этого джентльмена?

Озрик. Лаэрта?

Горацио. Его кошелек уже пуст: все его золотые слова истрачены.

Гамлет. Да, Лаэрта.

Озрик. Я знаю, что вам небезызвестно...

Гамлет. Я хотел бы, чтобы вы это действительно знали; однако, честное слово, если бы вы знали, это говорило бы не в мою пользу {255}. Ну, что дальше, сэр?

Озрик. Вам небезызвестно совершенство Лаэрта...

Гамлет. Я не смею этого утверждать, чтобы не сравнивать самого себя с его совершенством. Ведь чтобы знать хорошо другого, нужно прежде знать самого себя.

Озрик. Я говорю, сэр, о его владении оружием. Согласно общему мнению, в этом искусстве он не знает соперников.

Гамлет. Каким видом оружия владеет он?

Озрик. Рапирой и кинжалом.

Гамлет. Это два вида оружия. Ну, ладно.

Озрик. Король, сэр, поставил шесть берберийских коней; им, со своей стороны, заложено, насколько мне известно, шесть французских рапир и кинжалов со всеми принадлежностями, как-то: поясами, держалами и так далее. Три

упряжки, честное слово, восхищают воображение, гармонируют с рукоятками, изящнейшие упряжки и весьма замысловатые!

Гамлет. Что такое - упряжки?

Горацио. Я так и знал, что вы будете комментировать каждое слово, прежде чем закончите разговор.

Озрик. Упряжка, сэр, то же самое, что держало.

Гамлет. Это слово более гармонировало бы с содержанием, если бы мы носили на боку пушку {256}. А пока будем употреблять слове держало. Но дальше: шесть берберийских коней против шести французских рапир с их принадлежностями и тремя замысловато украшенными упряжками. Это французский заклад против датского? {257} Почему все это "заложено", как вы выражаетесь? {258}

Озрик. Король, сэр, утверждает, что в двенадцати схватках между вами и Лаэртом последний не наберет на три очка больше, чем вы. Лаэрт же утверждает, что он наберет двенадцать очков против девяти. Можно было бы немедленно это проверить на деле, если бы ваша милость соизволила ответить.

Гамлет. А что, если я отвечу - нет?

Озрик. Я имею в виду, милорд, что вы противо-

поставите свою особу в этом состязании.

Гамлет. Сэр, я буду прогуливаться здесь, в этом зале. Если не будет другого приказа его величества, сейчас время моего отдыха. Пусть принесут рапиры, и если у этого джентльмена {259} есть настроение и король не отказался от своего намерения, я выиграю ему заклад, если сумею. В противном случае мне ничего не достанется, кроме позора и лишних ударов.

Озрик. Так и передать ваши слова?

Гамлет. Ваш слуга, ваш слуга.

Озрик уходит.

Хорошо, что он сам ручается. Никто другой не поручился бы за него.

Горацио. Этот чибис убегает со скорлупой на голове {260}.

Гамлет. Он любезничал перед соском своей матери, прежде чем сосать его. Он и многие другие из этого же стада, которых я знаю и которых любит наш ничтожный век, уловили мелодию нашего времени и внешнюю манеру обращения, - ту пенистую накипь, которая подымает их во мнении людей, как самых глупых, так и самых разборчивых. Но попробуйте только дунуть на них, чтобы испытать, и пузыри лопнут.

Входит вельможа.

Вельможа. Милорд, его величество приветствовал вас через молодого Озрика, который сообщил его величеству, что вы ожидаете здесь, в зале. Он послал меня узнать, не изменили ли вы желания состязаться с Лаэртом, или же вы хотите отложить состязание.

Гамлет. Я постоянен в своих намерениях. Они совпадают с желанием короля. Если король готов, готов и я: сейчас или когда угодно, при условии, если я буду в таком же хорошем состоянии, как сейчас.

Вельможа. Король и королева и все спускаются сейчас сюда.

Гамлет. В добрый час.

Вельможа. Королева желает, чтобы вы сказали что-нибудь любезное Лаэрту до начала состязания.

Гамлет. Она дает мне хороший совет.

Вельможа уходит.

Горацио. Вы проиграете заклад, милорд.

Гамлет. Я этого не думаю. С тех пор как Лаэрт уехал во Францию, я постоянно практиковался. Я выиграю, если он даст мне несколько очков вперед. Но ты представить себе не можешь, как плохо у меня здесь, на сердце. Но это пустяки.

Горацио. Нет, добрый милорд...

Гамлет. Это только глупость. Но это род предчувствия, которое, возможно, смутило бы женщину.

Горацио. Если вашей душе чего-нибудь не хочется, послушайтесь ее. Я скажу им, чтобы они не приходили сюда и что вы не расположены фехтовать.

Гамлет. Ни в коем случае. Мы презираем предзнаменования. Есть особый промысел и в гибели воробья. Если это случится сейчас, этого не случится в будущем. Если этого не случится в будущем, это случится сейчас. Если это не случится сейчас, это случится когда-нибудь. Готовность - в этом все дело. Так как никто не будет владеть ничем из того, что оставит после смерти, почему бы не расстаться с этим раньше? Пусть будет что будет.

Барабаны и трубы. Слуги вносят стол, а также на подушках - рапиры и латные

рукавицы {261}. Входят король, королева, Лаэрт, Озрик и свита {262}.

Король. Подойди сюда, Гамлет, подойди и возьми из моих рук эту руку. (Соединяет руки Лаэрта и Гамлета.)

Гамлет. Простите меня, сэр. Я причинил вам зло. Но простите, как джентльмен. Все присутствующие знают и вы, конечно, слыхали, как я

наказан тяжким безумием. Все то, что я сделал и что могло пробудить ваши природные чувства, а также чувство чести и вашу ко мне неприязнь, было, как я заявляю здесь во всеуслышание, безумием. Гамлет причинил зло Лаэрту? Нет, не Гамлет. Когда Гамлет сам с собой в разладе, когда он сам не свой и при этом причиняет зло Лаэрту, это делает не Гамлет. Гамлет отрекается от этого. Кто же делает это? Его безумие. Если так, значит Гамлет сам принадлежит к обиженным. Безумие - враг бедного Гамлета. Сэр, пусть отрицание предумышленного зла, перед всеми здесь присутствующими, освободит меня от вины в вашем милостивом мнении и заставит вас поверить, что я как бы пустил стрелу над домом и случайно ранил собственного брата.

Лаэрт. Что касается моих природных чувств, то я удовлетворен, хотя эти чувства в данном случае должны были бы более всего побуждать меня к возмездию. Но что касается моей чести, я остаюсь непреклонным и не желаю примирения, пока люди пожилые, знатоки в делах чести, не произнесут своего приговора и не приведут примера подобного примирения в прошлом, чтобы имя мое осталось незапятнанным. До той поры я принимаю предложенную вами любовь как

искреннее чувство и не заподозрю ее ни в чем.

Гамлет. Я приветствую это от всей души и буду с открытым сердцем сражаться в этом братском поединке. Дайте нам рапиры. Начнем.

Лаэрт. Приступим. Одну рапиру мне.

Гамлет. Я буду фольгой {263} вашего искусства, Лаэрт: на фоне моей неопытности ваше мастерство, подобно звезде в темноте ночи, будет выделяться огненным блеском.

Лаэрт. Вы смеетесь надо мной, сэр.

Гамлет. Нет, клянусь этой рукой.

Король. Дайте им рапиры, молодой Озрик. Племянник Гамлет, вам известно о закладе?

Гамлет. Прекрасно известно, милорд. Ваше величество держит за более слабого противника.

Король. Я не боюсь. Я видел, как вы оба фехтуете. Но поскольку Лаэрт усовершенствовался в искусстве фехтования, он дает вперед.

Лаэрт. Эта рапира слишком тяжела. Дайте попробовать другую.

Гамлет. Эта рапира по мне. Эти рапиры одной длины?

Озрик. Да, добрый милорд.

Король. Поставьте сосуды с вином на тот стол. Если Гамлет нанесет первый или второй удар или сквитается после третьей схватки, пусть на

всех укреплениях замка стреляют пушки: король будет пить за здоровье Гамлета и бросит в кубок жемчужину более драгоценную, чем та, которую четыре царствовавших подряд короля носили в короне Дании. Пусть цимбалы скажут трубам, трубы пушкарям, пушки небесам, небеса земле: "Сейчас король пьет за здоровье Гамлета!" Ну, начинайте. А вы, судьи, наблюдайте внимательнее.

Гамлет. Начнем, сэр.

Лаэрт. Начнем, милорд.

Они сражаются.

Гамлет. Раз!

Лаэрт. Нет!

Гамлет. Судья!

Озрик. Удар, очевидный удар.

Лаэрт. Хорошо, начнем снова.

Король. Стойте. Дайте мне вина. Гамлет, эта жемчужина твоя. Пью за твое здоровье.

Литавры, трубы, пушечная пальба.

Дайте ему кубок.

Гамлет. Я сначала закончу эту схватку. Пока оставьте кубок. Ну!

Сражаются.

Еще удар. Что скажете?

Лаэрт. Коснулась, коснулась. Я сознаюсь.

Король. Наш сын победит.

Королева. Он тучен {264} и задыхается. Гамлет, вот возьми мой платок, вытри лоб. Королева пьет за твою удачу, Гамлет.

Гамлет. Добрая госпожа!

Король. Гертруда, не пей!

Королева. Я хочу выпить, милорд. Прошу вас, простите меня.

Король (в сторону). Это отравленный кубок. Слишком поздно!

Гамлет. Я еще боюсь пить, госпожа. Еще одну минуту.

Королева. Подойди сюда, дай мне обтереть твое лицо.

Лаэрт. Милорд, я сейчас нанесу ему удар.

Король. Я этого не думаю.

Лаэрт (в сторону). И все же это против моей совести.

Гамлет. Начнем третью схватку, Лаэрт. Вы только играете. Прошу вас, нападайте со всей вашей энергией. Я боюсь, что вы шутите надо мной.

Лаэрт. Ах, вот что? Ну, держитесь!

Они сражаются.

Озрик. Удара нет ни у того, ни у другого.

Лаэрт. Вот вам!

Лаэрт ранит Гамлета. Они вырывают друг у друга рапиры {265}.

Король. Разнимите их. Они разъярены.

Гамлет. Нет, будем продолжать.

Королева падает.

Озрик. Эй, помогите королеве.

Гамлет ранит Лаэрта.

Горацио. Оба в крови. Как вы себя чувствуете, милорд?

Лаэрт падает.

Озрик. Как вы себя чувствуете, Лаэрт?

Лаэрт. Как вальдшнеп, попавший в собственные силки, Озрик. Я справедливо убит собственным коварством.

Гамлет. Что с королевой?

Король. Она лишилась чувств, увидав кровь.

Королева. Нет, нет, питье, питье! О дорогой мой Гамлет, питье, питье... Я отравлена. (Умирает.)

Гамлет. О злодейство! Эй, пусть запрут двери! Измена! Найдите виновных.

Лаэрт. Измена здесь, Гамлет. Гамлет, ты убит. Ни одно лекарство в мире не поможет тебе, и жить тебе не больше получаса. Предательское оружие - в твоих руках, непритупленное и отравленное. Гнусный замысел обратился против меня самого. Смотри, вот я лежу, чтобы больше никогда не встать. Твоя мать отравлена Я не в силах больше... Король, король виноват!

Гамлет. Рапира тоже отравлена! Так за дело, яд! (Закалывает короля.)

Все. Измена! Измена!

Король. О, защитите меня, друзья. Я только ранен.

Гамлет. На! Кровосмеситель, убийца, проклятый король Дании, - допей отраву! Здесь твоя жемчужина? {266} Следуй за моей матерью.

Король умирает.

Лаэрт. Он получил по заслугам. Это - яд, составленный им самим. Простим друг друга, благородный Гамлет. Да не падет на тебя моя смерть и смерть моего отца, а на меня твоя смерть! (Умирает.)

Гамлет. Пусть небо тебе ее отпустит. Я следую за тобой. Я умираю, Горацио. Несчастная королева, прощай! Вы, которые побледнели и дрожите при виде этих событий и которые являетесь лишь безмолвными участниками и зрителями этого действия... будь у меня время... ведь этот неумолимый судебный пристав, смерть, производит арест без промедления... О, я бы мог вам рассказать. Но пусть будет так... Горацио, я умираю. Ты живешь. Правдиво расскажи обо мне, обо всем, что со мной произошло, тем, кто не знает.

Горацио. Об этом и не думайте. Я больше древ-

ний римлянин, чем датчанин. Тут еще осталось питье.

Гамлет. Если ты мужчина, отдай мне кубок... Отдай!.. Клянусь небом, я вырву его из твоих рук... О добрый Горацио, какое опороченное имя будет жить после меня, если все останется в неизвестности. Если ты когда-нибудь любил меня сердцем, удержись на время от блаженства и продолжай с болью дышать в этом нестройном мире, чтобы рассказать мою повесть.

Вдали военный марш и крики.

Что это за воинственные звуки?

Озрик. Молодой Фортинбрас, с победой вернувшийся из Польши, воинственным салютом приветствует английских послов.

Гамлет. О, я умираю, Горацио. Могучий яд торжествует над моим духом. Я не доживу, чтобы услышать известия из Англии. Я предсказываю, что выбор падет на Фортинбраса. Умирая, я подаю свой голос за него. Скажи ему об этом, а также обо всех событиях, больших и малых, которые привели к такому концу. Остальное - молчание. (Умирает.)

Горацио. Разбилось благородное сердце. Доброй ночи, милый принц, и хоры ангелов пусть отнесут тебя с пением к месту твоего упокоения.

Почему приближается сюда барабанный бой?

Входит Фортинбрас, английские послы, свита.

Фортинбрас. Где это зрелище?

Горацио. Что вы хотите видеть? Если то, что способно опечалить и поразить, прекратите ваши поиски.

Фортинбрас. Эта груда мертвых тел свидетельствует о взаимном истреблении. О, гордая смерть, какое пиршество готовишь ты в своем вечном подземелье, сразив одним кровавым выстрелом столько лиц королевской крови?

Первый посол. Зрелище ужасно. И наши вести из Англии опоздали. Бесчувственны уши того, кто должен был узнать от нас, что приказ его исполнен и что Розенкранц и Гильденстерн мертвы. От кого получим мы теперь благодарность?

Горацио. Вы не получили бы ее из его уст, если бы он даже был в состоянии отблагодарить вас: он никогда не приказывал убить Розенкранца и Гильденстерна. Как раз в минуту расследования этого кровавого дела вы прибыли с польской войны, а вы - из Англии; прикажите же, чтобы тела были положены на высокий помост перед всеми на виду. И разрешите мне рассказать неведающему миру о том, как все это произошло. И тогда вы услышите о смертоносных, кровавых

и противоестественных деяниях, о случайных карах, нечаянных убийствах, о смертях, причиненных коварством и насилием, и, в заключение, о неудавшихся замыслах, павших на головы зачинщиков. Обо всем этом я могу правдиво поведать.

Фортинбрас. Поспешим выслушать и созовем для этого всех благороднейших сановников. Что касается меня, - со скорбью принимаю я свою удачу. На это королевство у меня есть права, о которых здесь помнят, и благоприятное для меня стечение обстоятельств зовет меня их предъявить.

Горацио. И об этом мне придется говорить - от имени того, чей голос {267} привлечет за собой много других. Но пусть все это будет сделано скорее, пока умы людей находятся в смятении, чтобы в результате заговоров и заблуждений не произошло новых бедствий.

Фортинбрас. Пусть четыре военачальника отнесут Гамлета, как воина, и положат его на помост. Ибо, будь он на престоле, он, вероятно, оказался бы достойным королем. В ознаменование его смерти пусть громко заговорят о нем музыка воинов и военные почести. Уберите тела. Такое зрелище подходит к полю битвы, но здесь оно не

к месту. Ступайте прикажите воинам стрелять.

Уходят. Пушечный залп {268}.

История сюжета

Легенду о Гамлете впервые записал в конце XII века датский историк Саксон Грамматик в составленном им собрании легенд и хроник, озаглавленном "История Дании".

В древние времена язычества, - так рассказывает легенда, - один из правителей Ютландии был убит во время пира своим братом Фенгоном, который затем женился на его вдове. Сын убитого, молодой Гамлет (или Амлет, как называет его Саксон Грамматик), должен был по закону кровной мести отомстить за убитого отца. Чтобы выиграть время и не казаться опасным в глазах коварного Фенгона, Гамлет притворился безумным: валялся в грязи, размахивал руками, как крыльями, кричал петухом. Поступки его говорили о "совершенном умственном оцепенении", но в речах его таилась "бездонная хитрость", и никому не удавалось понять скрытый смысл его слов.

Но Фенгон подозревал Гамлета. Он чуть было не завлек его в хитрую западню и не заставил проговориться о своей намерении отомстить за отца. Гамлета, однако, предупредил об опасно-

сти его верный друг и молочный брат (будущий Горацио).

Приспешник Фенгона (будущего шекспировского Клавдия), "человек более самоуверенный, чем разумный" (будущий Полоний), взялся проверить, точно ли Гамлет безумен. Чтобы подслушать разговор Гамлета с его матерью, приспешник Фенгона спрятался под лежавшей в углу соломой. Но Гамлет был осторожен. Войдя к матери, он сначала обыскал комнату и нашел спрятавшегося соглядатая. Он его убил, разрезал труп на куски, сварил их и бросил на съедение свиньям. Затем он вернулся к матери, долго "язвил ей сердце" горькими упреками и "наставлял ее на путь истинный".

Фенгон отправил Гамлета в Англию в сопровождении двух своих приближенных (будущие шекспировские Розенкранц и Гильденстерн), тайно вручив им письмо к английскому королю с просьбой умертвить Гамлета. Как и в трагедии Шекспира, Гамлет, пока они спали, подменил письмо, и английский король вместо Гамлета послал на казнь двух его спутников. Английский король принял Гамлета с почетом и дивился его мудрости. Гамлет женился на дочери английского короля. Затем он вернулся в Ютландию.

Как раз в это время придворные Фенгона справляли по Гамлете тризну. Его внезапный приезд заставил их превратить тризну в празднование встречи. Гамлет напоил придворных пьяными, и когда они "валялись, как свиньи", зажег дворец. Приспешники Фенгона погибли в огне, а Фенгону Гамлет отрубил голову. Так исполнил Гамлет долг кровной мести.

Но конец Гамлета не был счастлив. Его вторая жена покинула его в тяжелый для него час, а сам он погиб в битве против датского короля Виглета. Еще и сейчас в Ютландии показывают легендарную "могилу Гамлета". Возле этой могилы обрабатывавшие землю крестьяне не раз находили облицованные камни, свидетельствующие, повидимому, о том, что здесь некогда стоял замок. Еще в XVII веке здесь была найдена часть серебряной рукояти меча. Недавно на кургане воздвигнут памятник Гамлету в виде большого камня с надписью, где пересказаны главные из описанных Саксоном Грамматиком событий.

В легенде, записанной Саксоном Грамматиком, сплетаются несколько тем. Во-первых, тема кровной мести. Во-вторых, тема неудачной судьбы сильного от природы человека. Саксон Грамматик заканчивает свою повесть следующими

словами: "Если бы счастие Амлета было так же велико, как данная ему от природы сила, то он, часто проявлявший мудрость и смелость, сравнялся бы в своих подвигах с богами и превзошел бы Геркулеса". Впрочем, Саксон Грамматик упоминает вскользь и о меланхоличности своего героя. "Совершив какое-нибудь дело, он впадал в полное бездействие", - пишет Саксон Грамматик.

Легенду, записанную Саксоном Грамматиком, пересказал в семидесятых годах XVI века французский писатель Бельфоре.

В девяностых годах XVI века в Лондоне была поставлена пьеса о Гамлете. В 1589 году Томас Нэш издевался над "Гамлетами, рассыпающими трагические монологи пригоршнями". В 1596 году Томас Лодж писал: "...бледный, как лицо призрака, который кричал со сцены жалобно, как торговка устрицами: "Гамлет, отомсти!" Вот и все, что мы знаем о дошекспировской пьесе, которая, к сожалению, до нас не дошла. Из этих слов мы можем заключить следующее. Во-первых, потерянная пьеса принадлежала, повидимому, к так называемым "трагедиям грома и крови", которых появилось тогда в Англии великое множество и в которых бурные, неистовые монологи играли ведущую роль. Во-вторых, в этой пье-

се уже появился взывавший к мести Призрак. Предполаггют, что автором потерянной пьесы был Томас Кид. Единственная дошедшая до нас пьеса последнего "Испанская трагедия" (1586) является типичным образцом "трагедии грома и крови". "Испанская трагедия" отдельными чертами напоминает шекспировского "Гамлетз". Но здесь не сын хочет отомстить за убийство отца, а отец, старый Иеронимо, хочет отомстить за убитого сына. Как и шекспировский Гамлет, Иеронимо медлит с осуществлением мести (в одной из интермедий аллегорическая фигура Мести засыпает; к ней подходит Призрак со словами: "Проснись! О месть!..."). Для осуществления своей мести Иеронимо устраивает при дворе спектакль, что опять-таки напоминает шекспировского "Гамлета". Но особенно интересно то, что для Иеронимо, как и для шекспировского Гамлета, личное негодование перерастает в негодование на окружающее его общество: "О мир, - нет, не мир, но масса общественных несправедливостей ("mass of public wrongs")!", - восклицает старый Иеронимо.

Древняя легенда, записанная Саксоном Грамматиком и пересказанная Бельфоре, дошекспировская пьеса о Гамлете, написанная, вероятно,

Томасом Кидом и до нас не дошедшая, - такова "предистория" шекспировского "Гамлета".

Время и место действия

Номинально действие происходит в датском городке Эльсиноре, расположенном у самого узкого места пролива, отделяющего Данию от Скандинавского полуострова. Перед нами как будто глубокая древность: Англия платит дань королю Дании. С другой стороны например, Виттенбергский университет, о котором упоминается в трагедии, был основан лишь в 1502 году. Бытовые детали в "Гамлете" принадлежат Англии эпохи Шекспира. А главное, живой действительности этой эпохи принадлежат описанные в трагедии люди, их мысли, чувства, отношения между ними. Под маской старины и чужеземных имен Шекспир показывал зрителям картину современного ему общества. Сумрачные очертания замка, пронизывающий холодный ветер, суровый пейзаж (напомним о скале, склонившейся над бушующим морем) - все это нужно было Шекспиру, чтобы подчеркнуть жестокость окружающего его мира (напомним, что через четыре года после "Гамлета" Шекспир написал "Короля Лира" и "Макбета").

"Гамлет" и театр

Впервые "Гамлет" был поставлен в 1601 году на сцене театра "Глобус". Первым исполнителем заглавной роли был Ричард Бербедж, друг Шекспира и ведущий трагик труппы. Бербедж также был первым исполнителем ролей Ричарда III, Отелло, Лира. В элегии, оплакивавшей смерть этого знаменитого актера (1619), среди лучших его ролей упоминается "юный Гамлет". Когда Бербедж, играя в какой-то роли, "прыгал в могилу", он, по словам элегии, исполнял это "с таким правдивым выражением", что, казалось, "он сам готов был умереть". Элегия также рассказывает о том, что Бербедж когда-то изображал на сцене обагренного кровью умирающего человека и что не только зрителям, но и актерам в эту минуту казалось, что он действительно умирает. Возможно, речь здесь идет о "Гамлете" (сцена на кладбище и финал).

Как толковал Бербедж образ Гамлета? Вопрос этот представляет исключительный интерес потому, что Бербедж, по всей вероятности, советовался с Шекспиром. Мы тут располагаем кос-

венным свидетельством. Преемником Бербеджа в роли Гамлета был актер Тейлор. Последнего в роли Гамлета видел Вильям Давенант, который руководил в работе над ролью Гамлета знаменитым актером Томасом Беттертоном (1635-1710), стремившимся возродить старинные традиции "Глобуса". По словам писателя Ричарда Стиля, видевшего Беттертона в роли Гамлета в 1709 году (замечательно, что Беттертону тогда было за семьдесят лет), Беттертон в этой роли "играл молодость" и создал образ "многообещающего, живого и предприимчивого молодого человека". Гамлета он играл "в одежде школяра" (см. текст трагедии: Гамлет говорит не просто о своем "траурном" плаще, но о своем "чернильном" плаще).

"Трагическая повесть о Гамлете, принце Датском" на сцен" театра "Глобус", по свидетельству Антони Сколокера (1604), "понравилась всем". Было что-то в этой пьесе, что особенно трогало народную толпу. Еще до 1603 года великая трагедия шла в университетах Кембриджском и Оксфордском, вероятно в студенческих любительских спектаклях. Это и не удивительно: "Гамлет" может быть назван до некоторой степени "университетской" пьесой, поскольку университет, куда так стремится Гамлет и откуда прибыл Го-

рацио, играет немаловажную роль в "подтексте" всех событий.

Трагедия вскоре приобрела широкую популярность. В сентябре 1607 года английский корабль "Дракон" плыл по Атлантическому океану, направляясь в Ост-Индию. Стояли жаркие, безветренные дни. Капитан корабля Вильям Килинг, желая, по собственным словам, "отвлечь людей от праздности, азартных игр и непробудного сна", разрешил команде играть спектакли. 5 сентября Килинг отметил в судовом журнале" "У нас была исполнена трагедия "Гамлет", 31 марта 1608 года Килинг записал в журнале: "...пригласил к обеду капитана Хокинса. Ели рыбу. На борту нашего корабля играли "Гамлета".

Работа над созданием биографии Шекспира началась в Англии лишь с конца XVII века. Основоположником этой работы был Томас Беттертон, специально ездивший в Стрэтфорд, чтобы собрать материал о жизни великого драматурга. Страстный интерес Беттертона к Шекспиру был пробужден ролью Гамлета, убеждавшей на каждом спектакле его самого и его зрителей в глубине и величии Шекспира.

В русской литературе и в русском театре имя Шекспира впервые прозвучало вместе с именем

датского принца, когда Сумароков в 1748 году, кое-что заимствовав у Шекспира, написал своего "Гамлета". Первым ярким и театральным переводом "Гамлета" Шекспира на русский язык был перевод Н. А. Полевого (1837), первым подлинно вдохновенным исполнителем шекспировской роли на русской сцене был П. С. Мочалов (1800-1848) в роли Гамлета, первым подлинно великим созданием русской шекспироведческой мысли была знаменитая статья Белинского "Гамлет", драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета". В роли Гамлета на русской сиене до революции выступали М. Т. Иванов-Козельский, Мамонт Даль-ский, А. П. Ленский, А. И. Южин, В. И. Качалов и многие другие. Литература о "Гамлете" на русском языке огромна. По количеству переводов "Гамлета" первое место в мире занимает русский язык.

За годы советской власти "Гамлет" несколько раз переводился на русский язык (наибольшей популярностью пользуются переводы М. Лозинского и Б. Пастернака). За эти же годы сделано свыше пятнадцати переводов "Гамлета" на языки братских народов Советского Союза. Советским театром осуществлено свыше пятидесяти постановок "Гамлета". К лучшим исполнителям роли

Гамлета на советской сцене принадлежат: А. В. Поляков (Воронеж, 1941), армянский актер Ваагарш Ваграшян (Ереван, 1942), белорусский актер П. С. Молчанов (Витебск, 1946).

Текст

Впервые трагедия была издана в 1603 году. Это издание известно под названием "первое кварто". Оно гораздо короче общепринятого текста и отличается от него многими текстовыми деталями. Предлагаемые исследователями гипотезы, стремящиеся объяснить, расхождение этого издания с общепринятым текстом, сводятся к двум следующим: либо "первое кварто" является первоначальным,, незрелым наброском самого Шекспира, либо это искаженный переписчиком вариант окончательной редакции. Последняя гипотеза требует пояснения. Дело в том, что в ту эпоху в широком ходу были так называемые "пиратские списки". Театр, купивший рукопись у авторов, старался сберечь ее от посторонних глаз. И все же некоторым предприимчивым "пиратам", подосланным издателями или конкурирующими труппами, удавалось добраться до рукописи, чтобы наспех списать пьесу. Практиковалась также стенографическая запись во время спектакля, что, в особенности при несовершенстве стенографического письма в ту эпоху, неизбежно

вело к искажениям. Вполне вероятно, что иногда кто-нибудь из участников спектакля по памяти приблизительно восстанавливал пьесу. Представим себе, что несколько актеров собралось отправиться на летние месяцы в "гастрольную" поездку по провинции. Они подговорили одного из работников театра "Глобус" раздобыть текст трагедии "Гамлет". Тому, однако, не удалось обмануть бдительность "хранителя книг", у которого рукопись находилась под крепким замком и выдавалась суфлеру лишь на время спектакля. И вот работник театра сам написал текст отчасти по памяти или по стенограмме, а актеры, которым приходилось играть во время провинциальных "гастролей", еще подсократили и "перередактировали" текст. Осенью, вернувшись из поездки, они продали свою рукопись издателю. В результате в 1603 году в Лондоне вышла небольшая книжка - первый напечатанный текст "Гамлета".

Изложенная гипотеза с первого взгляда вполне правдоподобна. И, однако, она вызывает ряд возражений. Полоний в "первом кварто" носит имя Корамбис. Перемена имени действующего лица как будто говорит за то, что мы здесь имеем дело с двумя авторскими редакциями, а не с двумя списками единого подлинника. Впрочем, допустимо

следующее предположение: Корамбис, возможно, было имя отца Офелии в дошекспировском "Гамлете", написанном Томасом Кидом; и вот актеры, "редактировавшие" текст, полученный ими из "Глобуса", предпочли сохранить "традиционное" имя...

Мы ввели читателя во все эти подробности, чтобы показать, насколько темны вопросы шекспировской текстологии. К счастью, в данном случае вопрос не имеет для нас прямого практического значения. Является ли "первое кварто" искаженным отражением первоначального, весьма еще незрелого варианта шекспировского "Гамлета" или порочным списком, точнее - переделкой окончательной редакции, - в обоих случаях мы можем не считаться с этим текстом.

"Второе кварто" вышло в 1604 году (некоторые экземпляры были изданы в 1605 году). Оно было дважды перепечатано: в 1609 и в 1611 годах. Этот текст и явился бы единственным достоверным, если бы текст, помещенный в так называемом "первом фолио", первом собрании пьес Шекспира (1623), не отличался бы от него во многих деталях. И тут начинаются бесконечные споры шекспироведов. Одни утверждают, что "второе кварто" является "подлинным и совершенным"

вариантом, а "первое фолио" отражает позднейшую редакцию, сделанную актерами; другие, наоборот, отдают предпочтение "первому фолио", видя в нем окончательную редакцию, сделанную самим Шекспиром. Море чернил, пролитое по этому поводу, показывает, что спор этот вряд ли разрешим. Таким образом, в тексте "Гамлета" мы во многих случаях встречаемся с парой равноправных разночтений.

Переводчику, однако, приходится базировать свою работу на каком-то одном определенном тексте. Поскольку текст "Гамлета", вышедший в 1934 году под редакцией профессора Довера Вильсона в издании Кембриджского университета и, кстати сказать, почти целиком повернутый в сторону одного лишь "второго кварто", проникнут крайне субъективным новаторством, мы взяли за основу так называемое "Кембриджское издание" 1865 года, редактированное Райтом. В некоторых случаях мы отступали от этого текста, отдавая по тем или иным соображениям предпочтение другому из равноправных вариантов. В таких случаях мы обычно приводим отстраненный нами вариант в примечаниях. Вообще во всех наиболее существенных местах, где встречаются, так сказать, в споре друг с другом два равноправ-

ных варианта, читатель найдет один вариант в тексте, а другой - в примечаниях. Мы, однако, решились на весьма серьезное отступление от "Кембриджского издания" в других отношениях, так как мы отказались от общепринятого деления на акты и сцены, а также пересмотрели вопрос о ремарках.

Деление на акты и сцены

Ни в одном из вышедших при жизни Шекспира изданий "кварто" нет деления "Гамлета" на акты и сцены. Действие развивается непрерывным потоком. В "первом фолио" это деление странным образом обрывается на 2-й сцене II акта. Напомним, что "первое фолио" (1623) вышло через семь лет после смерти Шекспира. Текст к печати готовили его друзья и товарищи по сцене Хеминг и Конделль. Всего вероятней, что они попытались было приняться за классическое деление, но отказались от своего намерения ввиду полной его безнадежности. "Гамлет" впервые был разделен на акты и сцены в издании 1676 года, т. е. через шестьдесят лет после смерти Шекспира. Уже давно замечено, что это деление, которое до сегодняшнего дня является общепринятым, крайне неудачно. Гамлет только что узнал о подлом убийстве своего отца. Он понял, что "время вывихнуто". "Нет, пойдемте вместе!" - говорит он, обняв друзей своих, Горацио и Марцелла, за плечи. И тут же, без секунды промедления, раздается скрипучий голос Полония: "Отдайте ему эти деньги и эти письма, Рейнальдо..." Перед нами

- два мира. Антракт здесь невозможен. Невозможна секунда, перерыва. Данное деление на акты и сцены губит силу шекспировских контрастов.

Гамлет только что убил Полония. Никто не ложился спать в королевском замке в эту тревожную ночь. Как же возможно разделить эту полную событиями ночь антрактом (между III и IV действиями)?

Мы только что услыхали от Гертруды печальную весть о смерти Офелии. Тут же немедленно на сцену выходят два веселых могильщика. Здесь также недопустим антракт, уничтожающий силу контраста.

Конечно, в современном театре невозможно сыграть "Гамлета" без антрактов (в постановках В. М. Бейбутова в Воронеже в 1941 году и в Витебске в 1946 году "Гамлет" был разделен на три акта). Дело режиссера найти подходящие для передышки места. Деля действие, режиссер не обязан считаться, как с догматом, с делением, изобретенным кем-то в семидесятых годах XVII века. Тем менее обязан считаться с этим делением переводчик.

Мы, наконец, убеждены в том, что текст "Гамлета" без деления на акты и сцены принесет пользу не только актерам и режиссерам, но и

широкому читателю уже тем, что он дает наглядное представление о непрерывности действия у Шекспира.

Ремарки

Мы тщательно пересмотрели ремарки.

Начнем со списка действующих лиц, помещенного в начале трагедии. Этот список, вошедший во все общепринятые издания, составлен Роу и впервые помещен в редактированном им издании 1709 года. Многое в этом списке вызывает возражения. Полоний назван "лордом-камергером". Но на это нет никаких указаний в тексте. "Лорд-камергер" был придворный, наблюдавший за порядком в личных покоях монарха. Полоний, повидимому, более важное лицо. По словам Клавдия, он так же связан с престолом Дании, как голова с сердцем, рука со ртом. Сам Полоний называет себя "помощником (короля) в управлении государством". Уж скорее поэтому можно назвать Полония "государственным министром". Роу назвал Розен-крлнца и Гильденстерна "придворными". Но ведь король посылает за Розенкранцем и Гильденстерном. Он просит их "остаться на короткий срок при дворе". Значит, они не постоянно находились при дворе. Ремарка Роу здесь вступает в прямое противоречие с текстом. В списке действующих лиц Марцелл и Бернардо

названы "офицерами", а Франциско - "солдатом". Это опять-таки совершенно произвольно. Как во "втором кварто", так и в "первом фолио" мы находим ремарку, выброшенную позднейшими редакторами текста: "Входят Бернардо и Франциско - двое часовых". Итак, ремарка, созданная во времена Шекспира, не деляет различия между ними. Кроме того, Бернардо сменяет Франциско на его посту, что также говорит за то, что они равны по чину. Марцелл называет Франциско "честным солдатом", но слово "солдат" употреблено здесь в широком значении "воин" и не дает никаких указаний на чин Франциско. Правда, Бернардо один раз обращается к Франциско на "ты", но и отсюда нельзя, сделать никаких выводов (см. ниже "О местоимении второго лица"). Учитывая спорность всех этих деталей, мы решили вообще выбросить список действующих лиц, являющийся, как сказано выше, позднейшей вставкой.

Как в "кварто", так и в "фолио" место действия в начале трагедии не указано. Роу в издании 1709 года ввел ремарку: "Открытое место перед дворцом". Теобальд уточнил: "Площадка перед дворцом". В "Кембриджском издании" - "Площадка перед замком". Как известно, вокруг замков

устраивались такие площадки: атакующим замок неприятельским войскам приходилось пересекать открытое место, становясь мишенью обстрела из замка. Но Довер Вильсон в своем издании трагедии ("New Shakespeare", 1934) высказывает предположение, что местом действия является площадка, устроенная на стенах замка (на таких площадках устанавливались пушки). Текст не дает здесь никаких указаний. В сущности, как ремарка Роу, так и ремарка Довера Вильсона являются личным "видением" пьесы, выражаясь на театральном языке - кусками "режиссерской экспликации". Тут очевиден субъективный момент. Мы выбросили ремарки такого рода, наряду с другими, позднейшими интерполяциями. Вместе с тем мы восстановили некоторые ремарки, встречающиеся в первоисточниках текста, например: "Входят с разных сторон Бернардо и Франциско, двое часовых". Конечно, эта ремарка сейчас не обязательна для театра. В "Глобусе" поневоле актерам приходилось в начале действия входить, а в конце уходить, так как занавеса не было. Но все же эта ремярка близка к подлиннику по времени своего возникновения, хотя всего вероятнее, что она принадлежит, как и другие ремарки первоисточ-

ников (т. е. "второго кварто" и "первого фолио"), не перу Шекспира, а является пометкой из суфлерского экземпляра театра "Глобус".

Вообще, чем меньше ремарок в тексте, тем меньше ограничений и больше свободы режиссерам и актерам. Например, к первой реплике Гамлета - "чуть побольше, чем родственник, и поменьше, чем сын", - Теобальд в XVIII веке вставил ремарку: "В сторону". Эта ремарка прочно укоренилась в общепринятом тексте. Но почему же Гамлет говорит эти слова обязательно "в сторону"? Шекспир дает широкую свободу творчеству актера в смысле выбора интерпретации.

В некоторых случаях общепринятые ремарки находятся в прямом противоречии с текстом. Так, например. "Кембриджское издание" сопровождает похороны Офелии следующей ремаркой: "Входит процессия священников и других. За телом Офелии следуют Лаэрт и плакальщики, король, королева, их свита и др." Одним словом, создается картина чрезвычайно пышных похорон. А между тем Гамлет сразу же по "сокращенным обрядам" узнает, что хоронят самоубийцу. Лаэрт возмущен тем, что похороны Офелии так бедны обрядами. Священник (а вовсе не "первый священник", как придумал в XVIII веке Кэпель) возражает, что и

этого достаточно, так как смерть Офелии была "сомнительной". Дело в том, что приведенная нами ремарка изобретена в XVIII веке Кэпелем и Мэлоном. В первоисточниках ремарка чрезвычайно скупа: Офелию, которую подозревают в самоубийстве, хоронят более чем скромно. Во "втором кварто" читаем ремарку: "Входят король, королева, Лаэрт и труп" (безграмотная фраза говорит о том, что это - скорее всего беглая пометка лица, который соответствовал современному помощнику режиссера). В "первом фолио": "Входит король, королева, Лаэрт, гроб, лорды свиты". Не приходится говорить, что в подобных случаях мы пересмотрели общепринятые ремарки.

В некоторых случаях мы встреччаемся с равноправными вариантами ремарок. Так, например, в начале 2-й сцены 1 акта "второе кварто" дает ремарку: "Трубы. Входят Клавдий, король Дании, королева Гертруда, члены Королевского совета, Полоний и сын его Лаэрт, Гамлет и другие". "Первое фолио" дает иную ремарку: "Входят Клавдий, король Дании; королева Гертруда, Гамлет, Полоний. Лаэрт и сестра его Офелия, лорды свиты". Мы предпочитаем первый из этих вариантов. Не только потому, что Гамлет здесь более отдален от короля и королевы, но главным об-

разом потому, что монолог Клавдия становится значительней и осмысленней, являясь речью, обращенной к членам Королевского совета: ведь в этом монологе Клавдий утверждает свои права на престол. Некоторые исследователи полагают, что здесь происходит торжественное заседание Королевского совета (недаром здесь же происходит отправка послов Корнелия и Вольтиманда), - возможно, первое со времени воцарения Клавдия. В таком случае присутствие Офелии вряд ли уместно.

Местоимение второго лица

В современном английском языке, как известно, местоимение второго лица употребляется лишь во множественном числе. Но в эпоху Шекспира еще употреблялось - хотя "вы" уже начало выживать его - местоимение второго лица единственного числа. Последнее не только имело широкое хождение в народных массах, но часто мелькало и в беседе людей разных классов и положений. Оно то и дело прорывалось в беседе приятелей, принадлежавших к аристократии или к городской буржуазии, или, скажем, в беседе служивших вместе военных (как мы уже упоминали, Бернардо один раз обращается к Франциско на "ты"). Переход на "ты" часто выражал какое-либо чувство: гнев, возмущение, ласку, мольбу и т. д. Это заставило нас сохранить в нашем переводе число местоимения, буквально следуя подлиннику. Отсюда иногда неизбежно получается некоторая искусственность, поскольку сплошь и рядом и на языке XVI века английское местоимение "вы" скорее соответствовало русскому "ты". Но, с другой стороны, - повторяем, - единственное число личного местоимения часто

создает у Шекспира определенную эмоциональную окраску и тем самым освещает отношение лиц друг к другу.

Сокращения. В наших примечаниях мы сокращенно обозначаем "второе кварто" (изд. 1604-1605 гг.) - кв.; "первое фолио" (изд. 1623 г.) - фол.

КОММЕНТАРИИ

1 "Трагедия о Гамлете, принце Датском". - В современных Шекспиру изданиях трагедия называется "Трагическая повесть о Гамлете, принце Датском".

2 "Входят с разных сторон Бернардо и Франциска - двое часовых". - Эту ремарку находим как в кв., так и в фол.

3 "Откройте себя". - Повидимому, употреблено здесь в нескольких значениях одновременно: 1) назовите себя; 2) откройте ваши намерения, друг вы или враг (напомним, что Франциске сторожит королевский замок, а ведь корона не крепко сидит на голове Клавдия - недаром толпа восставших врывается во дворец по одному призыву Лаэрта); 3) откройте ваше лицо (закрытое от ветра плащом). У Шекспира можно найти много аналогичных примеров, когда слово употреблено одновременно в нескольких значениях, прямым и фигуральным (см. об этом в статье "Язык и стиль Шекспира").

4 "Да здравствует король!" - это не пароль, так как входящие несколько позже Горацио и

Марцелл не повторяют этой фразы. Бернардо успокаивает Франциско, сторожащего королевский дворец. Замечательно, что Франциско по этой фразе сразу узнает Бернардо. Последний, повидимому, известен как воин, который верно служит королю. Горацио говорит другие слова: "Друзья страны" (причем воин Марцелл тотчас же поправляет его: "И вассалы короля Дании").

5 "Мне не по себе". - Кетчер перевел неправильно: "Нездоровится что-то". Темная ночь навевает жуть на Франциско.

6 "Мышь не шевельнулась". - Эта мышь имеет свою историю: ею, как известно, возмущался Вольтер, считавший эту "низкую" деталь недоступной трагедии. Фраза является, вероятно, поговоркой той эпохи, соответствуя русской: "муха не пролетела". Перевод Кронеберга придал ответу Франциско какой-то мистический оттенок: "Как в гробу".

7 "Попросите их поторопиться". - Как справедливо указывают комментаторы, Бернардо тоже "не по себе".

8 "Привет". - В подлиннике восклицание "Холла!", соответствующее современному "Хэллоу!"

9 "Я за него". - Эта фраза (в буквальном переводе: "кусок его") вызвала ряд толкований. Например,

Довер Вильсон считает, что Горацио сжался от холода в комок и смеется над собой. По нашему мнению, мы здесь имеем дело с шуточным оборотом, соответствующим русскому "да вроде него" или, как мы перевели, "я за него".

10 "Это существо снова являлось Сегодня ночью". - В подлиннике "this thing" - буквально: "эта вещь". Фол. и первое кв. отдают эти слова Марцеллу. Но насмешливый их тон, по справедливому замечанию некоторых комментаторов, скорее подходит неверящему в явления призраков Горацио. Мы поэтому здесь следуем тексту кварто 1604-1605 гг.

11 "Оно не явится". - В подлиннике при упоминании о призраке не мужской род, как полагалось бы, если бы дело шло о короле, а средний род; употребляется в английском языке, когда говорят о чем-либо неодушевленном или о каком-нибудь явлении. Из этой детали можно заключить, что никто из присутствующих пока не верит, что перед ними действительно восставший из могилы король. В представлении присутствующих это какой-то оборотень, "похитивший" облик покойного короля.

12 "Входит Призрак". - Напомним, что, по словам первого биографа Шекспира, Роу (1709), Призрак

в "Гамлете" был лучшей ролью Шекспира.

13 "Ты - ученый, заговори с ним, Горацио". - Марцелл хочет сказать: "Ты человек ученый, знаешь, как взяться за любое дело".

14 "Оно хочет, чтобы с ним заговорили". - По древнему поверью, призраки не могли заговорить первыми.

15 "Вышвырнул на лед сидевших в санях поляков". - Темное место, допускающее различные толкования, например: "вышвырнул сидевшего в санях польского короля". Возможно и следующее значение: "бросил на лед свой бердыш".

16 "Прошел он мимо нашего караула". - В изд. 1603 г. - "прошел сквозь наш караул".

17 "Нашего исследованного мира". - Напомним, что значительная часть земного шара была еще совершенно неисследована.

18 "Соответствующего закону о поединках" - буквально: "закону о геральдике", т. е. "геральдическому закону", в данном случае - закону о поединках. Всякими торжественно обставленными поединками, "божьими судами", рыцарскими турнирами и т. д. ведали герольды, которые назначались отделом геральдики, являвшимся особым учреждением.

19 "Человек горячего и еще не обработанно-

го опытом нрава". - По созвучию слов и ввиду совершенной неустойчивости правописания того времени эта фраза также означает: "полный горячего и необработанного металла" (Шекспир, вероятно, имел в виду оба эти значения).

20 "Набрал за пищу и пропитание". - В подлиннике типичный для Шекспира образный глагол: "наакулил" (т. е. наглотался без разбора, как акула). "За пищу и пропитание" - обычная формула при найме.

21 "Беззаконных головорезов". - Это чтение кв. Согласно тексту фол. - "безземельных". Напомним, что то была эпоха, когда благодаря огораживанию общинных земель и превращению их в овечьи пастбища значительная часть крестьянства Англии лишилась пахотной земли и осталась без крова и пропитания.

22 "Требующее смелости". - Возможно (благодаря двойному значению слова stomach) толкование: "Была бы пожива для живота".

23 "Сильной рукой". - Само имя Фортинбрас значит "сильная рука".

24 "Вышеуказанные земли". - Горацио говорит здесь сугубо юридическим, книжным языком.

25 "Это песчинка, которая тревожит око души". - Возможно другое толкование: "Это лишь песчин-

ка, тревожащая око души" (т. е. это сравнительно мелочь, - то ли бывало в Риме!..).

26 "Могущественный Юлий" - т. е. Юлий Цезарь. Напомним, что Шекспир написал "Юлия Цезаря" (где также описываются зловещие предзнаменования) в 1600 г., т. е. всего за год до "Гамлета".

27 "И были также другие предзнаменования". - Эти слова - сделанная комментаторами вставка, так как в тексте здесь явный пропуск.

28 "Бледность солнца". - В астрологии бледность солнца считалась дурным предзнаменованием.

29 "Влажная звезда... царство Нептуна" - т. е. луна, от которой зависят приливы и отливы моря.

30 "Грядущим судьбам" - образ в духе античной мифологии.

31 "Раскинув руки, он преграждает дорогу Призраку". - В фол. тут нет ремарки. В кв. читаем: "Оно раскидывает его руки". В изд. 1676 года исправлено: "Он раскидывает свои руки". Заступив дорогу Призраку и раскинув руки, можно было заставить его остановиться. Но это считалось чрезвычайно опасным и говорит о смелости Горацио.

32 "Поет петух". - Помещаем ремарку там, где она стоит в кв. В фол. этой ремарки нет.

33 "Утренний трубач" (кв.) - "Дневной трубач"

(фол.).

34 "бога дня" - т. е. солнце.

35 "Птица зари" - т. е. петух.

36 "Утро, одетое в багряный плащ". - Некоторые комментаторы считают, что слово russet здесь означает рыжеватый цвет беличьего меха. Согласно толкованию Довера Вильсона - "домотканный плащ". В таком случае утро здесь весьма "прозаично" сравнивается с работником, вставшим со светом и бредущим в грубом, домотканном плаще по склону горы. Но почему же тогда сказано, что гора находится "на востоке"? Ясно, что это указание намекает на цвет зари: гора и заря за нею напоминают человека в багряном плаще.

37 "Трубы. Входят Клавдий" и т. д. - Даем ремарку в редакции, близкой к кв. (см. раздел, посвященный ремаркам).

38 Но не "соправительницу", как часто неверно переводили. Слово jointress происходит от jointure, что значит "вдовья доля". Это знал еще Кетчер, который перевел: "царственную владычицу вдовьего участка". Но он, повидимому, не до конца разобрался в смысле слов Клавдия. Последний "вдовьим участком" Гертруды называет всю Данию. Это важная деталь: согласно толкованию

Клавдия, наследницей престола является Гертруда, а не Гамлет. Следовательно, он, Клавдий, как муж Гертруды, - законный король.

39 "Смеясь одним глазом и роняя слезы другим..." - Перефразировка старинной английской народной пословицы: "Смеяться одним глазом и плакать другим".

40 "Свободно сопутствовавшей" - Клавдий намекает на то, что государственные советники поддержали его притязания на престол; он этими словами как бы объявляет их своими соучастниками. Этот монолог - хитрая речь, в которой Клавдий доказывает свои права на престол.

41 "О чем хочешь ты попросить, Лаэрт..." - Клавдий переходит с обычного "вы" на льстивое "ты". Он заискивает даже перед Лаэртом.

42 "Грозный повелитель мой" - форма обращения вассала к сюзерену.

43 "Чуть побольше, чем родственник, и поменьше, чем сын". - Король только что назвал Гамлета родственником и сыном. Кетчер перевел: "Не много больший, чем родня, и менее всего родитель". Автор настоящего перевода и комментария когда-то перевел: "Хоть мы в родстве, но не родные мы". Мы выбросили ремарку "в сторону", поставленную к этим словам в XVIII веке

Теобальдом. Вполне возможно, что Гамлет этими словами бросает открытый вызов королю.

44 "Я под слишком ярким солнцем". - Предложено много толкований этой фразы. Гамлет, возможно, хочет сказать: "Я слишком близок к монарху" (сравнение короля с солнцем было широко распространено в литературе той эпохи). Довер Вильсон полагает, что тут скрыт намек на ходячую поговорку: "Из божьего благословенного уголка да на теплое солнышко", что соответствовало русскому: "остаться без кола и двора" (Гамлет намекает, что его обошли в правах наследства). Мы думаем, что тут скрыт каламбур на созвучных словах son - сын и sun - солнце. Гамлет хочет сказать: "Вы хватили через край, назвав меня сыном". Во всяком случае Гамлет сказал дерзость королю.

45 "И мы просим, упрашиваем вас..." - Буквально: "склоняем вас". Нам кажется, что в этих словах слышится угроза ("склоняем"). Клавдию, конечно, не хочется, чтобы Гамлет вышел из поля его зрения.

46 "Трубы. Все, кроме Гамлета, уходят". - Даем ремарку по тексту кв. Интересно, что во всем этом монологе по тексту кв. имеются лишь две точки с запятыми и нет ни одной точки.

47 "Плотное тело". - Так в тексте фол. Исходя из неясного чтения кв., некоторые комментаторы предполагают, что Гамлет говорит здесь: "запятнанное (осквернённое, загрязненное) тело".

48 "Неполотый сад" можно перевести и "неполотый огород". Слово garden употреблялось в обоих значениях.

49 "Я рад видеть вас здоровым". - Гамлет, занятый своими мыслями, сначала не узнает Горацио. Некоторые комментаторы полагают, что взор Гамлета затуманен дымкой слез.

50 "Марцелло". - В кв. и фол. тут просто точка. Восклицательный знак поставлен Роу (изд. 1709 г.), Кэпель (XVIII в.) ставил здесь знак вопросительный (в таком случае Гамлет впервые знакомится с Марцеллом).

51 "К Бернардо". - Ремарка, вставленная редакторами "Кембриджского издания" 1865 г.

52 "Добрый день, сэр". - По мнению некоторых комментаторов, Гамлет официальней и холодней с Бернардо, чем с Марцеллом.

53 "Собрат-студент". - Может также означать "коллега-ученый" (благодаря разнозначимости слова student). Еще русский шекспировед Москаленко высказал предположение, что Горацио пожилой человек.

54 "Расчет, расчет, Горацио!" - Комментаторы отметили у Гамлета привычку повторять слово.

55 "Ширится этот храм" - т. е. тело.

56 "Которому он голова". - Сравнение государства с человеческим телом было широко распространенным в литературе той эпохи.

57 "Детей весны" - т. е. цветы.

58 "Входит Полоний". - В кв. эта ремарка стоит после слов Офелии: "Не считаются с собственным наставлением", в фол. - после слов Лаэрта: "За меня не бойтесь".

59 "Ветер сидит на плече вашего паруса". - Вероятно, разговорный идиом той эпохи, просто значивший "ветер надул паруса", "дует попутный ветер".

60 "Он говорил с вами". - Полоний не переходит в беседе с Офелией на фамильярно-ласковое "ты", как это было в его беседе с Лаэртом. Он, несомненно, холоднее с Офелией.

61 "Вы остались в дурах". - Кетчер, а за ним и некоторые другие переводили: "поставишь и меня в дураки". Некоторые комментаторы толкуют: "преподнесешь мне дурочку" (т. е. незаконнорожденного ребенка).

63 "Манерой". - Буквально: модой, модной прихотью.

63 "Силки для вальдшнепов". - Вальдшнепы считались олицетворением глупости.

64 "Брачных обетов". - Как в кв., так и в фол. стоит слово bonds - узы (здесь - "брачные узы", мы перевели - "брачные обеты"). Теобальд произвольно изменил это слово на bawds - сводни и читал "благочестивые (т. е. ханжеские) сводни". За Теобальдом последовало подавляющее большинство современных редакторов шекспировского текста, а следовательно, и большинство переводчиков Шекспира.

65 "Пушечные выстрелы". - В кв. "Стреляют две пушки".

66 "Кружится шумная пляска". - Буквально: "кружится прыгай". "Прыгай" было названием буйной пляски, известной еще со времен" средневековья.

67 "Наперекор разуму". - Дословно: "Ломая изгороди и укрепления разума".

68 "Мельчайшая частица зла..." - Чрезвычайно темное место текста. "Кембриджское издание" приводит свыше восьмидесяти гипотез, стремящихся объяснить эти слова. Общее их значение, однако, ясно: ложка дегтя в бочке меда.

69 "Твой образ возбуждает во мне столько вопросов". - Возможны другие толкования, на-

пример: "Твой образ так благосклонен" (см. A. Schmidt, "Shakespeare-Lexicon") или: "Ты явился в таком живом виде, что в состоянии отвечать на вопросы".

70 "Куклы в руках природы". - Дословно: "шуты природы". Точно так же Ромео говорит: "Я шут судьбы". Шуты были предметом развлечения, игры. Ср. сонет 116: "Любовь - не шут времени".

71 "Призрак манит Гамлета". - Даем ремарку по тексту фол.

72 "Нет, последуем за Гамлетом". - Это nay (в точном переводе: "не только... но и") весьма существенно. На слова Горацио: "Небо направит датское государство", Марцелл возражает: "Нет, не только небо, но и мы поможем, последовав за Гамлетом". Фатализму Горацио противопоставлена активность Марцелла.

73 "Входят Призрак и Гамлет". - Они, повидимому, появились на "верхней сцене" театра эпохи Шекспира, т. е. на балконе, который находился над альковом в глубине сцены.

74 "Я готов слушать". - Фраза может также значить: "Я обязан слушать".

76 "Поститься в пламени". - Согласно поверью средних веков, души умерших, находящиеся в пламени чистилища, томились также от голода

и жажды.

76 "Перевернуло бы твою душу". - Дословно: "Прошло бы, как борона, по твой душе".

77 "Сердитого дикообраза" (фол.) - "испуганного дикообраза" (кв.).

78 "Гниет" (фол.) - "растет" (кв.).

79 "Прощай, прощай, прощай!" (кв.) - "Прощай, прощай, Гамлет" (фол.).

80 "В этом смятенном шаре". - Гамлет говорит о своей голове Кетчер перевел: "в отуманенном этом черепе". Некоторые комментаторы предлагали другое толкование: "на этом безумном земном шаре".

81 "Запиской книжки". - В эпоху Шекспира уже существовали записные книжки, у вельмож - из слоновой кости с золотыми застежками. Существовали и карандаши.

82 "За сценой". - Эта ремарка из текста фол. Согласно тексту кв., Горацио и Марцелл восклицают: "Милорд! Милорд!", уже войдя на сцену (очевидно, они не видят Гамлета в темноте).

83 "Да будет так". - Согласно тексту кв., эти слова произносит Гамлет, согласно фол. - Марцелл.

84 "Илло, хо-хо, милорд!" - Согласно кв., эти слова произносит Марцелл, согласно фол. - Горацио. "Илло, хо-хо!" - было криком сокольничих,

звавших сокола. Гамлет, как бы продолжая игру, вторит этому крику.

85 "Отъявленным негодяем..." - "Гамлет начинает эту фразу в порыве откровенности, но вдруг, вспомнив, какую важную он выдает тайну, обрывает речь и кончает ее незначащим выражением" (Сеймур).

86 "Клянусь святым Патриком". - Согласно официальной версии, отец Гамлета умер от укуса змеи. По древней легенде, св. Патрик изгнал змей из Ирландии. Не потому ли поклялся Гамлет св. Патриком, что вспомнил здесь о Клавдии, о "змее", которую он, Гамлет, обязан уничтожить?

87 "И большая". - Непереводимая игра на двух значениях слова offence: обида и преступление (Горацио имеет в виду обиду, Гамлет - преступление).

88 "Честный призрак" - т. е. действительно тот, кем он кажется, не оборотень.

89 "Под сценой". - В кв. и в фол. ремарка: "Призрак кричит под сценой".

90 "Старина", а также "парень в погребе", "старый крот", "достойный сапер" - были, как показали новейшие исследования, принятыми тогда названиями дьявола. Нам кажется, что вся эта "инфернальная терминология" передает

смятение души Гамлета.

91 "Hic et ubique" (лат.) - "здесь и везде". Находиться "здесь и везде" считалось одним из свойств духов.

93 "Клянитесь!" (фол.) - "Клянитесь его мечом!" (кв.).

93 "Как странника" - т. е. окажите ласковый прием.

94 "Вашей философии" (кв.) - "нашей философии" (фол.).

95 "Входят Полоний и Рейнальдо" (фол.) - "Входит Полоний с одним или двумя из своих людей" (кв.).

96 "Вольной жизни". - Слово liberty здесь также может означать "беспутство", "распутство".

97 "Необузданной крови". - Буквально: "неприрученной крови". Часто употреблялось о дичившихся соколах.

98 "Играя в теннис". - Родина этой старинной игры - Франция, но она рано проникла в Англию и была в ней усовершенствована.

99 "По косой линии". - Прием из весьма распространенной в Англии шекспировской эпохи игры в деревянные шары.

100 "Занятия музыкой" - неотъемлемая часть образования молодого дворянина в шекспиров-

скую эпоху.

101 "Погубить тебя". - Нет ли в этом переходе на "ты" оттенка ласковости? Увидав в дочери будущую принцессу, а может быть, и королеву, Полоний вдруг стал нежен с ней.

102 "Грозные желания". - См. прим. 42.

103 "фруктами в конце большого пира". - В конце пира подавались фрукты и сласти.

104 "Подает письмо". - Эта ремарка вставлена Мэлоном. Она, конечно, необходима по контексту.

105 "Поразмыслите". - Шмидт (A. Schmidt, "Shakespeare-Lexicon") указывает, что слово "perpend" встречается у Шекспира только в устах Полония, Пистоля и комиков.

106 "Прекрасной белой груди". - В корсаже делался карманчик, в котором носили не только письма, но и деньги, наперсток, иголки, нитки и т. п.

107 "Пока этот механизм принадлежит ему". - Сравнение тела с механизмом (часто - с часовым механизмом) было распространенным в литературе той эпохи.

108 "Передавать их, любовные записки". - Буквально: "Если бы я исполнял роль письменного стола и записной книжки". Существует и дру-

гое толкование: "если бы я стал записывать в книжку и запирать ее в стол", т. е. "если бы я стал молчать".

109 "Послушалась моих советов". - Буквально: "приняла плоды моих советов".

"о "Отнимите это от этого". - Поп в XVIII веке здесь вставил, сделавшуюся общепринятой ремарку: "показывая на голову и плечи". Но Дауден задал справедливый вопрос: Почему обязательно так, а, например, не "показывая на жезл - символ своего сана, и на свою руку"?

111 "В передней". - Можно также перевести: "в вестибюле".

112 "Одним из аррасских ковров" (т. е. производившихся в г. Аррасе, во Франции). - Возможно, что здесь идет речь о занавесе, скрывающем альков в глубине сцены. Но, кроме того, фон сцены украшали холстами, раскрашенными под стенные ковры.

113 "Торговец рыбой". - Некоторые комментаторы утверждают, что так называли торговцев "живым товаром". Не намек ли это на отношение Полония к Офелии как к "вещи"?

114 "Будучи богом" (god) - общепринятое исправление. В кв. и фол. "будучи добром" (good).

115 "Целующим падаль" - т. е. даже самое пре-

красное порождает одну гадость, если входит в общение с гадким. Так и Офелия может заразиться злом от окружающей ее порочной среды.

116 "Гулять на солнце". - Очевидно, идиом того времени, вероятно равнозначный русскому "бывать в свете", здесь - "бывать при дворе".

117 "Между кем?" - Каламбур на значениях слова matter: "содержание (книги)" и "причина ссоры".

118 "Пятиться назад" - т. е. молодеть с годами.

119 "Кроме моей жизни" - т. е. с жизнью я еще охотней бы расстался, чем с вами.

120 "На колпаке Фортуны". - Не намек ли на то, что Фортуна, строящая всевозможные проказы, носит шутовской колпак?

121 "Тени нищих". - Излюбленная Шекспиром тема: титулы, пышные одежды, честолюбие и т. д. являются призрачными. Только "голый" человек обладает реальностью. (Напомним Лира в степи, срывающего с себя одежды.)

122 "Прислуживают мне отвратительно". - Благодаря многозначности глагола attend в этой фразе скрыт каламбур: "за мной до невероятности следят".

123 "Правами нашего товарищества". - Это ясно указывает на то, что Гильденстерн и Розенкранц

- студенты. Ср. прим. 205.

124 "Тихо Гильденстерну". - Хотя эта ремарка вставлена лишь в XIX веке, она необходима по контексту.

135 "Существо, квинтэссенцией которого является прах". - Но не "квинтэссенция праха", как обычно переводят (у праха не может быть квинтэссенции). Гамлет хочет сказать, что от человека, после удаления четырех "субстанций" (огня, воздуха, земли, воды), остается, как "пятая субстанция" ("квинтэссенция"), лишь прах могильный. К этой теме Гамлет вновь возвращается в сцене на кладбище.

126 "Человек не радует меня, ни мужчины..." - Здесь приходится переводить распространенно, так как man значит и человек и мужчина.

127 "Последней новинки". - Повидимому, имеется в виду успех детских трупп, игравших в "частных" (закрытых) театрах и конкурировавших с труппами взрослых актеров, которые выступали в "публичных" (общедоступных) театрах. В закрытые театры благодаря высокой входной плате ходила только состоятельная публика. Партер общедоступных театров, к которым принадлежал и знаменитый "Глобус", был полон зрителей из народа, так как вход в партер (или

"двор", как он тогда назывался) стоил всего один пенни. Успех детских трупп, повидимому, заставил взрослых актеров на время покинуть Лондон, чтобы поправить свои дела в провинции.

128 "Обыкновенные театры". - В этом слове "обыкновенные" ("common") слышится то презрение, с которым "изысканные" детские труппы относились к общедоступным театрам.

129 "Не осмеливаются ходить туда" - т. е. дворянская публика ("носящая шпаги"), опасаясь насмешек со стороны театральных писателей и критиков ("гусиных перьев"), боится ходить в публичные театры.

130 "Геркулеса с его ношей-" - т. е. театр "Глобус", на вывеске которого был изображен Геркулес, держащий на плечах небесную сферу.

131 "Сокола от цапли" - т. е. хищника от жертвы, недруга от друга. Но некоторые комментаторы утверждают, что здесь имеются в виду названия инструментов: "я умею отличить ручную пилу от мотыги", и предполагают, что это поговорка той эпохи.

132 Росций - знаменитый римский актер I в. до н. э.

133 "И каждый актер ехал на своем осле" - вероятно, стих из какой-то песенки.

134 "О Иеффай, судья израильский!" - Согласно библейской легенде, Иеффай принес в жертву свою единственную дочь. Не намекает ли здесь Гамлет на то, что Полоний готов пожертвовать дочерью ради успеха интриг Клавдия?

135 "Которую он очень любил" - куплет из популярной в то время песни-баллады.

136 "Первый куплет этой благочестивой песенки". - В этом куплете говорится о "великих воинах". Не намекает ли здесь Гамлет на то, что над Данией нависла угроза великих потрясений? Кетчер переводил: "святочной песни", и комментировал: "святочные песни вроде колядок, которые простой народ пел, ходя по улицам и собирая при этом подаяние".

137 "Мое развлечение" - также может значить: "То, что заставляет сократить мою речь". Гамлет, вероятно, каламбурит.

138 "Входят актеры" (кв.) - "Входят четыре или пять актеров" (фол.).

139 "На целый каблук". - Мальчики, игравшие женские роли, носили, чтобы казаться выше, обувь с пробковыми подошвами и высокими каблуками.

140 "Золотая монета". - У мальчиков, игравших женские роли, особенно ценился нежный ("зо-

лотой") голос.

141 "Для обычных зрителей она явилась икрой" - т. е. была недоступна. В эпоху Шекспира английские купцы продавали вывезенную ими из России икру по очень высоким ценам.

142 "Рассказ Энея". - Эней на своих плечах вынес своего отца Анхиза из пылающей Трои. Античная легенда называет его "исполнившим долг". Гамлет не случайно вспомнил о нем.

143 "Свирепый Пирр". - Не случайно вспомнил Гамлет и о Пирре, который мстил за своего отца Ахилла, убитого Парисом, сыном Приама.

144 "Гирканскому зверю" - т. е. тигру. "Гирканией" назывались страны по ту сторону Каспийского моря.

145 "Багровый". - В подлиннике геральдический термин, означающий "цвет львиного зева".

146 "Своих владык". - Владыки улиц - жители города.

147 "Опозоренную царицу". - Исправленное Чишвицем чтение фол.: "закутанную с головой царицу" - кв. Почему-то большинство редакторов предпочло второе разночтение. А между тем тогда непонятно, почему вдруг встрепенулся Гамлет (он подумал, вероятно, о своей матери), а с другой стороны, почему эпитет так понравился

Полонию? (Он, должно быть, понял его в значении "изнасилованная".)

148 "Изнуренный деторождением стан". - Гекуба была матерью двенадцати детей.

149 "Горящие очи небес" - т. е. звезды.

150 "Нашего времени" - "современности" (Кетчер).

151 "Услышим пьесу". - Для Шекспира, в творчестве которого такое огромное значение имеет произносимое слово, очень характерно сказать: "услышим пьесу", а не "увидим пьесу".

152 "Убийство Гонзаго". - В 1538 году герцог Урбанский (в Италии) был убит Луиджи Гонзаго, который, по преданию, влил ему яд в ухо.

153 "Все его поведение". - Буквально: "все его функции".

154 "Тупое". - Слово dull также значит "бездеятельный, вялый, скучающий".

155 "Голубиная печень". - Согласно представлению той эпохи, у голубей в печени отсутствовала желчь.

156 "Признавались в своих злодеяниях". - Такие случаи иногда имели место в театрах той эпохи.

157 " - Я исследую его" - в том смысле, в каком это сказал бы вооруженный ланцетом хирург.

158 "Эту книгу". - Повидимому, Полоний дает

Офелии молитвенник.

159 "В сторону". - Хотя эта ремарка вставлена лишь в XVIII веке, она необходима по контексту.

160 "Раскрашенными словами" - т. е. неискренними, фальшивыми.

161 "Быть или не быть, вот в чем вопрос". - Столь же правомерна пунктуация: "Быть или не быть. Вот в чем вопрос: благороднее ли..." и т. д.

162 "Благороднее ли молча терпеть.". - Согласно другому (крайне, на наш взгляд, искусственному) толкованию: "Благороднее ли для души терпеть".

163 "Вот в чем препятствие". - Слово "rub" - термин игры в шары. Так называлось любое препятствие (например, неровность почвы), которое отклоняло шар от прямого движения к цели.

164 "Мертвый узел суеты". - Здесь слиты два значения: суета и спирально обвивающая тело веревка.

165 "Чудовищ" - т. е. рогоносцев.

166 "Кроме одного" - т. е. кроме Клавдия.

167 "Входят Гамлет и трое актеров". - Даем ремарку по тексту кв.

168 "Переиграл Термаганта и переиродил Ирода". - Термагант (легендарный сарацинский царь) и царь Ирод были персонажами мистерий. Они неистовствовали на подмостках и произносили

"громовые речи".

169 "Возрасту и телу века". - Мы бы сейчас сказали: "театральное искусство должно отражать эпоху".

170 "Комиков" (в подлиннике "clowns") - в более широком значении, чем "шуты". Амплуа clown - комик-простак (ср. прим. 230) - следует отличать от fool - шут. Знаменитый Вильям Кемп играл "клоунов" (например, Лаунса в "Двух веронцах", ткача Основу в "Сне в летнюю ночь"). Его преемник Роберт Армин выступал в амплуа "шутов" (он играл Феста в "Двенадцатой ночи", шута в "Короле Лире"). Но иногда, как в данном контексте, слово clown употреблялось в широком значении "комик-эксцентрик".

171 "Входит Горацио" (кв.) - В фол. эта ремарка стоит после слов: "Охотно, милорд".

172 "Мне нужно притвориться беспечным". - Согласно другому толкованию: "Мне нужно притвориться безумным".

173 "Займите себе место". - Гамлет переходит с Горацио на обычное "вы", так как приближаются посторонние.

174 "Несущая факелы". - Даем сводную ремарку по кв. и фол.

175 "Пищей хамелеона". - Согласно поверью той

эпохи, хамелеон питался воздухом.

176 "А теперь и не мои". - Намек на старинную пословицу: "владеть можно лишь несказанным словом".

177 "Меня убивали на Капитолии". - Историческая неточность, встречающаяся и в шекспировском "Юлии Цезаре". Цезарь был убит не на Капитолии.

178 "Несравненный сочинитель джиг" - т. е. "несравненный паяц".

179 "Позабыт конек". - В день первого мая один из ряженых надевал маску конька. Народная песенка, из которой цитирует Гамлет, оплакивая конец старинных игрищ.

180 "Гобои" и т. д. - Даем эту обширную ремарку по фол. Вариант кв. ничем существенным здесь не отличается.

181 "Круглый Теллус" - т. е. землю. Теллус в римской мифологии - воплощение земли.

182 "Полынь!" - Гамлет хочет сказать, что слова пьесы для Клавдия и Гертруды горьки, как полынь.

183 "Оскорбительного". - Каламбур на слове "offence" - "оскорбительное" и "преступное".

184 "Убийство, которое произошло в Вене". - В изд. 1603 г. - "в Гвиане". Гамлет, повидимому,

произносит первое попавшееся ему на язык географическое название. Мы говорим с той же интонацией: "Где это произошло?" - "На луне" (имея в виду: "да здесь же, рядом с вами").

185 "Пусть вздрагивает... загривок цел". - Поговорка, означавшая: пусть тревожится виновный, - нам-то с вами что за дело?

186 "Час от часу не легче". - В подлиннике непереводимый каламбур на словах better and worse, употребляемых при обряде бракосочетания.

187 "Каркающий ворон взывает к мести". - Стих из дошекспировской пьесы о Ричарде III, принадлежащей перу неизвестного автора. В этой пьесе в мрачных красках изображен преступник на троне.

188 "Все. Огней, огней, огней!" (фол.) - Согласно тексту кв., эти слова восклицает один Полоний.

189 "Провансальские розы" - т. е. банты в виде больших роз.

190 "Цельного пая". - Актеры первого положения владели цельным паем в театральном предприятии, актеры второго положения - половиною пая.

191 "Павлин". - Гамлет хотел срифмовать was - ass - "осел", но заменил последнее слово более подходящим к Клавдию словом "павлин". Павлин

считался олицетворением тщеславия и сладострастия.

192 "Показывая на свои руки". - Вставляем эту ремарку для ясности. Ингльби предлагает: "беря за руки Розенкранца и Гильденстерна" (в таком случае Гамлет говорит об их руках). Сравнение рук с "ворами и грабителями" является перефразировкой цитаты из английского катехизиса.

193 "Пока растет трава..." - конец этой пословицы: "хворый конь может пасть". Эта пословица соответствует украинской: "пока солнце взойдет, роса очи выест".

194 "В сторону" (Стаунтон) - "Тихо, обращаясь к Горацио" (Кэпель). В кв. и фол. тут нет ремарки.

195 "Душа Нерона" - т. е. матереубийцы.

196 "Становится на колени". - Ремарка по изд. 1603 г.

197 "Сажает на нем язву". - Комментаторы поясняют, что проституткам клеймили лоб каленым железом. Но не намек ли здесь на симптом венерической болезни?

198 "Масса" - т. е. земля. Впрочем, Довер Вильсон считает, что Гамлет имеет в виду луну, на которую он указывает.

199 "С лицом печальным" (фол.) - "С разгоряченным (от стыда) лицом" (кв.).

200 "Разум становится сводником похотливого желания" (фол.). - "Разум прощает похотливое желание" (кв.). Переводчики обычно понимали слово will в значении - воля. Но здесь оно значит - похотливое желание (часто употреблялось в ту эпоху в этом значении).

201 "Воплощение шутовства и порока среди королей". - Гамлет сравнивает Клавдия со Старым Пороком, персонажем народного фарса и моралите. Этот персонаж, с одной стороны, был воплощением всевозможных пороков, с другой - буффоном, шутом.

202 "Входит Призрак". - В изд. 1603 г.: "Входит Призрак в ночном халате".

203 "Либо приютить дьявола". - Предлагаем одну из многочисленных коньектур, стремящихся объяснить искаженное слово текста (повидимому, пропуск слова). Комментаторы здесь предлагали также: "подчинит дьявола", "приручит дьявола", "усмирит дьявола", "скроет дьявола", "устыдит дьявола".

2(н "Подобно знаменитой обезьяне". - До сих пор не удалось установить, на какую басню намекает Гамлет. Повидимому, речь идет о какой-то обезьяне, которая, выдав тайну, сама себя этим погубила.

205 "Школьных товарища". - Слово "школа" употреблялось в значении "университет". В тексте уже раньше встречалось выражение: "школа в Виттенберге". См. прим. 123.

206 "Как обезьяна" (фол.) - "Как обезьяна орехи" (изд. 1603 г.) - "Как яблоко" (кв.).

207 "Хитрая речь спит в глупом ухе" - пословица, соответствующая русской: "дурак умного не разумеет".

208 "Тело при короле, но король не при теле". - Вероятно, эта темная фраза значит: "Король еще жив и еще не находится вместе с Полонием".

209 "Прячься, лиса, все гонитесь за нею!" - Вероятно, слова из детской игры. Гамлет, повидимому, убегает, а Розенкранц и Гильденстерн гонятся за ним.

210 "В другом месте" - т. е. в аду.

211 "Я вижу херувима, который видит их" (поговорка) - т. е. "мне кое-что известно".

212 "По сцене проходит Фортинбрас с войском" (кв.) - "Входит Фортинбрас с войском" (фол.).

213 "Мелкого спора". - Буквально: "Спора из-за соломинки".

214 "Ради выеденного яйца". - Буквально: "ради яичной скорлупы".

215 "В мелочи". - Буквально: "в соломинке".

216 "Входят королева, Горацио и придворный". - Даем этот разговор по тексту кв. В тексте фол. придворный отсутствует и реплики произносит Горацио.

217 "По шляпе, украшенной ракушками, посоху и сандалиям". - Это традиционный костюм пилигрима. Образ пилигрима (паломника к святым местам) часто в эпоху Ренессанса применялся к "влюбленному", поклонявшемуся "святой красоте". (См., например, "Ромео и Джульетту", где Ромео отправляется на бал к Капулетти костюме пилигрима.)

218 "Они не были брошены в его могилу". - Так в кв. и в фол. В XVIII веке Поп, однако, произвольно изменил текст следующим образом: "Они были брошены в могилу". Эти первые песни Офелии говорят о возлюбленном. Она, видимо, считает Гамлета умершим и оплакивает его смерть, думает о том, что не смогла бросить цветы в его могилу. Поп, вероятно, решил, что Офелия и здесь поет о Полонии. Совершенно произвольное "исправление" Попа почему-то удержалось в позднейших изданиях.

219 "Сова была дочерью булочника". - В одной из песен-баллад шекспировской эпохи рассказывалось о том, как дочь булочника была превращена

в сову за то, что отказалась дать Христу хлеба.

220 "День святого Валентина". - Первая девушка, встреченная в день св. Валентина (14 февраля), становилась "Валентиной" (нареченной) встретившего ее юноши. В песне Офелии девушка сама идет ранним утром к окну возлюбленного, чтобы стать его "Валентиной".

221 "Швейцарцы". - В эпоху Ренессанса во многих европейских странах телохранителями государей были наемные швейцарцы.

222 "Мятеж гигантов" - т. е. восстание гигантов против Юпитера. Клавдий сравнивает монарха с Юпитером.

223 "Любовь к родителям... предметом любви". - Нам кажется, что правы те комментаторы, которые считают, что (природа) здесь означает естественное чувство, т. е. любовь к родителям. Офелия посылает самое себя следом за любимым отцом. Речь Лаэрта эвфуистична.

224 "Жужжание прялки к этой песне". - Некоторые комментаторы считают, что слово wheel означает здесь не "колесо" (прялки), а "припев": "Как хорошо подходит припев к этой песне". Припев в самом деле грустный: слово down - вниз, лежа - намекает на смерть.

225 "Вот розмарин". - В словах Офелии каждый

цветок и каждая из трав является эмблемой: розмарин - воспоминания, верности; анютины глазки - размышления, задумчивости; укроп - лести; водосбор - измены в любви; маргаритка - ветренности, легкомыслия; фиалка - верной любви.

226 "Каждый носит ее по-своему". - Повидимому, здесь игра слов: rue - рута и rue - раскаяние, сожаление, печаль.

227 "Входят матросы" (кв.) - "Входит матрос" (фол.).

228 "Так сделал ты" - т. е. "ты так убил Полония, как я сейчас убиваю тебя".

229 "Под луной". - По распространенному в ту эпоху поверью, травы, которые были собраны в полночь при лунном свете, обладали особенными целебными свойствами.

230 "Два комика-простака" - см. прим. 170. Как в кв., так и в фол. здесь в ремарке мы находим слово clown, означающее в плане актерского амплуа комика-простака, в плане личной характеристики - увальня, простофилю, и, наконец, в смысле определения социальной характеристики - "мужика", деревенщину.

231 "Se offendendo" (лат.) - "нападая на себя", вместо "Se defendendo" - "защищая себя".

232 "Был герб". - Тут непереводимые каламбуры на слове arms, имеющем значения "герб" и "руки".

233 "Сходи к Иохану". - Шекспир, повидимому, хотел в шутку передать датское произношение имени Джон. Вблизи театра "Глобус" находился кабачок некоего "глухого Джона".

234 "Ох! - мне казалось". - Делиус полагает, что эти "охи" передают кряхтение могильщика; копающего землю.

235 "Ты находишься в ней". - Тут каламбуры на слове lie - "находиться" и "лгать, врать".

236 "В комнату знатной дамы" (фол.) - "К столу знатной дамы" (кв.).

237 "Кладет череп". - Эта ремарка является позднейшей вставкой.

238 "Входит священник..." и т. д. - Даем ремарку по кв. и фол.

239 "Сокращенными обрядами". - Буквально: "искалеченными обрядами".

240 "Верховный приказ" - т. е. приказ короля.

241 "Кремнями, камешками". - Самоубийц бросали в яму без гроба, лицом вниз, и забрасывали камнями. Это называлось "ослиным погребением".

242 "Гамлет, король Дании". - "Гамлет датча-

нин". Но уже в самом начале подлинника слово "датчанин" встречается в значении "король Дании", как и "норвежец" - в значении "король Норвегии".

243 "Прыгает в могилу". - Эта ремарка восходит еще к изд. 1603 г.

244 "Будешь пить уксус, съешь крокодила?" - Гамлет издевается под аффектацией чувств. Влюбленные щеголи пили уксус, чтобы быть бледными, или, чтобы доказать свою любовь, приносили обет съесть чучело одного из тех крокодилов, которыми были украшены окна аптекарских лавок.

245 "Что бы ни делал сам Геркулес... дождется своего дня" - т. е. есть вещи, в которых и Геркулес бессилен. Во фразе Гамлета объединено несколько поговорок.

246 "Живой памятник". - Клавдий намекает на готовящееся убийство Гамлета: намек, понятный одному Лаэрту.

247 "Разучиться писать красиво". - Кажется, никто еще не поставил этих слов в связь с чрезвычайно некрасивым почерком самого Шекспира.

248 "Верную услугу". - Буквально: "услугу йомена". Йомены (вольные крестьяне-землевладельцы) составляли самую надежную часть

пехоты в английском войске.

249 "Тяжеловесные сравнения". - Каламбур на словах as (как, поскольку) и ass (осел). Второй смысл - "тяжело нагруженные ослы". Гамлет издевается над глупостью стиля, полного напыщенных, тяжеловесных сравнений.

250 "Их занятие" - т. е. шпионство.

251 "Речного комара". - Маленькое и юркое насекомое с пестрыми крыльями.

252 "Королевский стол". - Издевательство над "выскочками" из нового дворянства, которые приобретали обширные земли, многочисленные стада овец и которых приглашали, наряду с родовой аристократией, к королевскому столу.

263 "Мне так, честное слово, удобнее". - Гамлет, повидимому, старается надеть шляпу Озрика ему на голову.

264 "Арифметику памяти". - Гамлет пародирует эвфуистический стиль Озрика.

255 "Не в мою пользу". - Гамлет глухо намекает на тайну смерти своего отца ("говорило бы не в мою пользу, если бы я проболтался вам").

256 "Носили ...пушку". - Тут каламбур на слове carriage - "держало" и "лафет" (мы перевели "упряжь").

257 "французский заклад против датского".

- Французские дворяне особенно гордились красивым оружием, английские (которые здесь названы "датскими") - верховыми лошадьми.

258 "Все это "заложено", как вы выражаетесь". - Тут, повидимому, дело в непередаваемой в переводе аффектации произношения, типичной для Озрика.

269 "Этого джентльмена" - т. е. Лаэрта.

260 "Скорлупой на голове". - По существовавшему тогда поверью, птенец чибиса, только что вылупившись из яйца, уже мог бегать. Скорлупа - большая шляпа Озрика.

261 "Рапиры и латные рукавицы". - Не только при поединках на шпагах, но и при фехтовании на рапирах употреблялись латные рукавицы (со стальными пластинками), которые надевались на левую руку. Каждый из противников, сражаясь (или фехтуя) правой рукой, левою старался, при случае, вырвать оружие из рук другого.

262 Даем комбинированную ремарку по кв. и фол.

263 "Я буду фольгой". - Тут непереводимая игра слова: foil - "рапира" и "фольга".

264 "Он тучен". - Довер Вильсон толкует "He's fat" - "Он вспотел". Такое толкование представляется нам крайне искусственным. Тем более, что у

Шекспира в других местах нигде, и ни разу слово fat не встречается в значении "потный".

265 "Они вырывают друг у друга рапиры" - ремарка по изд. 1603 г. См. прим. 262.

266 "Здесь твоя жемчужина?" - В кубке не оказалось жемчужины: король вместо нее бросил в кубок яд.

267 "Чей голос" - т. е. голос Гамлета за избрание королем Фортинбраса.

268 "Пушечный залп". - К этой ремарке фол. Кэпель в XVIII веке прибавил от себя: "Траурный марш".

ПРИМЕЧАНИЯ

Работа эта предназначалась к изданию Всероссийским театральным обществом в 1948 г., но по техническим причинам это издание не состоялось. Сейчас публикуется впервые.

К стр. 340-341. "...вернуться обратно в школу в Виттенберг" - Имеется в виду Виттенбергский университет.

К стр. 375. Перевод: "в борьбе покончить с ними" - сомнителен, он противоречит контексту и единодушному мнению всех коментариев. Гамлет не может колебаться в вопросе о том, что "благороднее" - смириться ли перед злом и пассивно терпеть его, или же "бороться" с ним с целью его искоренить. При, том душевном состоянии, которое переживает Гамлет, борьба со злом представляется ему бесцельной и невозможной, и единственным способом "противиться" злу (таков здесь смысл выражения "by opposing" переводимого М. Морозовым: "в борьбе") ему представляется уход из жизни, самоубийство (умереть - уснуть).

К стр. 432. "Он тучен". - Это выражение здесь

звучит неожиданно, так как на всем протяжении пьесы нет ни малейшего указания на "тучность" Гамлета, плохо вяжущуюся с его обликом, как он рисуется в трагедии. Поэтому многие комментаторы предлагают здесь вместо fat (тучный; один из постоянных эпитетов Фальстафа) читать близкое ему по начертанию hot - горячий, порывистый.